

ЛЮБИТЬ ДРАТЬСЯ МВЧТАТЬ

МАКСИМ

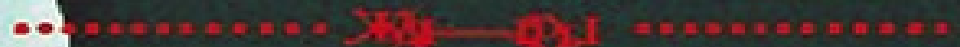

ЦХАИ

ВЫШИБАЯ ДВЕРИ

*«Прочитав эту книгу, вы получите хорошее
представление о крайне непростой судьбе
Не боюсь, но и не мечтаю»*

Евгений Гринко

Журнал

Эту книгу написал кумир Рунета: о наполненной адреналином и страстями жизни нашего соотечественника в Германии, его работе мед-братом в хосписе и вышибалой в ночном клубе, изо дня в день увлеченно следили тысячи человек. Ведь всем женщинам интересно, что в голове у красивых и опасных парней, а мужчинам нравился драйв и много-много драк: в итоге популярность «бродяги Макса» взлетела до небес! Вместе с тем эта откровенная и нежная исповедь о главных вещах: как любить и как терять, для кого сочинять волшебные сказки и как жить на земле, которая так бережно удерживает на себе и каждую пылинку, и тебя.

«Я в детстве так мечтал сесть на карусель Мэри Поппинс и встретить себя, взрослого, уже пожилого дядьку, лет тридцати пяти. Теперь я и есть этот дядька. Я хочу погладить этого мальчика по голове, ведь ему еще десять, но потом все-таки хлопаю по плечу, ведь ему уже десять. «Расти мужчиной, Макс. Готовься к такой драке, которая дай бог никогда не случится, и к встрече с такой женщиной, какую, может быть, никогда и не встретишь».

Цхай Максим

Вышибая двери

Моим родителям посвящается...

Любое сходство с реальными событиями и именами носит случайный характер.

— Убери каску с нашего стола! Ей здесь не место, как и тебе!

Моя каска летит в угол на грязную ветошь. Личные вещи на стол действительно класть не принято, но все это делают, переодеваясь, потому как сразу по возвращении положить их просто некуда. Но я, на взгляд немца Даниеля, не все.

Тупая злоба в глазах этого наглого дерганого юнца тут же заставляет озвереть и меня. Перед глазами всплывают красные мушки, и в ушах нарастает металлический звон.

Территориальный инстинкт. Хроническая болезнь германцев. Когда в маленьком тесном вагончике размером два на семь вынуждены переодеваться, пить чай и курить одновременно двадцать два человека, она переходит в стадию обострения. Немцы всего лишь поколение назад еще были аграриями, и среднестатистический немец всегда напоминает мне медвежонка из мультфильма, который с бурчанием «мое» прячет от веселой белки корзину малины. Но этот наглец Даниель — не медвежонок. Скорее молодой волчара, недавний недопесок, почувствовавший себя на тропе охоты. И его поведение — отражение настроения, витающего в рабочем вагончике уже несколько дней.

Когда я, только устроившись на эту работу, вошел сюда впервые, сразу вспомнил армию, солдатский госпиталь и прочую дрянь. Вагончик был разделен невидимой преградой на «чистую» половину и «грязную». В «чистой» стояли удобные скамейки с накиданными на них подушками и большой белый стол возле холодильника. Соответственно, микроволновая печь, радио и даже обогреватель находились на уютной «чистой» половине. Она принадлежала коренным немцам. Иностранная рабочая сила в лице немолодого затюканного турка Хуссейна и горстки югославских рабочих из вспомогательной фирмы ютилась в «грязном» углу, где не было ничего, кроме деревянных ящиков, поставленных один на другой, и окошка с выбитым на четверть стеклом.

На меня смотрели несколько пар глаз. В некоторых читались настороженность и холодность, в других — обреченный пофигизм. Я подчеркнуто сел один. На обжитые места немцев не претендую, но и в «загон для скота» не пойду. Соответственно, и отношение ко мне формировалось достаточно долго: с одной стороны, я несомненный чужак, с другой — не веду себя соответствующе этому виду рода человеческого, и язык мой немецкий вполне сносен. Поэтому, хотя за своего и не принимали, никто не смел после смены, когда все рабочие, потные, уставшие и злые, собираются в вагончике, метнуть мне ключи с криком: «Чего расселся? Иди дверь в контейнер закрой!», как Хуссейну, хотя он устал не меньше других. Хуссейн, проходя тогда возле меня, тихо сказал: «Пойдем со мной, поможешь», — но я не шевельнулся. И все это видели. И это было важно.

Потерянный статус не возвращается никогда — закон любого мужского коллектива. Так что прости меня, Хуссейн, но пойти с тобой означало признать равенство нашего положения, и в следующий раз ключи полетели бы в меня.

Где бы я ни работал — а ведь прошел путь от помощника на кухне до учредителя фирмы, — такой явной и открытой сегрегации по национальному признаку больше не встречал. Может быть, и потому, что впервые в Германии попал в коллектив совершенно мужской, закрытый, годами занимающийся тяжелым физическим трудом и оттого мрачно — угрюмый, являющийся носителем соответствующего культурного уровня. Про такой и говорил профессор Преображенский: «Я не люблю пролетариат». Что ж, надо знать и эту сторону германской жизни.

Так тянулось почти месяц: турки и югославы в своем углу, немцы — в своем, а я сам по себе.

Неожиданно неделю назад все изменилось. Пришла проверка из «охраны здоровья», и фирме вставили пистон за то, что курящие и некурящие рабочие вынуждены сидеть вместе. Закон есть закон. Начальство обязали выделить курящим закуток с надписью «Раухерэкке». Как назло, им стал тот самый грязный угол из-за наличия окна. И началось!

Коренным немцам пришлось сидеть попеременно с дикими иностранцами, ни слова не говорящими на единственно человеческом, то есть немецком, языке. Да еще и в замызганном углу, где задница, за долгие годы уже принявшая форму привычного мягкого сиденья, вынуждена довольствоваться ящиком из-под овощей!

Нервы в последние дни у всех накалены до такой степени, что, кажется, электричество в вагончике не нужно: втыкай штекер в прокуренный воздух, и закипит чайник. Можно украсть у немца новые штаны, отбить подружку — он стерпит. Но нельзя покушаться на привычное. Это катастрофа, крушение жизни и удар несправедливой судьбы в промежность. А кто виноват? Для немецких работяг, простых, грубых, одинаковых на каждой фабрике, в каждом вечернем пивбаре, добродушных после третьей пивной кружки и высокомерно жестоких в стае; для работяг, вымотавшихся за одиннадцатичасовой рабочий день в горячем цеху и озлобленных бредовой политикой Шредера, не привыкших к резко и безвозвратно упавшему уровню жизни, — кто виноват? Конечно, понаехавшие иностранцы. Я — типичный представитель.

А теперь еще и каску свою кладу на их чистый стол!

«Не место, как и тебе!» Эх, что ж я не в Союзе? Вытянуть бы тебя сейчас, щенка, за грудки прямо через стол, да колено навстречу! М-м-мх-х... По притягательности такая минута может поспорить с любовной.

Даниель самоуверенно пялится на меня. Глаза у него рыбы, навывкате, даже не столько злые, сколько тупые и наглые, что еще хуже. Остальные немцы с интересом и молчаливым одобрением наблюдают за нами. Иностранцы, как всегда, делают вид, что ничего не происходит, переговариваясь с преувеличенно бодрыми интонациями. Но вижу, что и они косятся в нашу сторону: бесплатный цирк, все-таки в Германии явное «напрашивание на любезности» — событие из ряда вон.

Нет, нужно сдержаться.

Во-первых, я все-таки представитель человек разумных. А во-вторых, мы не в Союзе. Да и Союза-то никакого нет. Придется обойтись без рукоприкладства. Правда, если долго сдерживать ярость благородную, это может кончиться язвой желудка, а то и инсультом. Но что ж я тебя, дурака, без рук не сделаю, что ли?

Молча беру каску и снова кладу на стол, перед его носом. Зрительный зал замирает. Ситуация, вместо ожидаемой развязки с посрамлением иностранной рабочей силы, получает продолжение.

Среди публики раздаются нервные смешки. Даниель оторопело и совершенно по-никулински смотрит то на меня, то на каску, но, подбадриваемый вниманием коллег, а особенно взятой на себя ролью грозного арийца, хмурит брови и повышает голос: «Тогда пусть лежит у нас под ногами!» И демонстративно кладет мою каску под стол, прямо под ноги своим дружкам. Именно не сбрасывает, а кладет. Каска дорогая, и это Германия. Но суть дела не меняется. Каска покачивается на грязном полу, возле мазутных рабочих ботинок. Никто не смеется. Расклад такой: либо этот стокилограммовый иностранец бросится на обидчика, либо, униженно посмеиваясь, наклонится и подберет свою вещь.

Неожиданно иностранец смущается и примирительно говорит: «Ну ладно. Верни мне ее, я уберу». Все, включая Даниеля, с облегчением вздыхают. Ничего унижительного в том, что он поднимет с пола каску, которую сам туда положил, нет. Тем более что враг признал свое поражение. Со снисходительной усмешкой, в которой все-таки читается след облегчения, Даниель нагибается и подает каску мне.

И тогда, взяв ее (немец находится в неудобном положении: согнувшись и вдобавок протянув в мою сторону руку), я с размаху, победно, громко бухаю каску на стол, перед противником! Да еще и прижимаю пятерней сверху! Так, что подпрыгивают кружки с чаем.

После секундной тишины вагончик взрывается от бешеного хохота, несущегося из здоровых глоток работяг. Хохочут все. И немцы, и иностранцы. Вместе! Вповалку! Огромный Фриц грохочет так, что сотрясается железный шкаф, на который он облокотился. Хуссейн от смеха упал на бригадира, и тот расплескал себе чай на колени, но смеяться от этого не перестал. «Интернационал» надо петь с хохотом!

Красный до кончиков торчащих ушей Даниель, не глядя мне в глаза, что-то бормочет под нос и делает вид, что нет ничего на свете важнее, чем давно затертая страничка из «Плейбоя». Судя по выражению его лица, ищет он сейчас в этой пышногрудой красотке не любовницу, а маму. Это больше соответствует его душевному состоянию. То-то же, мальчик. Всю свою небольшую жизнь ты вел себя как орангутанг в оранжерее, валял дурака, хамил учителям в школе. Знать ничего не хочешь, кроме пива, пабов и дискотек, и высокомерно цедишь: «Я немец в своей стране!» Я же был бит советскими ментами, мерз в голодной Караганде, деля с другом последний кусок хлеба, и строил детский дом для беспризорников, малолетних попрошайек. Они и присвоили мне, «дяде Максусу», гордое звание — Бродяга. И ценнее этого звания для меня ничего нет и не будет.

Ты здесь родился? Хорошее дело. А теперь здесь живу и я, Бродяга.

Так что привыкай.

* * *

Зачем человек ведет дневник?

В надежде, что кто-нибудь его прочтет. Это вроде как потерпевший кораблекрушение толкает в бутылку записку. Но одиночество на необитаемом острове имеет свои прелести. Во-первых, всегда есть надежда когда-нибудь с него выбраться. Во-вторых, рыбалки сколько хочешь, пляж... Одиночество среди людей дышит острым сквозняком коридора, двери которого распахнуты настежь. Люди входят с одного его конца, натоптав и накурив, выходят с другого — и в нем снова холодно и пусто.

А чего ты хотел? Живешь в чужой стране, с чужим языком. Пройдут годы, пока все это

станет твоим. И станет ли когда-нибудь родным?

Вот мой дневник и начат. Хотелось бы, чтобы к его завершению у меня появился свой остров или хотя бы закрылась одна дверь в коридоре.

* * *

Завербовался в известную фирму в качестве секьюрити. Специализируется она на охране больших дискотек и рок-концертов. На работу взяли! Ура! Или... черт его знает. Получил разнарядку в большой танцхаус. Оформлен он прикольно: на стенах заняты самыми разными делами игрушечные свинки — танцуют, пьют пиво, торгуются за покупки и даже лезут в петлю, а под потолком механические обезьянка и крокодил совершают странные, жутковатые движения в такт ревущей музыке. Вторую неделю брожу там с мрачным видом и надуваю щеки. На черную-черную водолазку натянута черная-черная куртка, черные-черные брюки над черными-черными ботинками, и на голове у меня черный-черный... смешной хвостик.

За неделю работы удалил с поля трех турок, одного итальянца и одного немца. По лицу пока не получал, хотя двое и норовили сопротивляться. Догнал албанца, который отодрал и пытался стащить с охраняемого мной объекта табличку с надписью «Не курить!». Албанец, получив от администрации танцхауса волчий билет — «хаусфербот», обиделся. Сообщил, что нехорошо так поступать с иностранцами, негостеприимно.

Немца, который хотел удрать, не заплатив, путем прорыва через кассу, я догнал, скрутил, притащил обратно, а потом долго и монотонно, с интонацией робота Вертера, нудел у него над ухом: «Вы должны заплатить... вы должны заплатить... вы должны заплатить...» — пока психанувший пленник не стал разбрасывать вокруг себя дензнаки с криками: «Вот! Забирайте! Все забирайте, все!» И, швырнув опустевший бумажник в мусорку, ушел бедным, но честным.

Работаю ночами, устаю и все время испытываю два простых мужских желания: спать и есть.

Но вообще впечатлений куча. Понял, почему людям пишущим рекомендуется смена профессий: новая работа разом погружает тебя в новый мир, в иные слои общества и специфические обстоятельства, приходится познавать новое отношение людей к тебе и твое к людям. Описывать, правда, все это некогда. Кем я только не был... Держимордой еще ни разу. Мне это не идет. Но... деньги! Зарабатываю на учебу, ибо заботами Шредера разваленная им экономика Германии не может больше финансировать обучение своих граждан. Будет время, обязательно зафиксирую пару веселых эпизодов из будней дискотечного охранника. Это тебе не каской об стол...

* * *

Вчера, уже под утро, вытащил из танцхауса пожилого драчуна, напавшего на бармена.

Случай из ряда вон. Нападавший был не турком и не югославом, а типичным белокрысым немцем лет пятидесяти, мосластым и долговязым. Блин, мужику уже о внуках думать пора. Заломил его за шею, в таком виде потащил через весь зал к дверям, на радость

публике. Всю дорогу он мне в подмышку объяснял, что со мной сделает, когда я его отпущу. Я не верил. Но было неприятно. Не оттого, что страшно, а оттого, что противно. К тому же забияка был на голову выше меня, и со стороны мы представляли собой сюрреалистическую композицию: шагает какой-то Чингисхан с черным лошадиным хвостом на голове и дополнительной лысеющей головой под мышкой, из второй сыплются садистические фантазии, а сзади мотыляются длинное тело и две ноги, пытающиеся ступать сообразно моим шагам, чтобы не волочиться по полу.

Мой напарник, испанец африканского происхождения Франциск (ох и лодырь!), уже открыл дверь в темное неласковое утро, куда я должен был выкинуть провинившееся тело, и тут выяснилось, что великовозрастный беспредельщик, нагуляв на шестьдесят евро, так и не заплатил. Голова, зажата у меня в локтевом суставе, ухмыльнулась — чтобы произвести расчет, мне придется его отпустить. Наш кентавр дал задний ход и отошел подальше от стеклянного витража. Философски вздохнув, я отпустил придурка, и тот, не теряя времени, выбросил в мою сторону длинный хук правой. Девчонки из гардеробной, в полном согласии со сценарием, схватились за щеки и завизжали. Падла Франциск сделал вид, что проклятая входная дверь никак не хочет закрываться. Но ничего страшного не случилось.

К пятидесяти у многих скорость движения уже не та, и я достаточно легко уклонился, сам же нападающий по инерции закрутился вокруг своей оси и как-то сразу утратил дух борьбы, выложившись в одном неудачном ударе. Он все еще стоял, сжав кулаки и воинственно дыша, но в глазах его уже читалось понимание бессмысленности сопротивления. Древняя германская культура снова гибла под натиском меднокожих варваров с востока. Половина его седеющей редкой шевелюры встала вертикально, наэлектризованная о мой бок, другая бессильно свесилась на ухо. Мне стало стыдно — за него, за себя, да и вообще. Мелькнула мысль: «Хорошо, что мои ребята и особенно девчонки в Крыму не видят всего этого...»

Я сказал:

— Успокойся. Сядь на стул и, битте, сам. Добровольно.

Негодяй неожиданно послушался и попросил у кассира сигаретку. Следующие пятнадцать минут, до приезда полиции, мы провели с ним за одним столиком, мирно беседуя о неправильном устройстве мира вообще и Германии в частности. О том, что он старше меня и мне надо его уважать. О том, что он уже два года как потерял работу на заводе. «Я слесарь! Смотри, у меня каменные ладони». И что от него в прошлом году ушла жена, а сын... Короче, не лезь ко мне в душу, грубиян! А бармен и вовсе хам и свинья.

Загромыхали тяжелые ботинки закованных в бронежилеты полицейских. Моему собеседнику вежливо, но непреклонно заломили руки и надели наручники. Рядом тараторил директор танцхауса Ян, перечисляя его грехи за эту ночь (напал на служащего, разбил бокалы, отказывается платить, а главное, подрался с секьюрити). Полицейский повернулся ко мне, вытащив из папки какую-то бумагу.

— Нанесен ли вам какой-либо телесный ущерб?

Я хмыкнул и ответил, что, если не считать туманных перспектив и ложных предположений о моем происхождении, никакого ущерба не получил. Полицейский невозмутимо вытащил из папки новый формуляр.

— Сообщите, пожалуйста, какими именно словами он выразил свое неудовольствие, тем самым нанеся вам моральный ущерб.

Сдерживая смех, я сказал, что это пустяки и претензий к дебоширу не имею.

— Единственный хороший мужик среди вас всех, свиней и педиков! — проревел мой пленник, и полицейские, собрав бумажки, поволокли его в холодное мартовское утро.

...Было пять часов, в зале тихо играла музыка. По углам, страстно обнявшись, качались запоздалые парочки, отбрыкиваясь от сонных официантов, объясняющих, что мы закрываемся. От усталости меня уже не держали ноги. Втиснувшись в «ситроен» Франциска, я посмотрел в боковое зеркало на свое отражение и наконец рассмеялся.

Когда в старости я буду подводить итоги своей жизни, мне никогда не придется жалеть о ее однообразии.

* * *

Не сплю.

Хочу встретиться с умной, интеллигентной женщиной и целоваться.

Хочется именно целоваться. Ничего больше. Идти на первое свидание, понимая, что второго не будет. Но какая-то сила заставила тебя ее пригласить, а ее — принять твоё приглашение. И пусть будет осенний парк, мокрая скамейка, и ей придется сесть тебе на колени, и будет это легко и естественно, не мокнуть же девушке, а журнал — вот беда! — всего один.

И чтобы ее дыхание обожгло щеку, а прохлада ее одежды немного остудила твои горячие ладони... И встретить ее теплые, мягкие губы, и коснуться твердой скользкости ее зубов... Чтобы вздрогнуло ее тело, делясь с тобой запахом духов... Чтобы, медленно покачнувшись, поплыла земля под ногами... Потом предметы обретут необыкновенную четкость, проявляясь из долгого сна, как фотоснимки в проявителе. И ясно и легко станет жить. Только от того, что прикоснулся к запретным, желанным губам.

Хочу целоваться. Только целоваться.

С властной нежностью взять ее за легкие плечи, привлечь к себе, и когда она прикроет глаза, опуститься губами по ее шее, впечатывая ровную цепочку поцелуев в нежную, обжигающую снежной белизной кожу...

Не бойся, мы будем только целоваться. Как дети. Как студенты — первокурсники. Ведь это не грех...

Только целоваться...

Честное слово!

А дальше как пойдет...

* * *

Принял на работу троих новых секьюрити. Один из них — бритый здоровяк вдвое шире меня, по виду типичный скинхед. Тайский бокс, анаболики, нунчаки в кармане. Громкий голос и постоянное бодание со всеми по любому поводу. Эдакий баран — переярок.

Оказался трусом.

Три дня назад мы вывели из танцхауса пятерых турок, затеявших драку, и они пообещали дожидаться нас после смены. Такое случается иногда. Обычно кончается ничем: кому охота до утра торчать на улице под дверью, еще и с перспективой быть взгретым или,

того хуже, попасть в полицию. А для турка это означает «прощай, гражданство», доступное ему после четырех лет пребывания в Германии. Но эти ребята явно были настроены отстоять свое турецкое достоинство любой ценой. Скинхеду я, купившись на его распальцовку и нунчаки, предложил идти вместе, а двоих новеньких отпустил, отправив их другим путем (рассудил, что ни к чему им пока). Сглупил. Расслабился в Германии, забыл, что чем кучнее, тем страшнее.

Лысый нехотя пошел за мной. На улице никого не оказалось, но в подземном гараже нас ждали четверо. Было много понтов и угроз. Турки явно приехали в Германию недавно, и от их манеры разбираться так и несло турецкой деревней.

Все было бы ничего, если бы в самый острый момент я не заметил, что стою один!

Нет, лысый не удрал, но лучше бы его не было вовсе. На его бледно-розовом лице, которое из-за прически начиналось от макушки и утопало в толстых щечках, проступило выражение семилетнего ребенка. Так он, скорее всего, выглядел, когда старшеклассники в школе отбирали у него булочку. Боевой хряк превратился в нашкодившего поросенка. Причем явно кастрированного.

Турки орали, брызгая слюной. Глаза лысого округлились и остекленели, как у мышонка перед удавом, слегка вывалившись наружу. Но именно это в результате и предотвратило рукопашную. Турки, заметив, что я остался один, поперли уже открыто, и тогда я, хлопнув лысого по плечу, сказал, нервно усмехнувшись: «Хэй юнге, кайне ангст, их бин филь эльтер альс ду!» Не бойся, мол, старший с тобой.

Реакции лысого я заметить не успел, потому что из самого борзого турка вырвалось нечто вроде «вах...» — и все четверо шарахнулись, словно в них кипятком плеснуло. Турки неожиданно замолчали, и их налитые бешенством глаза вдруг стали точь-в-точь как у призывников в первые три месяца службы.

Сообразив, что случайно сказал нужные слова, я важно надул щеки и продолжил с торжественной ленцой, так, будто тяжелую саблю из ножен потянул: «Мне тридцать три года! А тебе сколько лет, мальчишка?»

— Двадцать пять... — проямлил турчонок. Хотелось бы написать, что он в придачу шмыгнул носом, но нет, не шмыгнул.

— И-и-и-их! — со скорбным разочарованием протянул я и укоризненно покачал головой.

Совсем выродился турецкий народ. Какие нравы. Какое падение великой турецкой культуры. Завтра наши сестры наденут короткие юбки. Мы уже задираем мужчин старше себя...

Через минуту я делал им строгий выговор с занесением в личное турецкое дело.

«Мы думали, что ровесники...» — оправдывались турки.

Но горе мое было безутешно.

— Уходите отсюда, — бросил я и, ставя точку, презрительно отвернулся. Могли треснуть по башке, конечно, но терять было нечего — все равно с таким напарником четверых мне не осилить.

Турки, смущенно улыбаясь, легко прошуршали по гаражу и исчезли. Я выдохнул.

А на следующий день лысый уже рассказывал всему танцхаусу, что только его личное присутствие спасло совершенно не готового к бою шефа, который даже не знает, как опасно поворачиваться к хулигану спиной. Над ним смеялись девчонки-официантки. Директор танцхауса долго журил меня за то, что я вышел сам, а не поставил его в известность для

вызова полиции. А я взял ручку и листок бумаги, поймал нашего уборщика, седого Ахмеда, и записал с его слов грозную турецкую фразу: «Чужук! Бен сенден бююгим!» — что означает: «Щенок! Я старше тебя!» Фразу — код.

«Бен сенден бююгим!»

Выучил уже.

Явно пригодится.

* * *

Огромный турок Али забился в угол, как в дзот, и занял оборону, выставив вперед мосластые волосатые кулаки. Позиция прекрасная, можно продержаться до утра. Нас сегодня на смене трое: я, Алекс и испанец Да Грио. Ситуация осложняется тем, что турок зажал клубную карту и мы не можем его просто вытолкать — нужно, чтобы он сперва отдал карту и заплатил. Причем добровольно. Силком вырвать у него деньги мы не имеем права. Вызывать лишней раз полицию — это вредит имиджу танцхауса. К тому же мы с Али в полуприятельских отношениях. Он интересный персонаж, эдакий безбашенный бычара с широкой душой. В трезвом состоянии не агрессивный даже с учетом турецкого менталитета, и в свободные дни, когда я торчу по своим делам в танцхаусе, мы угощаем друг друга пивом. Али — владелец небольшого публичного дома на окраине города, куда зазывал меня «отдохнуть». Я отказался, мотивировав тем, что мне стыдно платить за «это» женщине. Али удивился, насупился и заверил, что все будет за счет заведения, но я отказался снова, уже без всяких причин. Али печально покачал головой, сочувственно на меня посмотрел и отстал. Не знаю, может быть, и воспользуюсь его приглашением, но не ранее чем лет через сорок. Может, еще оправдаюсь в его глазах. Так что, внучки нынешних девочек, привет вам!

Но сейчас Али напился до безобразия и никого не различает: как и все турки, он пьет не для просветления души, а для помрачения рассудка. Выкаченные глаза похожи на бильярдные шары, а из больших ноздрей вот-вот вырвутся две струи пара. Оставляю своих парней контролировать выход и не подпускать к нам не менее пьяных дружков Али. Сам же вступаю с ним в дипломатические переговоры.

— Али, ты узнаешь меня?

— Того, кто ко мне подойдет, клянусь Аллахом, убью! Смерти не боишься?

— Ну, мне-то можно подойти, я же твой друг.

Али долго и подозрительно смотрит мне в лицо:

— Тебе можно. Но не близко.

— Где твоя карта?

— Ага, я так и знал! Вы все не любите меня, вам нужны только мои деньги. На! Забирай! — И он сует мне зеленую сотню.

— Мне не нужны твои деньги, мне нужна твоя карта.

— Это ты только на вид хороший мужик... А на самом деле ты хитрый.

— Хочешь сказать, что я подлый?

— И подлый! — Тут он всхлипывает. — Вы все хотите моих денег, а сердце мое кому нужно?

— Мне. Мы с тобой пили пиво, и ты приглашал меня к своим девочкам.

— Я вспомнил: ты мой друг и я люблю тебя. Ты не виноват. Тебе нужны мои деньги...

— Не говори ерунды. Я же не взял деньги, мне нужна твоя карта.

— Зачем? Зачем тебе моя карта?

— Карта принадлежит дискотеке.

Турок мрачно сопит. Думает.

— А я не отдам. Я буду здесь жить. Раз вы ко мне так относитесь, я буду жить здесь, возле пепельницы в углу.

— Тебе нельзя здесь жить.

— Ты выгоняешь меня, мой друг. Ты предатель!

— Неправда. Ты слишком много выпил, теперь отдай карту, расплатись и иди домой, завтра мы все тебя ждем, потому что ты хороший человек и мама у тебя тоже хорошая.

— Она была падшая женщина...

— Как тебе не стыдно, мы все уважаем ее, она достойная женщина!

— Все женщины — шлюхи!

— Не говори так. Твоя мама — настоящая турецкая женщина, а значит, она не шлюха. Правда?

— Ай, дорогой, дай я тебя поцелую...

— Не дам. Лучше верни мне карту и иди домой спать.

— Так я и знал! Ты предатель, ты вытащил меня из дискотеки, хотя я трезвый, оскорбил мою маму...

— А ты потерял свою карту, поэтому и не отдаешь. Напился как мальчишка и потерял.

— Я? Никогда! — Али достает портмоне, оттуда вываливаются вперемешку деньги, презервативы и разные карточки. — Вот! Вот она! — торжествуя, хлопает ею об стол.

— Али, смотри, ты рассыпал деньги... Алекс, быстрее.

Алекс молниеносным кошачьим движением стягивает карту со стола и галопом мчится к кассе, крича: «Макс, только держи его!»

— А-а-а-а! Сволочь!!! Дырка от задницы!!! Пусти меня!!! Этот ублюдок украл мою карту!!! Пусти или я убью тебя, клянусь мамой!

— Да, твоя мама очень достойная женщина.

— Да... это правда... и отец!

— Конечно! Твой отец очень достойный человек, все знают твоего отца.

Али неожиданно нахмуривается:

— Откуда ты можешь знать моего отца? Ты его не видел ни разу!

— Я вижу его сына. Али, ведь ты похож на своего отца?

— Конечно, все так говорят...

— Вот видишь, разве я тебе соврал хоть раз?

— Нет... ты мой лучший друг... мой единственный друг. — И он лезет целовать мне руку.

В этот трогательный момент появляется Алекс и пытается мне что-то сказать. Успеваю шепнуть, что Али придет с деньгами завтра, главное — карточку вернули в кассу. Но Али, сфокусировавшись на Алексе, снова издает торжествующий вопль:

— А-а-а-а! Сын собаки! Я убью тебя! — И всей своей стокилограммовой тушей бросается на Алекса.

Я с трудом его удерживаю.

— Почему ты держишь меня?! Почему ты за него, а не за меня?

— Может быть, потому, что я подлый?

— Да, ты подлый. — Али плачет.

— И хитрый.

— Да... У тебя нет сердца! У вас, азиатов, нет сердца!

— Али, ты тоже азиат.

— Да! — Плачет еще горше. — У меня тоже нет сердца!

— Али, видишь, как все хорошо. Теперь иди домой, а завтра приходи опять, у меня будет выходной, и мы с тобой выпьем по три кружки.

— По две, мой друг, только по две... Три — это слишком много. Я не пью столько, ты же знаешь...

Али медленно собирает в портмоне высыпавшееся оттуда барахло и походкой колосса на глиняных ногах направляется к выходу.

Я облегченно вздыхаю, но, как выясняется, рано. В дверях возникает Ян, директор танцхауса:

— Али, ты опять набузил!

Тихо матерюсь сквозь зубы. Ян говорит тепло, почти по-отечески, но он явно не уловил общий смысл происходящего. Упрекать сейчас не лучшее время. При виде Яна в глазах Али снова загорается счастливый огонь:

— С-с-сукина подлюга!!! Я тебя насквозь вижу! Ты хочешь моих денег!!!

Снова подкравшийся Алекс, пользуясь тем, что объектом критики теперь сделался оторопевший Ян, подхватывает Али под левый локоть, Да Грио — под правый, и они медленно, но непреклонно буксируют его к двери. Али не обращает на них внимания. Его мозг ошарашен радостью встречи с директором и занят подбором слов для такой удачной и редкой случайности, поэтому тело упирается скорее автоматически. Покрасневший Ян поправляет белоснежный воротничок и принимает решение:

— Наш Али получает запрет на вход на три недели.

— По две!!! — орет упирающийся турок. — Три — это слишком много... — доверительно, по-детски шепчет он Да Грио и вдруг снова грозно поводит кудлатой головой, похожей на казан для плова средних размеров. Взгляд его кровавых глаз упирается в Алекса. Пока импульс от них не добрался до головного мозга, я подталкиваю Али в спину и сбиваю фокусировку. Глаза его снова начинают блуждать. Пока он сконцентрируется, пройдет время.

— По две, мой друг, только по две!

Подмигиваю Яну: «Уступи!»

— Ну хорошо, пусть будет две недели... — Ян добр и милостив.

Али торжествующе поднимает шишковатый указательный палец к небу и в таком виде исчезает в дверном проеме. В следующую секунду оба охранника заскакивают обратно и плотно запирают за собой дверь. С улицы раздаются мерные удары чего-то тяжелого обо что-то мягкое. Выглядываю в смотровое окно.

Двухметровый Али, достаточно твердо стоя на ногах, равномерно и сосредоточенно бьет себя пудовым кулаком по красной физиономии. На ней удивление и обида. Закрываю окно.

Завтра выходной. Приеду в танцхаус и выпью два пива. Только два. Три — это слишком много.

Я уже думал, что меня мало что может удивить.

Мчался вчера ночью по совершенно пустому шоссе вдалеке от города.

Полнолуние.

Выключил свет.

По бокам мелькают, переворачиваются в своем проективном движении осенние поля, дышащие легкой испариной, зависшей над ними, как призраки драконов.

А прямо на меня летит, чуть дрожа, залитая лунным светом дорожная лента.

Выключил мотор.

С горы разогнался быстро. Так и парил без звука и света.

Чуть дрожит призрачная дорога, свистит ветер в ушах, шевелятся полупрозрачные драконы, и луна ласково — мертвенным светом освещает все это безобразие.

Двери вагона с тихим шуршанием закрылись. В окнах в последний раз мелькнула ее серая курточка, и поезд, быстро набирая скорость, увез от меня мою мечту.

Ну и пусть.

Ну и ладно.

Какая она умница все-таки...

— Мы пойдем сейчас ко мне, пить чай!

— Нет, Макс, я знаю, чем это кончится.

— Ничего подобного. Если я зову женщину пить чай, даже в час ночи, это означает только то, что мы будем вместе пить чай. И ничего больше.

— Нет. Ты меня дуришь.

— В благородство никто не верит, а жаль...

— Ну, скажи честно, если бы я согласилась, ты бы и не попробовал продолжить?

— Нет...

Она хватается меня за плечи и начинает, смеясь, трясти как грушу.

— Тогда ты не мужик, Макс!

— Я не мужик. Я мужчина. Пойдем пить чай, и ты увидишь разницу.

— Нет.

Качает головой из стороны в сторону, как делают маленькие дети, но в ее зеленых глазах, еще секунду назад озорных и быстрых, теперь читается то самое сожалеюще-ласковое выражение, которое заставляет почувствовать вечное превосходство девочки — женщины над мужчиной — пацаном.

Нет. Она не пойдет.

Хочется завывать от отчаяния, задрать голову к сводам метрополитена.

Но, черт возьми, мы бы действительно просто пили и просто чай! Честное слово. Ты сидела бы рядом на табуретке, а я любовался бы тобой. Всю ночь.

— Макс, я мужу не изменяю.

Сказано без бравады и пафоса. Констатация факта. Я это и так знал. Такие женщины не

способны на полумеры и полутона. Они просто однажды уходят, и не вернешь.

Ну и не изменяй. Это же не мешает мне смотреть в твои глаза, похожие на прохладные капли прошедшего дождя на зеленом листке, ласкать взглядом твои плечи и длинные, тонкие запястья. Видеть смену улыбки и задумчивости на нежном и в то же время озорном лице. Какая разница, чья ты жена? Ведь за погляд денег не берут.

Но я смотрел на нее и понимал, что если бы встретил лет десять назад, то забыл бы обо всем. Скомкал бы свою и, может быть, ее жизнь в жаркой ладони — и крути меня, нелегкая... А что потом? Часы ослепительного счастья и годы сожалений. Что я могу ей дать?

Муж ее зарабатывает в разы больше меня, и не надо только говорить, что не в деньгах счастье. Пытаясь увести женщину, нужно победить ее прежнего спутника на всех фронтах. По крайней мере, на основных. Он европейски воспитанный интеллигент, занимающий высокий правительственный пост, а я великовозрастная шпана, разгильдяй и экс-мачо. Он чиновник, а у меня мотоцикл. Он говорит на трех языках, а у меня мотоцикл. Он умный, тонко чувствующий человек, лелеющий свою красавицу жену, а я мотоцикл разбил. Молодец, блин.

Я не хочу ломать ей жизнь. Не хочу даже пытаться. Возраст дает благоразумие. Гуманное и такое... кастрированное. Будь оно проклято. Женщины любят мужчин не за ум, не за мягкость и деликатность. Любят за огненное безрассудство... которое хорошо кончается. Нужно быть достаточно горячим, чтобы оказаться способным на первое, и достаточно умным, чтобы обеспечить второе.

Мы бегали, носились, летали по ночной Москве. Я приехал на десять дней. Только на десять. Красивая молодая женщина, балованная богатым мужем, и я, похожий на спившегося индейца, первый вышибала на деревне, то есть тьфу, в Монберге. Бело-розовое кремовое пирожное и соленый огурец. Но мне было все равно.

Потому что в ночном морозном, пропитанном ярким светом фонарей воздухе быстро мелькали золотые искорки снежинок, и ветер бодряще бил и обнимал нас своим упругим свежим телом, и она была рядом... совсем рядом. Она держала меня под локоть, а я жадно прижимал к себе ее руку. У меня так стучало сердце, что казалось, сейчас оно проломит клетку из ребер и выпрыгнет к ней, прямо в узкую ладонь.

Но ребра оказались крепкими. Правда, я о них себе все сердце отбил. Гонимые морозным ветром, мы заскакивали из одного кафе в другое, хохотали, поскальзывались на льду, и щеки наши горели от внешнего холода и внутреннего жара. Так, смеясь и не слыша, а чувствуя легкую, веселую мелодию, звучащую между нами, мы вышли на Красную площадь.

На площади был обустроен ночной каток, играла музыка, и мы залезли на парапет, чтобы посмотреть на катающихся. Она разглядывала беззаботные фигурки девочек — подростков, комариками скользивших по блестящему льду на серебряных коньках. Как все настоящие длинноногие блондинки, она, наверное, завидовала этой мелочи. Точно так же, как маленькие незаметные девушки завидуют высоким нордическим красавицам, плывущим по подиуму.

А я заскучал, соскочил с парапета — и не удержался, быстро обнял ее за стройные бедра, приподнял и усадил себе на локтевой сгиб. Она совсем ничего не весила, но, когда я поставил ее наконец на землю, в груди у меня уже полыхала доменная печь и было тяжело дышать. Невзирая на ее смех и возмущение, я утащил ее за угол какого-то здания (нечего хихикать, это был не Мавзолей!) и, закрыв от ветра, обнял. Просто закрыв от ветра.

Голова закружилась. Спасская башня превратилась в Пизанскую, а ноздри мои уловили тонкий, нестерпимо нежный аромат ее волос, сладкий и в то же время невесомый, как сотканная в вечернем летнем воздухе прозрачная паутинка. Не удержавшись, я слегка прикусил кончики ее локонов. Молча она наклонила голову. Связь между нами, воплотившаяся в это мгновение в десятке золотистых ниточек ее волос, натянулась до предела. Куранты пробили одиннадцать часов.

Какая она умница... Не пошла со мной пить чай. Только пить чай, правда. Но женской мудростью, которая заложена в каждой настоящей женщине с рождения, которая позволяет и пятилетней девочке строго и в то же время заботливо посмотреть даже на собственного дедушку как на состарившегося мальчишку, она почувствовала, что, как бы ни закончилось наше чаепитие, это будет конец сказки. Жесткий, циничный конец. Потому что, если бы я не сдержал своего слова и губы мои все-таки встретились бы с ее нежными розовыми губами, она никогда бы себе этого не простила. Такие, как она, не опускаются до обмана. Они уходят — и все. Готовить чай на кухне другого мужчины. Но не обманывают.

А если бы я проявил благоразумие и серым утром, когда все разговоры иссякли и чай остыл, мы бы скучно расстались после поцелуя в щеку, не простила бы мне такого кастрированного благоразумия. Да и я себе тоже. Ведь правда? Пусть лучше будет так. Не надо вычерпывать ситуацию до дна. Пускай останется что-то... На самом доньшке. Как золотая монетка, дразняще поблескивающая в холодном ручье.

Расставаться надо легко, так, словно отставляешь от себя бокал выпитого вина. Было классно и здорово, но вино выпито, и пить надо в меру. Бокал наполнится еще не раз в твоей жизни. Наполнится, конечно. Но когда поезд метро с протяжным тоскливым воем, набирая скорость, всосался в темный тоннель, мне показалось, будто чья-то невидимая рука сжала мои легкие.

Мы увидимся с ней, может быть, когда-нибудь. Конечно, увидимся. Если захватывающий фильм, который я снимаю про себя лет с пятнадцати, всегда будет кончаться хорошо. Если меня не разотрет об асфальт внезапно взбесившийся «коник» или не врежут кастетом по лбу мои веселые турки. Если благосклонна будет госпожа удача, которая вроде бы пока любит меня. А впрочем, она тоже женщина и, значит, тоже тянется к озорным выпендрожникам. А вот кислых зануд и скучных благоразумников не любит. Рохлей, которые отпускают таких женщин, не вырвав у них ни одного поцелуя. Не смог заслужить, так отбери! Старею, что ли?..

Когда мы увидимся, если увидимся вообще — через год, через пять лет? — я уже буду другим. А этот, нынешний, стоит сейчас на пустом перроне, и больше всего ему хочется бежать за поездом, чтобы еще несколько мгновений видеть ее серую, стального оттенка курточку. Угу. Или еще лучше: с диким ревом кричать небу, как маленький мальчик соседскому пацану — хулигану: «Отдай!». Ну уж нет.

Я шагал по ночной Москве. С левого бока холодило, и снег отчаянно скрипел, но к звуку моих тяжелых шагов больше не примешивался быстрый перебор ее мягких сапожек. Я старался не думать об этом. Подмораживало, и спальный район Москвы был пуст. В ночном магазине я машинально купил себе батон. Есть не хотелось, я купил его, чтобы не выходить с утра за едой. На улице слегка поскользнулся. «Как на катке», — мелькнула мысль, и тут я внезапно снова ощутил нежную упругость ее тела в своих ладонях и карамельный запах ее светлых волос. Волной накатил жар. Ничего не исчезло, все осталось со мной. Навсегда? Мы снова стоим на площади, и небо сыплет на нас золотистую снежную пыль, и, обняв ее, я

горячо шепчу ей в висок безумные слова.

Я снял шапку и расстегнул куртку. Свежий порыв ветра обрадованно швырнул в меня ледяной крошкой, но я даже не заметил этого.

Интересно, она любит свежий батон с горячим чаем?

* * *

Любовь без взаимности — разомкнутая цепь. Когда влюблен, невидимый телеграфист отбивает бесконечную морзянку в космос: «Люблю, люблю, люблю тебя».

Жаль, если приемный аппарат выключен или работает на другой волне.

Кто поглощает эти сигналы тогда?

Наверное, над Землей скопилось уже гигантское облако неразделенной любви.

Мягкое облако. Нежное.

* * *

Проснулся пять минут назад. На часах — половина третьего ночи. Дом пуст.

Проснулся с кривой полуулыбкой на губах и каким-то сжатым до состояния пружины криком в груди. Кому я кричал? Над чем смеялся? Горько смеялся...

Это надвигающееся время дает о себе знать. Душно и... чувствуешь, что спастись невозможно.

До дряхлости тела еще далеко. Но что такое «далеко» в человеческом измерении? Неотвратимость. Мне жутко представить, что когда-нибудь мои сильные, упругие мышцы обвиснут, станут дряблыми и будет бесполезно реанимировать их упражнениями. Что черная шевелюра поредет и сквозь редкие волосы начнет жалко просвечивать пергаментная кожа. И ни одна красотка не обожжет меня зовущим взглядом. Да что там красотка — простецкая коренастая деваха будет смотреть сквозь меня. Как обычно и смотрят на жалких стариков. И нельзя будет пить. Нельзя будет есть. Прикосновение к женским губам не заставит покачнуться и поплыть горизонт, не разольется по венам жидкое пламя и не откроется больше танцующий, пронзительно ясный мир страсти.

Так пей, человек, полной чашей черпай и не жалея разлетающихся искрами брызг. Черпай и с наслаждением, жадными глотками пей, пока можешь. Пускай ревет пламя в твоей груди, пока дрожит мотор и толкает стальной поршень горячая смесь. И когда пенное, бурлящее вино будет выпито, когда кончится горючее и ты покатишься по неровному асфальту по инерции, теряя детали на холостом ходу, отбрось пустой ковш и, повернув ключ, погаси зажигание. Махни рукой проносящимся мимо тебя. Пусть смех их разносится в теплой ночи и волосы вьются по ветру.

Махни им рукой и улыбнись. Живите. Радуйтесь этой жизни.

Облокотившись на руль, прижмись щекой к пустому, еще теплomu бензобаку и в последний раз закрой глаза.

* * *

Тысячи. Их тысячи. За вечер, даже в небольшом клубе, мимо тебя проходит около тысячи человек. В среднем клубе — не меньше трех тысяч. Каждый думает, что он уникальный. Так и есть, но если акцентироваться на этом, сойдешь с ума. Проверяешь наличие штемпеля на руке — народ выходит покурить и заходит обратно, мелькание рук перед глазами, — надо смотреть внимательно, многие стараются проскочить не заплатив, просто махнув запястьем; на некоторых руках стоит штемпель чужой дискотеки, это тоже надо контролировать.

Сперва голова идет кругом, потом привыкаешь. Я уже запоминаю вошедших в лицо и штемпель не проверяю.

Но у неопытных тюрштееров бывают нервные срывы. Ночь, грохот музыки, постоянная концентрация на входящих людях — этих впустить, этих нет, этих впустить, но быть внимательным; сирена — драка в зале, крики перед дверями, коллеге нужна помощь, мельтешня тысяч рук. И все это в непрерывном общении с сотнями разных людей — один хочет пошутить, другой поговорить, третья жаждет внимания...

Новенький тюрштеер выбил зубы посетителю. За то, что тот на штемпельном контроле шутя замахал граблями перед его лицом — дескать, ха-ха, где мой штемпель? И тут же получил тяжелый удар в лицо.

Это нехорошо, конечно. Непрофессионально и по-человечески плохо, согласен.

Но вполне понятно.

Тюрштееры грубые и злые. Звери практически. А вы представьте: всю ночь, а иногда и несколько ночей подряд, ты находишься на взводе. Каждый мужчина, зашедший в диско, — твой потенциальный враг. Более того, чувствуя, что ты облечен некоторой властью, парни часто начинают провоцировать. Иногда просто чтобы позабавиться.

Толпа, мигающие огни, сигнал тревоги на пульте — пусть не драка, пусть ерунда. Скажем, в зале курят. Продираешься в пульсирующей прожекторами темноте сквозь толпу. Как людям отличить, идет работник дискотеки или просто кто-то хочет протиснуться без очереди к бару? Они не спешат расступаться. Говорить бесполезно, в танцзале можно изо всех сил орать человеку в ухо — и он не услышит. Сперва деликатно похлопываешь по плечу — не реагирует. Настойчивее — не пропускает. Ласково отодвигаешь стоящего перед тобой и еще пару человек в придачу — и сразу: «Что это такое?! Какое безобразие!» Безобразие, да. Но какие еще варианты? Мельком замечаешь, что кто-то положил руку на поручень возле пульта диджея, — это опасно. Шлепаешь его по руке — нет реакции. Дергаешь за пальцы — на тебя оборачивается ухмыляющаяся с вызовом физиономия, дескать, хочу и буду. Резкий удар ребром ладони по пальцам, лежащим на металлическом тонком ободе. Рука отдергивается, физиономия перекашивается в крике, но ты уже протискиваешься дальше, тебе надо найти курящих.

Вот они, кучка парней с сигаретами в зубах. Все прекрасно знают, что курить в зале нельзя, идиотский запрет действует уже больше года. Но курят. Увидев тебя, некоторые бросают зажженные сигареты на пол, некоторые прячут их в ладонь, а некоторые продолжают нагло дымить. Грохот музыки, толчея. Показываешь знаками — курить нельзя, берешь за запястья прячущих светящиеся в темноте огоньки, объясняешь так же, знаками, что в следующий раз они будут выведены из клуба. Одни кивают, другие продолжают курить, усмехаясь. Выдергиваешь сигареты у них из зубов и бросаешь на пол. И тут же взгляд — посыл, в зрачки ломом: дернись только — убью. Именно тебя, лично, дружков твоих помилую.

За всю мою карьеру тюршгееера не рыпнулся ни один.

Это неудивительно: побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто готов действовать. Они пришли отдыхать. Если бы подраться — их не впустили бы. Они расслаблены, а я на работе.

Такая у меня работа — уговаривать тех, кто слышит, а глухих плющить.

Всё, теперь вернуться обратно, а там на рации вызов к дверям — опять кто-то забыковал! — и снова кросс пятьдесят метров сквозь дергающуюся толпу. Плещущие поднятые стаканы, кто-то орет в ухо, тебя требовательно хлопают по плечу, оборачиваешься — маленькая толстая девчонка отчаянно кричит что-то. Не слышно, но по губам читаешь: «Хильфе!» — «Помогите!». Расталкивая народ, рвешься — куда, в какую сторону бежать?! Она тянется к твоему уху: «Это очень важно! Ты не должен смотреть так зло, кругом праздник, улыбнись! Хи-хи-хи!»

Как богат и выразителен может быть скупой немецкий язык в такие минуты.

Поэтому, ребята, заглядывающие в диско, не провоцируйте охранников. У них тяжелый, жесткий хлеб. И иногда в нем остаются зубы.

* * *

Сегодня был настоящий бой.

Буквально за десять минут до закрытия танцхауса лысый ушел на обход, и почти сразу раздался вой тревоги. Оставив пост, я помчался в зал. Вокруг мелькание лиц, визг девок и грохот падающих стоек. Посреди танцплощадки, изрыгая матюги, размахивал табуретом — хокером, как Кинг-Конг баобабом, какой-то верзила. Под головой лежавшего на полу человека расплывалась лужа крови. Над ним орал и вертел нунчаками лысый.

Двухметровый верзила оказался моим косвенным знакомцем. Я знал, что он родом из Новосибирска, приходил на дискотеку пару раз, но был тих. Друзья его говорили, что, вдобавок к своим размерам, он еще и кандидат в мастера спорта по боксу. В сущности, это было заметно и так: по ломаному носу, сглаженным скулам и особому, боксерскому выражению глаз, придающему человеку слегка дремлющий и заторможенный вид. Он не понравился мне с первого взгляда, и вероятно, взаимно, поэтому знакомства как такового не состоялось, хотя мы и земляки. Мы проигнорировали друг друга — и все. Интуиция, как оказалось, меня не подвела.

С разбега, по инерции, я вылетел как раз между лысым и его противником. И неожиданно для верзилы заорал по-русски: «Дурак! В полицию захотел?!». Бычара слегка опешил, опустил табурет, а я уже сделал пару шагов в его сторону, что-то увещевающе воркуя, но в этот момент он вдруг вскинул длинную руку и метнул тяжелый хокер мне в голову. Уклонившись, я чуть не попал под вертящиеся нунчаки лысого, которыми он продолжал открещиваться от верзилы. Помянув недобрым словом маму такого плешивого дурака, я, расставив руки, как в жмурках, пошел на бычару, пытаюсь прижать его к стене. Боксер осклабился, принял стойку и упруго запрыгал на одном месте.

Ну все, уговоры кончились. Я махнул лысому, и мы стали напирать на врага с двух сторон, постепенно оттесняя его к стене. Продолжая ворковать по-русски, я подходил все ближе и ближе, и тут, снова вдруг, не дрогнув ни единым мускулом на лице, придурок атаковал. Все-таки не даром я считал бокс одним из самых эффективных боевых искусств. Средний боксер всегда одолеет среднего каратиста. Верзила рванул к лысому, получил удар

нунчаками вдоль хребта, но это его не остановило. Мелькнувший в воздухе кулак въехал в бело-розовую щеку лысого. Щека издала громкий, явственный звук «ляск!» — и мой напарник, словно жесткие джинсы, поставленные ради прикола стоймя, сложился и лег на пол. Я прыгнул на верзилу и повис на нем всей массой. Как бы ни был здоров мой противник, сто килограммов, с размаху повисшие на человеческой шее, — непосильная ноша для кого угодно. Я прочно зажал его голову в локтевом сгибе. Всё. Из этого моего захвата вырваться невозможно.

Однако боксер не собирался вырваться и тем более сдаваться. Он явно получал удовольствие от драки и, надо отдать ему должное, был действительно силен как бык. Он начал мотать всем своим гигантским телом из стороны в сторону, и я, не ослабляя захвата, мотался вместе с ним, как мангуст на кобре. Его шейные позвонки хрустели под моим бицепсом, но боксеру было явно все равно. Он продолжал работать кулаками, хотя удары его, из-за неудобного положения, практически не имели силы. Но коротко стриженная, мокрая от пота голова моего врага начала выскользывать из захвата. Я недобрым словом помянул свою скользкую синтетическую водолазку. Сколько раз говорил Яну о том, что нужно заказать для нас специальные защитные куртки! Теперь его нерасторопность могла мне дорого обойтись.

Верзиле, наверное, все-таки удалось бы освободиться, но тут пришел в себя лысый и сложенными пополам нунчаками стал охаживать придурка по бедрам, отсушивая ему ноги. Бычара утробно заревел, и я волоком потащил его к двери. В фойе кинул полупридушенного придурка на пол, отогнал лысого с его палками, явно решившего отомстить русскому за Сталинград, и, нависнув над стонущим противником, начал успокоительную беседу, не давая ему подняться. Я вытащил его клубную карту, сунул ее Яну, и в этот момент в танцхаус вошли двое полицейских.

Наконец-то я мог отойти в сторону и привести себя в порядок. Лопнула резинка, державшая волосы, и знак секьюрити был вырван с куском водолазки. Впрочем, позже его нашел бармен. Дебошира забрали (оказалось, он был под кокаиновым кайфом), раненому парню перевязали голову и увезли его в карете «Скорой помощи». Мы с лысым сели за столик и стали дружно жевать печенье, которым нас угостил Ян. Лысый мрачно чавкал, осторожно трогая опухшую щеку. Вид у него был настолько потешный и трогательный, что я не выдержал и расхохотался. Мой напарник насупился и пробурчал:

— Все проблемы в Германии от иностранцев. Проклятый русский... Извини, Макс.

Я подмигнул ему:

— А знаешь, в чем польза Германии от большого количества агрессивных иностранцев?

Лысый перестал жевать и вытаращил на меня голубые глазки.

— Мы с тобой не останемся безработными!

Лысый фыркнул от смеха так, что печенье полетело на брюки.

Официант Томми принес нам сок в высоких стаканах, чтобы мы не жевали всухомятку. На самом деле народ у нас в танцхаусе удивительно хороший и доброжелательный. Я отпил вишнево-банановую смесь и снова задумался над тем, в каком диапазоне швыряет меня жизнь. Восемьдесят процентов немцев, сменивших в течение года место работы дважды, страдают от депрессии и нуждаются в помощи психотерапевта. «А ты же советский человек!» — неожиданно раздался в моей голове бодрый голос Бориса Полевого. Тут уже засмеялся я, и крошки моего печенья полетели в сторону физиономии лысого, на глазах теряющей природную окраску и симметричность.

Но на этот раз он успел хотя бы прижмуриться...

* * *

Осенью 1997 года довелось перегонять груз в Крым через Урал. Через пару дней спать в кабине уже было невозможно. Вес у меня не маленький, и в сидячем положении вся нагрузка приходится на крестец, так что стало казаться, что скоро тазовые кости вылезут у меня с боков. Поэтому, невзирая на октябрьский холод, я на четвертые сутки вытащил кучу тряпья прямо в уральский лес, улегся на нее, как на пахнущую бензином перину, накрылся кожаной курткой и, положив под голову сапоги, довольно быстро засвистел носом. Причем еще отметил про себя, что это несколько странно: заснуть, начать храпеть и самого себя слышать.

...Проснулся я глубокой ночью. Сразу не понял, где нахожусь, но, слегка дернув головой и почувствовав, как щеку царапнул заиндеветый на холоде воротник, вспомнил все. Как ни удивительно, совсем не замерз.

Было тихо, настолько тихо, что почудилось, будто я слышу шуршание собственных ресниц. Возможно, так оно и было. Красота ночи заморозила. Я не двигался. Боялся, что достаточно чуть-чуть пошевелиться — и очарование рассыплется, как прекрасный замок, сложенный из тонких ледяных пластинок. Листья на деревьях, днем отчаянно полыхавшие багрянцем, в свете луны казались стеклянными. Над головой раскинулся бездонно-черный, окаймленный легкими серебристыми облаками небосвод, а прямо в лицо мне светила молочно-белая луна.

Индейцы верили, что на луне спряталась огромная черная птица, поссорившаяся с братьями — ягуарами. И действительно, я увидел ее, сложившуюся из темных пятен на поверхности.

По небу рассеялись стаи звезд, и полупрозрачное медленное облако неспешно двигало их к чернильно-черной бездне.

И вдруг... ужас, как ледяная игла, пронзил меня от макушки до каблука ботинка. Я осознал, что смотрю не вверх, а вниз! Остро и неожиданно понял: считать, что небо находится наверху, над нами, суть глупейшая иллюзия прямоходящих, ведь в космосе нет понятия верха и низа, Земля-то круглая! Я смотрел на мириады звезд, мерцающих подо мной, на облака, подо мной проплывающие, и детский ужас шевелил мои волосы. Только неведомая мне воля удерживает меня пришипленным к поверхности этого огромного шара, а подо мной... бездна.

Это ведь даже не на краю небоскреба стоять, это... непостижимо высоко. И я почувствовал, что стоит Земле отпустить меня, и я медленно, но верно поплыву... туда. Медленно, конечно, ведь космос настолько огромен, что не терпит суеты. Но и неотвратно, по той же причине. А где он начинается, космос? Да вот тут, сразу после кончика моего носа.

Постепенно инстинктивный страх высоты отпустил, замещаясь теплым чувством благодарности. Земля держит меня, ласково и надежно, как и подобает матери. Я даже попытался слегка оттолкнуться от нее телом, но она мягко, настойчиво снова прижала меня к себе. Словно упавший с дерева лист. Словно жадно припавшую каплю дождя. Каждая пылинка, капризно кружащаяся в токе ветра, готовая упасть в космос, бережно возвращается

Землей!

Я снова взмахнул руками, пытаюсь оторваться от земной поверхности. И снова мои руки были мягко прижаты к упругой серебристой траве. Улыбнулся: значит, и я ей нужен.

* * *

Вчера ночью ездил по делам в танцхаус. Попал под дождь и слегка промок, но это не испортило настроения. Привез новые планы своим парням, поговорил с Яном и вошел в зал. Сразу понял, что сделал глупость. В пятницу у нас обычно стриптиз, и народу полно. Меня тут же окружили гогочущие немецкие и турецкие физиономии. Мне стали мять плечи и усадили за уставленный пивом центральный столик.

Интересна психология этих людей. Многих из них я не впускал в дискотеку по правилам фейсконтроля, а кое-кого и удалял с поля. Но стоит мне прийти в частном порядке, как встречают меня с неким даже восторгом. Каждый пытается потрогать. Видимо, вот так же в цирковом антракте детям хочется покормить медведя в наморднике, сфотографироваться с ним и даже, может быть, погладить. В результате пришлось осушить некоторое количество выставленных передо мной кружек, и я понял, что за руль в таком виде садиться нельзя, тем более что асфальт мокрый. Остался.

Стриптиз в этот раз был скучным. Девки ничего, кроме сожаления, не внушали. Создавалось впечатление, что танцы у шеста для них единственная возможность привлечь к себе мужское внимание. Немцы щелкают фотоаппаратами, турки улюлюкают, так что внимания — зашибись. У меня же эти стриптизерши вызвали вполне определенные ассоциации. Хотелось их вымыть, натереть солью с перцем — и на сковородку под груз. Тогда, может быть, что-нибудь толковое и получится. И парень-стриптизер был неприятен. Эдакий прилизанный целлулоидный качок в матросской форме сперва делал вид, что трет палубу, а потом вдруг скинул бескозырку и стал раздеваться. Веселый корабль, наверное...

К моему столику подошел охранник Да Грио. Презрительно глянул на девку, кокетливо сдернувшую со своих зябких бедрышек последний платочек в горошек, голодными глазами посмотрел на стоявшую передо мной батарею из кружек пива, истекавшую белой пеной, и сокрушенно сказал, что Ян заплатил за час выступления каждому из приглашенных стриптизеров по 150 евро. Я поперхнулся пивом. Блин... зачем учиться? Работа-то: штаны надел — штаны снял. Судя по уровню подготовки, это были не самые высокооплачиваемые танцоры. Положа руку на сердце, они и даром не нужны. Мы посмеялись и решили, что, когда выйдем на пенсию, подадимся в стриптиз.

По возвращении меня ждал сюрприз. Вечером подруга сама не захотела ехать со мной, поскольку утром у нее семинар. Я обещал вернуться часов в одиннадцать, но так получилось, что задержался до пяти утра. Должен же был я протрезветь! Нашел на условленном месте ключи и проскользнул в квартиру. Совершенно бесплатно разделся и тихонько пристроился на ее любимый кожаный диван, накрывшись пледом и уже приготовив на утро необходимое выражение лица: «Кто? Я? Когда? Да ни в жисть!». С трудом проснулся один в доме, обнаружил на столике лаконичную записку: «Достал. Положи ключи на место» — и аккуратно собранную сумку с парой моих рубашек и сменой белья.

Сейчас напишу ответ: «Мыло и зубную щетку!» — а там видно будет. Пока полезу в холодильник.

Интересно, что в Монберге не живет ни один серб. Причина — здесь чрезвычайно сильна албанская диаспора. Регионал-ляйтер Роланд говорил, что была одна сербская семья, не разобравшаяся в обстановке, но после того как лобовое стекло отца, ехавшего вечером с работы, разбила пуля, они срочно переехали.

Если турки в Германии часто ведут себя просто как жестокие скоты, то албанцы при этом еще и беспредельщики. Нет на них ни страха, ни разумного разговора. (Сразу уточню: мои определения «албанцы», «турки» касаются не всего народа, а национальной специфики бандитов.)

Что делать полиции? Что делать танцхаусам? Как держать этих людей в рамках? И вот здесь на сцену выходит Бесмир.

Никто не знает, как его в действительности зовут, — ни я, ни директор дискотеки, ни регионал-ляйтер, ни даже сами албанцы. Достоверно известно только, что родился он в Косово, в семье очень влиятельного клана.

Во время сербских событий этот клан отличился в партизанской войне. Возможно, поэтому американцы и сделали на него ставку. Сейчас группировка под официальным названием «Бет» пользуется среди албанцев наибольшим уважением.

Свою бригаду в Германии Бесмир взялся формировать еще подростком. Все шло по накатанному сценарию: дворовые друзья — тюрьма — группировка. Долгое время это был просто глава бандформирования, авторитетный, но все же не настолько, чтобы называться албанским крестным отцом.

Перемены начались после косовского конфликта, с приходом клана Бесмира к власти. В новом правительстве его дядя занял серьезный пост, и именно с этого времени в Германии полилась рекой горячая средиземноморская кровь. Бесмир стал расчищать территорию, подчиняя соседние банды и уничтожая их лидеров. По разным данным, он убрал не менее шестидесяти человек. Непокорного главаря соперничающей группировки просто ловили на улице и сажали в машину, которая везла его прямоком через албанскую границу. После этого человек исчезал навсегда.

Все таможни Албании, все полицейские участки находились в руках его клана. Албанскую диаспору, стоящую вне открытого криминала, он подчинил себе еще проще. Ни один албанец без его разрешения не мог пересечь границу Косово, а так как жулье предпочитает жить и работать в Германии и Косово одновременно, возя наркотики, контрабанду и проституток туда-сюда, то запрет в случае несогласия лишал их основного источника существования. Доходчивый аргумент. Не говоря уже о тех, чьи ближайшие родственники жили в Косово и автоматически становились заложниками.

Армия Бесмира насчитывала несколько сотен человек, многие из них прошли войну. За несколько лет он сделался самым авторитетным бандитом на территории региональной земли. Ему подчинились все албанские диаспоры.

Именно тогда Бесмиром заинтересовались немецкие спецслужбы. Не можешь устранить — подчини. Ему быстренько выдали запрет на въезд в Германию, и Бесмир пошел на сотрудничество. Полиция закрыла глаза на его проживание в стране при условии, что он

будет следить за порядком среди албанцев, турок и цыган, против которых немецкие полицейские часто бессильны. Так он стал связующим звеном между силовиками и этническими группировками. За это полиция дала ему карт-бланш на действия среди своих.

Бесмир официально зарегистрировал свое охранное предприятие и постепенно подмял под себя девяносто процентов немецких секьюрити-фирм. Он практически легально вошел в бизнес «крышевания» — не менее пятидесяти дискотек стали платить дань непосредственно ему под видом оплаты за предоставление охранных услуг. За это он обещал танцхаусам защиту от местных бандитов и беспредельщиков. И слово свое, надо сказать, держал.

В начале нулевых сборная из двадцати отморожков ворвалась в здание танцхауса сети дискотек «Ангар», вырубил двух тюршгеев и устроила охоту на директора. Тот вместе с регионал-ляйтером заперся в своем бюро. Не одолев железную дверь, албанцы вернулись в танцзал, перевернули дискотеку вверх дном и выпили на обломках. Победа средиземноморского оружия над «паршивыми немцами» праздновалась до утра. Не думаю, что кто-то хотел целенаправленно поломать гешефт «Ангара», просто в албанцах играла горячая кровь и жажда этнического творчества требовала выхода и реализации.

Но радость их была недолгой.

На следующий день в Монберг приехал автобус с плотно завешенными окнами. Во главе сорока боевиков явился лично Бесмир. Оружие даже не прятали. Бесмир ездил по домам погромщиков, вежливо приветствовал их родителей, улыбался женам, гладил по щечкам их детей и мягко предлагал хозяину дома, находившемуся уже в полуобморочном состоянии, сесть в автобус. Никто не отказывался.

Собрав всех, Бесмир привез дрожащую средиземноморскую сборную в «Ангар».

Он поставил их в фойе на колени и приказал просить прощения (говорят, это было очень трогательно), после чего предупредил, что в следующий раз виноватых искать не будет, а просто сыграет со всей диаспорой в лото, положив туда один-два черных билетика. Тот, кому достанется такой билетик, будет вывезен в Косово со всей семьей, включая детей, и на этом его род прекратится.

С тех пор целенаправленных разгромов дискотек сети «Ангар» не было в течение нескольких лет. Как только подрастало новое поколение гопников, Бесмир слал им привет, и крутые ребята тут же становились смирными барашками. Этому я сам потом оказался свидетелем.

Но также известно, что, когда в Косово в одной из разборок был застрелен родной брат Бесмира, он срочно вылетел туда со своими двадцатью бойцами — и поездку эту оплатил «Ангар».

Я долго не осознавал, что тоже работаю на этого человека. Ну, есть головное охранное предприятие «Шмидт и компани» — меня это не интересует, я и непосредственного шефа «Шмидта», шустрого мужичка с лисьими глазами, видел всего раза три за два года. Как я узнал потом, он отвечал за отношения Бесмира с «Ангаром». Этих дискотек насчитывается в Германии более двадцати, и все они под прикрытием албанцев.

Когда «Ангар» превратился в одно из самых спокойных заведений региона, мне пришло письмо на адрес дискотеки. Текст был простой: дескать, давай, парень, молодец, так держать, будут проблемы — обращайся. Вместо подписи стояло незнакомое имя — Бесмир. Я недоумевал — официальные письма в Германии так не пишутся. Решил, что шеф головного предприятия просто веселый чудаки, и продемонстрировал письмо старому тюршгееву Дирку. Тот странно на меня взглянул и сказал: «Обязательно покажи это письмо

албанцам».

Вот так я впервые узнал о Бесмире.

При следующем же конфликте у дверей, когда пятеро албанских юнцов отказались уходить без боя, подбадривая себя криками: «Да ты кто тако-о-ой?!» — я ради интереса вытащил это письмо и ткнул его в физиономию их вожаку.

Парня передернуло так, словно его ударило током. От потрясения, не веря своим глазам, он стал читать вслух: «Здравствуй, Макс... Тебя... э-э-э... вас... зовут Макс? А меня... меня Дэрсим... Очень рад... С дружеским приветом, Бесмир... Телефон... О-о-о... Простите нас мы немного выпили сегодня. Пожалуйста, передайте господину Бесмиру, что мы его очень любим и уважаем...»

Все же я решил, что не буду пользоваться этой охранной грамотой, стараясь дистанцироваться от мафии. Но впоследствии наступил момент, когда номер телефона, так напугавшего албанских парней, мне пригодился.

* * *

Вызвали на суд по поводу недавней драки. За полчаса до начала процесса в зале ожидания уже толпились свидетели. Там же ждали потерпевший и обвиняемый.

Виновник произошедшего, возвышавшийся над всеми боксер — русак растерянно сделал шаг мне навстречу, но я отвернулся. С отморозками не общаемся.

Иримас приветствовал меня сердечно. Он бодрился, покуривая, но чувствовалось, что ему не по себе. Еще бы. Иримас — двадцатилетний двоюродный брат раздолбая Али, и наделали они в свое время в Монберге много чего. Занимались всем, на чем можно заработать, от крышевания проституток до рэкета турецких магазинчиков. Но если Али дважды сидел, то ясноглазый кудрявый ангелочек Иримас каждый раз выходил сухим из воды, отделяясь условными сроками. В то же время он, как и его братец, широкой души человек. В нем чувствуется особая, присущая некоторым туркам и албанцам веселая бесшабашность, и, глядя на него, понимаешь, что этот человек не может быть другим. Не могу сказать, ошибся ли Бог, выделив этим народам слишком много тестостерона в кровь и обделив тормозами, но они таковы, каковы есть, и это не мешает им, невзирая ни на что, быть иногда славными малыши.

Иримас частый гость в танцхаусе. Не знаю, из-за отношений со мной или по причине своего добродушия (без надобности грабить не станет), он ни разу не устраивал драк с посетителями. Напротив, если был в зале, работа моя облегчалась. Стоило забуть турецкому молодняку, я отправлял к ним Иримаса. Грозно каркнув по-турецки, он легко утихомиривал молодежь.

Но тогда в дискотеке был явно не его день.

Истец, пострадавший немец, приятельствовал с русским. И получил, подозреваю, тяжелым табуретом в голову именно от него. Я своими глазами видел, как русский легко махал полутораметровым хокером, прежде чем запустить им в меня.

Когда Иримас увидел, что начинается такая веселуха, он не захотел остаться лишним на этом празднике жизни. Отпихнул в сторону свою подружку, ухватил стакан, сделал «звездочку» и, угрожающе размахивая ею в воздухе, заорал двухметровому боксеру: «Эй, придурок, посмотри на меня!» Его уволокли приятели, а боксер, будучи под коксом, стал

косить всех, кто хоть отдаленно напоминал такой подкласс человек, как турки. Видимо, во время этого былинного действия он и зацепил приятеля.

Однако на суде русский с немцем заявили, что не знают друг друга. Более того, притащили целую бригаду русскоговорящих стариков, женщин и детей, которые в один голос запели, что Иримас, живущий неподалеку от пострадавшего, давным-давно «такую личную неприязнь к потерпевшему имеет, кушать не может!».

Иримас покрылся пятнами, а судья объявил перерыв. Дело принимало для турка совсем неприятный поворот. Ему засветил срок до трех лет, и учитывая прежние заслуги, на условный рассчитывать не приходилось. После перерыва судья, одетый в смешное шелковое пончо, стал вызывать свидетелей со стороны защиты. Я оказался единственным, и дальше все пошло как в телевизионных судах.

Судья оповестил, что будет говорить тюрштеер танцхауса «Ангар» («Шеф тюрштееров!» — буркнул я про себя). Меня предупредили, что за дачу ложных показаний грозит срок до пяти лет. И я коротко изложил по-немецки всю историю. С мест русскоязычных раздались возмущенные выкрики: «Ты! Сам нащ, а стоишь за черножопых!» Судья призвал всех к тишине, напомнив, что здесь суд, а не дискотека. Я вернулся в зал, и начались прения.

Защита Иримаса опиралась на мои показания. По словам тюрштеера («Шеф: тюрштееров!» — простонал я), хокер кинул другой человек.

Обвинение утверждало: трое свидетелей говорят, что именно Иримас начал драку и угрожал русскому режущим оружием. Табурет был адекватной защитой. К тому же двое из трех, а также сам потерпевший настаивают, что именно Иримас кинул стул: метил в русского, но попал в потерпевшего. Получается, трое свидетелей против одного, а значит, есть основания сомневаться в искренности свидетеля защиты. Мне хотелось сказать: «Я вам свой дневник покажу!» — но судья снова объявил перерыв.

После того как нас собрали в зале, выяснилось, что истец и обвиняемый пришли к соглашению. Иримас должен выплатить немцу за его разбитую русским боксером голову 5000 евро и еще 1000 евро... русскому боксеру!

Так вот. Закон что дышло — куда крутанешь, туда и вышло. Уж я-то точно знаю, кто сносил дискотеку и чуть не засадил мне хокером по голове! Именно тот, кто положит в карман халявную штуку евро.

Однако Иримас светился от счастья — он-то уже расцеловался с плачущей сестрой и попрощался со свободой. А деньги... «Макс, что такое дэнги? Солнышка свэтит!»

Вот так судиться в Германии... Разбитый стакан и две минуты понтов обошлись в стоимость автомобиля. Но на турка это произвело меньшее впечатление, чем на публику. «Солнышка свэтит!» — вот что главное.

* * *

На днях Ян торжественно выдал мне особую платежную карту танцхауса. Это приват-карта, с ней можно приходиться в танцхаус в любое время, пить «Маргариты» бочками, швыряться жареными колбасками — и все это будет бесплатно. Такая же есть только у троих в администрации: у самого Яна, его жены и его зама. Все не злоупотребляют...

Ян — наивный. На его счастье, коктейли я не пью. А вот пиво... Что я сделаю с сегодняшней выходной? Пра-а-авильно!.. Да нет, конечно. Я и к другу моему, владельцу

ночного клуба байкеру Тиму после введения меня в круг избранных халывщиков стал приходить не чаще раза в месяц.

Испортили мне весь кайф еженедельных клубных посиделок. Одно бодрит. Когда я стану старый и потеряю принципы, а заодно и совесть, буду сперва заходить в танцхаус, нагружаться разливным «Лёвенбрау» по самое не хочу и заначивать себе связку жареных колбасок. Потом, насмотревшись на дискотечных девок, пойду к старому приятелю Тиму и догонюсь там дрожжевым пивом с банановым соком и виски с содовой. И, надышавшись родной атмосферой, закончу вечер в уютном домике у Али, среди веселых девочек, которые сейчас даже еще не родились, но к тому времени они народятся, обязательно народятся... куда ж без них...

Внуки Яна будут уважительно качать головами и шептаться, когда я появлюсь в дверях танцхауса, отчески бурча на лопуха — секьюрити: «Вот в наше время тебя бы, разгильдяя...» Седая Ребекка в клубе у Тима всплакнет за кружкой о том, как когда-то была тоненькой и жгуче красивой, а теперь — шайзе! — все висит... Будут хохотать два старика, я и Али, над тем, как один выпирал другого из дискотеки, а другой был дурак и не ходил по проституткам — чего выпендривался?.. Эх, молодость... А утром я, невинно и беспробудно выспавшись возле грешной красотки (чему она, несомненно, будет рада), сделаю брови домиком: «Ну что ж... время гусару Олсуфьеву гулять, а время и спатеньки ходить...»

Так зачем мне пенсия? Я буду ее жертвовать на благотворительные цели.

Чтобы оправдать такую грешную старость.

* * *

Два года назад я влюбился. Неожиданно и безнадежно. Я не имел никаких шансов. Не потому, что не нравился. Просто ей было шестнадцать лет.

Для меня женщина как потенциальная возлюбленная существует в возрастном отрезке от восемнадцати до тридцати пяти. Возможны некоторые осторожные шаги в сторону увеличения цифры, но никак не уменьшения. Девчонки шестнадцати-семнадцати лет для меня именно девчонки. Тех, кто реагирует на еще более молоденьких, я бы собственноручно по стенке размазал. А тут...

Мне было тридцать два. Я тогда солировал в Кобленцском хоре, и она пела там же. Наверное, я ей нравился. Было заметно, что между нами пробегает искорка, и руководитель хора предупредил: «Максим, ты за нее сядешь». Старый козел. Он, а не я. Потому что я даже мысли о сексе не допускал. Она появлялась сама по себе. А я ее снова не допускал. И было тяжело.

Может, и глупость, конечно. Все могло бы быть как по нотам, закружил бы голову (много ли соплюшке надо?), в свое удовольствие сделал женщиной, и нет меня. И лети, девица, кувыркком с романтических небес на твердую землю. Но при всей своей аморальности я все-таки не мог поиграться и оставить девчонку разочарованной в ее первом чувстве. Это женщине созревшей может доставить радость секс сам по себе, без воздушных дворцов и сказочных принцев. Впрочем, и им это нужно. А уж семнадцатилетние девочки не столько секса ищут, сколько ритуальных плясок.

Не люблю типов, которые не могут или не хотят в подобных случаях сказать себе «нет». Не из каких-то моральных соображений, а на физиологическом уровне не переношу

похотливых зверьков. Контраргументов можно привести сколько угодно, от «сделает кто-то другой» до «ты не мужик». Вот пусть «кто-то» это и делает. И да, я «не мужик».

...Сегодня случайно увидел ее на улице. Стояла на остановке с каким-то приятного вида парнишкой лет восемнадцати. Как я и предполагал, за эти два года она стала женственнее, мягче. По тому, как она улыбается, как свободно и легко отбрасывает со лба каштановые волосы, я понял, что все у них серьезно. Инстинктивно притормозил и поднял забрало каски. Она помахала рукой. Я показал на ее парня и поднял большой палец. Они засмеялись, и парень по-подростковому угловато закивал мне. Они немного замялись: подойти, не подойти? На оживленном перекрестке кругом ревели машины. Руль дернулся в моих руках. Еще немного — и я выскочил бы к ней на тротуар.

А... зачем? В груди слегка щемило. Ну и пусть. Ну и ладно. Так и должно быть. Я махнул им рукой и прибавил газ.

* * *

Все, что я делаю, — для тебя. Для тебя живу, дышу, чувствую, думая о тебе, улыбаюсь, грущу только о тебе.

Ради тебя в фитнесе часами работаю с железом (а ведь я уже не мальчик), ради тебя мою голову дорогим шампунем, потому что мои волосы должны нравиться тебе. Я стараюсь оставаться мужчиной в самых тяжелых ситуациях, иногда лезу на рожон — не геройства ради, а только для того, чтобы ты гордилась мной. Учю этот кошмарный немецкий язык, который не укладывается в мою битую всевозможными сапогами голову, заполняю мозги разнообразной и, если честно, мало нужной мне информацией. Я даже читаю умные книги, стараясь оценить Кафку, только для того, чтобы быть тебе понятным и интересным.

Пою наедине с собой, чтобы суметь спеть тебе, когда ты этого захочешь, и тем вызвать улыбку или слезы на твоих лучистых глазах.

Перестал пить пиво и не ем на ночь только для того, чтобы твоей ладони было приятно скользить по моему телу. Для чего же еще? А ведь так заманчиво в жару выпить холодного пивка с друзьями, а ночью — залезть в холодильник и нарушить сонную тишину веселыми звуками шкварчащей сковородки!

Дважды в день стою под холодным душем (брррр!), пью витамины и даже бросил курить, чтобы оставаться молодым и здоровым. Для тебя. Только для тебя.

Любимой.

Которой нет.

* * *

Кандидат немного смущается.

— Работал раньше охранником?

— Нет... но я буду стараться.

— Говоришь, одна работа у тебя уже есть. Но ведь сюда на смены придется выходить и в будни, по средам, в объявлении о вакансии я это выделил.

По могучим плечам проходит легкая волна.

— Нет проблем.

— А как ты будешь, не выспавшись, пахать у себя на стройке? У нас работа тяжелая.

Робкая улыбка.

— Я не устаю никогда...

— Да ну?

— Правда... Я даже в выходной сплю четыре часа в сутки и хорошо высыпаюсь.

Знакомьтесь: албанец Куруш, мой новый охранник.

Как все большие и сильные люди, он осторожен в движениях, и на лице его всегда немного виноватое выражение. Дескать, простите, если кого зашиб, я нечаянно. Куруш — профессиональный боксер. Два кубка среднего значения у него уже есть. Цель — стать чемпионом мира в супертяжелом весе. К тому же он работает пять дней в неделю на стройке и вдобавок три ночи у меня в танцхаусе. И работает прекрасно. Куруш на сменах уже две недели, и я на него не нарадуюсь. Дисциплинированный, сдержанный, по-настоящему мужественный парень. Ему всего двадцать два года.

На прошлой смене он выволок в одиночку двоих дебоширов, зажав их головы под мышками. На улице отпустил, и они сразу решили отомстить. А Куруш только глянул из-под густых бровей и спокойно, даже по-дружески сказал: «Лучше не надо». И ему поверили. Я бы тоже поверил.

Внешность у Куруша, мягко говоря, устрашающая: крупные черты лица, перекореженный горбатый нос, квадратная челюсть и густые черные брови вразлет. При этом он красив настоящей мужской красотой, а когда еще и улыбается — неожиданно по-детски, немного смущенно, — дискотечные девчонки тают, как нежное белое мороженое под жестоким средиземноморским солнцем.

Ночь, стоим у дверей. Только что мимо прошмыгнула стайка полуголых девок, по традиции (не мной заведенной!) расцеловав нас в обе щеки и обдав заодно горячей волной дешевого парфюма пополам с чудесным запахом юных девичьих тел. Это придает нашим мужским мыслям определенное направление.

— Куруш, сколько раз за ночь ты сможешь сделать женщину счастливой?

— Мм... такие вопросы задаешь...

— Просто интересно. Ты сегодня отработал полную смену на стройке, был на трехчасовой тренировке и сейчас стоишь со мной на смене. И свеж как огурчик! А ведь тебе еще и завтра на работу... хотя нет, уже сегодня, — добавляю, взглянув на часы.

Куруш смущенно улыбается:

— Ну... завтра к вечеру мне надо будет немножко поспать, часа два, и только потом идти на тренировку.

— Так все-таки? Как насчет женщин?

Куруш, хотевший уйти от ответа, мучительно краснеет.

— Ну... если девушка мне не слишком нравится, то я могу любить ее без остановки часов пять.

— Гм... хм... впрочем, ты еще молодой... хотя... м-да... А подружка твоя здесь была?

— Какая? У меня сейчас одновременно три подружки, и все довольны. Вроде бы. А мне немного мало.

— А... когда ты успеваешь? Ты же всегда или на работе, или на тренировке...

— Мне не надо много спать, и потом, у меня же есть выходной. Я с утра встречаюсь с одной подружкой, днем с другой и вечером еду к третьей. Они не ревнивые совсем. Хорошие

такие, радуются, когда я прихожу...

— Замолчи! Мы на службе, в конце концов!

Куруш не врет. Он, по-моему, совсем не умеет врать.

Много работает, потому что ему скучно сидеть без дела. К тому же у него, как у всякого албанца, толпа младших братьев, которые теперь постоянно пасутся возле дискотеки и клянчат у него деньги. Куруш, вздохнув, безропотно лезет в бумажник, сколько бы они ни попросили. Отказывает только тем, кто плохо учится. Те воют и грозятся. У входа образуется визгливая карусель с албанским колоритом. Тогда выхожу я и, уперев руки в бока, начинаю орать: «Что! Это! Такое! Вы! Тут! Устроили?!» Дети с выпученными от страха глазами разбегаются кто куда.

Куруш пригласил меня на свой следующий бой. О противнике говорит в типичной самоуверенной боксерской манере: «В нем полно дырок. Я его во втором раунде положу». Часто он приходит на работу сразу после тренировки, принося с собой сумку с еще влажными перчатками. Я пробовал с ним боксировать. Куруш долго не соглашался. «Лучше не надо», — повторял он, но я настаивал. Наконец, вытребовав себе кучу привилегий («чур, тебе сильно бить нельзя, и джебом тоже, и вообще, давай так: я нападаю, а ты защищаешься»), я натянул перчатки на кулаки и угрожающе запрыгал вокруг Куруша.

Посмеиваясь, он легко уклонился от всех атак, а когда я, хвастая своим непробиваемым корпусом (это действительно так, в живот меня бить бесполезно даже ногой), предложил ему контратаковать, он быстрым сдвоенным ударом отправил меня в технический нокаут. Первый удар пришелся в мой непробиваемый живот. Второй — легкий апперкот той же рукой — попал мне точно в подбородок. В голове заиграла нежная музыка. Я не хотел сдаваться. Я просто сел на пол, потому что ноги подкосились. Хорошо, что мы были вдвоем в раздевалке и этого никто не видел.

Я расстроился. Стянул перчатки и пошел к бармену, чтобы он мне сделал какую-нибудь утешающую смесь. А Куруш, снова смущаясь, похлопал меня по плечу и чуть виновато сказал, что ему известно место на животе, которое пробивается у всех: там проходит нерв, и рука противника автоматически дергается вниз, открывая подбородок.

Добрый, деликатный человек. Нет там такого нерва. Просто рука у него как копыто у лошади. Еще никогда меня не лягал под дых конь, но теперь я имею об этом некоторое представление.

Вот такой чудесный персонаж появился у нас в танцхаусе. Мы сдружились. Лелею мечту, что, когда он займет место Кличко, я буду обмахивать его полотенцем между раундами. Может быть, он даст мне померить свой чемпионский пояс по версии WBA. Я даже знаю, какая у Куруша будет улыбка, когда рефери поднимет его руку, объявляя миру имя нового чемпиона.

* * *

Вытолкал из танцхауса извращенца. Здоровенный белобрысый немец в узких очках. С виду вполне нормальный. Два месяца назад я его поймал в женском туалете, вытащил на улицу и сказал, что не хочу больше видеть. Он согласился и исчез. А вчера, как джинн, появился опять. Приперся изавел дискуссию. Мол, имеет ли хороший немецкий человек, который иногда заходит в женский туалет по ошибке, право выпить кружку пива в баре и

съесть отбивную с горошком в кафе, принадлежащих немецкому же танцхаусу? Я попросил его подождать, пока вернутся с обхода мои лелики с болеками. Мы, дескать, решим вопрос о его допуске вместе. Он на время утих и, закулив сигаретку, стал ждать моих парней.

Когда вернулись из танцзала Анри и Йозеф, извращенец снова в полемическом задоре сунулся к двери. Но я его остановил и показал ребятам, сообщив, что этот субъект получил от меня запрет на вход навсегда и, если его кто-нибудь пропустит, это будет непростительной ошибкой. Лелики изучающе наклонились к его оторопевшей физиономии и послушно закивали коротко стриженными головами.

Немец от такого коварства взбесился. Вцепился в дверь обеими руками. Обычно при таком раскладе я тяну дверь на себя, пока не щелкнет замок, но в этот раз номер у меня не прошел. «Онанисты — народ плечистый!» — это оказалось чистой правдой. Анри и Йозеф уставились на меня. Акела промахиваться не должен. Я сказал, что справлюсь сам, и резко отпустил дверь. Придурок потерял равновесие, я толкнул его, и он отлетел метров на пять.

Лелики и болеки это видели, что важно. Не сбавляя темпа, я пошел на деморализованного падением противника, и он, спешно поднявшись, ударился было в бегство. Однако у самого лестничного пролета остановился и стал орать что-то насчет распоясавшихся иностранцев. Дескать, неонаци скоро найдут на них управу. Вдохновившись своей речью, он решил со мной побороться. Но я бороться не стал, тем более что сзади уже подбегал верзила Анри и мне надо было успеть справиться собственноручно. Я быстро пережал белокрысому кадык, он инстинктивно отпустил мою куртку и тут же снова получил толчок в грудь, от которого упал и подниматься уже не торопился. Я махнул Анри рукой, чтобы он возвращался, и, брезгливо вытирая кулаки салфеткой, сам вернулся в танцхаус. Никаких следов на теле потерпевшего. Никаких потерь со стороны личного состава. Но на душе было скверно. Победа над обычным местным немцем ничего не стоит, а особенно была неприятна явная показушность момента. Впрочем, ничего не поделаешь. Новенькие должны знать, что их шеф может работать не только головой.

И все-таки...

В противостоянии всегда интересно и ценно преодоление самого себя, а не противника. Когда разрешил с помощью мозга сложную ситуацию, когда скрутил действительно опасного дебошира, тогда чувствуешь настоящее удовлетворение. А так... С другой стороны, если с таким кабаном не сразу справился я, то что сделает девчонка, которую раздроченный восьмидесятикилограммовый урод встретит в туалетной кабинке?

Так ему и надо. Не читать же проповеди для извращенцев и маньяков. К ногтю их. И крест на пузо.

И все-таки... все-таки...

* * *

В любой момент могут вызвать в танцхаус.

Али снова напился вдребезги и устроил грандиозную драку, в которой участвовали одиннадцать человек с одной стороны и еще пятеро с другой. Учитывая, что первые были гости — африканцы из Линабурга, а вторые — турки, драка оказалась весьма кровавой. Али разбил стакан и, сделав «звездочку», первым делом по ошибке распорол запястье своему же приятелю. Этот бык в драке не разбирает ни своих, ни чужих. Туалет был забрызган кровью

так, что на стенах словно появились багровые граффити. С помощью всего персонала танцхауса турок выперли за дверь, за ними ломанулись африканцы, облепили застрявшего в дверях Али, как бандерлоги медведя Балу, и бойня продолжилась на автостоянке. Секьюрити заперли двери на замок системы «Panik». Ян вызвал полицию. Приехали четыре вагена терминаторов с собаками, и терминаторы стали методично, не выясняя, где черный, где турок, косить дерущихся дубинами и топтать сапогами. Али снес шлагбаум и успел треснуть им, как оглоблей, по полицейской машине. Бармен видел, что ему врезали дубинкой ниже уха, дали пинка в лицо, и только после этого он слегка смутился. Полицейские всех погрузили в вагены и разъехались. На автостоянке остались лужи крови и куски порванной одежды.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Дискотека в очередной раз попала в газеты. Еще бы! Али грозит срок. Он уже отсидел три года за драку, поэтому на милосердие немецких законов ему рассчитывать не приходится. Жаль. Честное слово, он неплохой парень — эдакий Портос в турецком варианте. Впрочем, отношение к нам самим — частая причина ошибочного восприятия. Хорошо к нам относится человек — значит, хороший, плохо — значит, плохой. Ян просил меня быть наготове, так как сел Али или нет — неизвестно, но хаусфербот он уже на три месяца получил. Однако об этом еще не знает. Если его тормознет незнакомый секьюрити на пороге, Али, особенно если он уже подшофе, снова устроит драку. И снова придет полиция. И снова газетные заголовки. Единственные люди, с которыми Али вступает в переговоры, — это я и Ян. Поэтому Анри дано указание при появлении Али набрать мой номер телефона и сказать турку: «С вами хочет поговорить Макс». Звонить себе я разрешил до трех часов ночи.

Завтра среда, на смене Дирк и Йозеф, но я все равно поеду в танцхаус. Опять поджидать этого дебошира с его собутыльниками. На меня он руки не поднимет. И не потому, что боится (никого он не боится), а потому, что часто в мое дежурство, выпив несколько литров пива и догнавшись «Ягер-майстером», плачет у меня на плече, периодически поднимает свою кудлатую голову и, преданно заглядывая в глаза, спрашивает: «Отчего ты, Макс, такой хороший человек?» Значит, всё, дошел до кондиции. Пора, Али, тебе домой. Он не сопротивляется и только, пока я незаметно направляю его к выходу, кричит, распаляясь: «Ты мой друг! Ты мой брат!» — и заканчивает уже в закрывающуюся дверь: «Ты мой папа!» Так как это повторяется каждый раз, я уверен, что и сейчас у него сработает рефлекс. И вообще — «Бен сендем бююгим!»

* * *

Сколько себя помню, всегда любил детей. Маленьких, но не совсем. Лет пяти-шести. Они искренние, забавные, уже соображают для хорошего, а для плохого еще мозгов не хватает. А может быть, их пока еще сильно не обидели. И дети меня любили. Теперь нет. И все из-за работы. Как может любить малыш «бешеного японца»? Так меня зовет — за глаза, естественно, — некоторая часть публики танцхауса. А что делать? Работа такая. Зато я кумир всех пацанов-школьников...

Когда-то давно на день рождения моей младшей сестры пришли ее подружки. Тоне исполнилось тогда восемь лет. А мне было шестнадцать. Тоня мной гордилась — не у всех

есть настоящий старший брат — и привела за руку знакомиться с девочками. Сперва все было чинно, мы по-взрослому пили чай, и я, важно надувая щеки, отвечал на вопросы. Но через час мы уже бесились, кидаясь подушками, да так, что застучали соседи снизу.

Помню одну девочку, черноглазую казашку Даригу. Подружки звали ее Дарёнка. Она кричала, хлопала в ладоши громче всех, а когда я предложил девчонкам покатать их на спине и стал брыкаться, изображая родео, смеялась так громко, что я сам стал хохотать. Чуть не задохнулся, скача на четвереньках и волоча за собой стаю визжащих пигалиц. Но неосознанно обратил внимание на смех Дарёнки — в нем было что-то надрывное, так звенит колокольчик с трещинкой.

Когда я уходил, на прощание она от полноты чувств схватила меня за руку и долго ее трясла. Я засмеялся, погладил ее по черноволосой головке с двумя тонкими косичками, поцеловал в макушку и ушел.

А вечером мама рассказала, что у Дариги в автокатастрофе погибли родители и ее воспитывает бабушка, тихая чистенькая казашка, та самая, что обычно в белом платке и с бидончиком молока проходит мимо нашей скамейки во дворе.

Прошло уже шестнадцать лет — столько же, сколько было мне тогда. До сих пор вспоминаю смех Дарёнки, захлебывающийся и слегка надрывный, счастливый и в то же время нервно — испуганный, словно она пыталась не упустить ни мгновения радости из теплых, счастливых минут... Интересно, как сложилась ее жизнь? Так хочется, чтобы у нее все было хорошо.

* * *

Женщина, которая не стоит тебя. Женщина, которой не стоишь ты.

Я как-то неожиданно понял, что этот барьер не разрушить. Никакая степень близости не сделает вас равными. Как тяжело иногда найти себе ровню. Либо надо садиться на корточки, либо подпрыгивать. Подпрыгивать тяжелее. Да и разве заменят прыжки настоящий полет рядом?

Зато... Женщину, которая не стоит тебя, забудешь быстро, причем всё — и общение с ней, и даже минуты близости. Воспоминания эти — серый жухлый мусор, его и убирать не придется, развеется сам. А женщина, которой не стоишь ты, останется дорогой болью в душе. Жемчужина среди прибрежных песчинок.

Наверное, когда волна времени придет за тобой, и тогда будешь смотреть на нее, не сводя глаз, а она будет такой же чистой, яркой и зовущей, как много лет назад.

* * *

Учитывая благородный жест директора танцхауса, освободившего мою свежееоткрытую закусочную от арендной платы с условием, что я навсегда совмещаю работу продавца пиццы с работой секьюрити, завтра выхожу трудиться бесплатно и в полубессознательном состоянии из-за навалившихся хворей.

Жизнь меня, увы, не балует. Сегодня провалялся в постели с температурой 39, с ужасом представляя, что скоро девять вечера и придется начинать работу в закусочной. Под эти

невеселые мысли снова задремал, но был разбужен мобильником. Ляйтер танцхауса ставил в известность, что оба новых охранника не явились на работу. Я чуть не брякнул с температурного просонья по-месянински: «Да пошел ты в жопу, директор, не до тебя сейчас», но взял себя в руки и обещал разрулить ситуацию.

Один нашелся сразу. Второй исчез. Выручил знакомый, подменив пропавшего. Встретили меня оба охранника: второй все-таки явился с опозданием на час и был тут же уволен без выходного пособия и с запретом на вход в дискотеку, даже в качестве посетителя, навсегда.

Посетителей сегодня почти не было, и торговли, соответственно, тоже. Зато я провел время за увлекательной беседой с «мамочкой» местных польских проституток, красноволосой смуглянкой Барбарой. Сама она недавно достигла пенсионного возраста — учитывая специфику и вредность их работы, он наступает в тридцать лет, — ушла на покой и стала парикмахером. Оказалась интереснейшим, умным человеком с прекрасным чувством юмора. В юности была содержанкой у польского наркокороля, потом его посадили, и закурило девку... Посоветовал ей написать книгу. Барбара невесело усмехнулась: «Камасутру, что ли?»

Кончается год. Год моего шефства в секьюрити. Начинается новый. Для меня — снова в танцхаусе. Как встретишь, так и проведешь.

* * *

Не знаю, из-за природного добродушия или от странной внутренней уверенности, что я — лишенный трона принц, но не помню, чтобы когда-нибудь кому-то завидовал. Все в мире достигается тремя волшебными силами: талантом, удачей и трудом. И вовсе не обязательно использовать разом все три — при условии, что силы не вступают друг с другом в явный конфликт, — они прекрасно функционируют и отдельно. Таланту, как и удаче, завидовать глупо, кому выпало — тому выпало, ни ты, ни носитель его не виноваты. Труд же зависит только от тебя; если ленив — на себя и злись, это же ясно.

Конечно, хотеть и даже страстно желать того, что имеет другой, я могу, но чувство это никогда не носит негативного оттенка; более того, даже оттенка соревновательности не носит. Максимум «Ух ты! Я тоже так хочу!»

Оттого, наверное, к людям завистливым или желающим любой ценой вызвать это чувство к своей персоне я испытываю даже не неприязнь, а сожаление с оттенком легкой брезгливости. Нечто вроде ощущения, которое внушает агрессивный слабоумный, оказавшийся с тобой за обеденным столом. И так неожиданно и неприятно каждый раз наткаться на этот отвратительный порок человеческой души...

Прошло три недели, как я открыл закусочную в танцхаусе. Денег-то всего ничего пока, расходы большие, забот полон рот. Но кассирша Энн успела меня возненавидеть. Странно, смешно и грустно. Еще недавно мы поддерживали один другого в работе, покрывая взаимные ошибки, стреляли друг у друга жвачки и леденцы, а теперь она ищет причину прикопаться ко мне и... хорошо, что не стучит. Вроде бы.

Пока превращаю все в шутку, стараюсь относиться к ней еще теплее. После рабочего дня выставляю пару пицц для персонала — лопайте, ребята. Для Энн по старой дружбе пеку отдельный пирожок с ее любимой начинкой. Она вежливо благодарит: «Данке, Макс». А во

взгляде читается ненависть.

Не понимаю. Можно расстраиваться и, быть может, сердиться оттого, что у другого что-то есть, а у тебя нет. Но сердиться именно «оттого», а не «на того», у кого это есть. Ладно бы я козырял тем, что имею. Так нет же! Я все это не украл, не отобрал — горбом своим заработал и на нем же тащу. Работаю без выходных и проходных, и выручка вполне скромная... Но и этого, оказывается, вполне достаточно, чтобы в добродушном, спокойном и объективно хорошем человеке вызвать страстное чувство неприязни к недавнему приятелю.

Смотрю на это с легкой усмешкой. Наверняка инопланетяне давно уже наблюдают за нами, людьми, но в контакт вступать не торопятся. И я прекрасно понимаю почему.

* * *

Схватился с албанцами.

Кельнер Рене предупредил, что в зале трое албанцев. Самый высокий может быть опасным. Разлив пиво, высокий процедил: «Убери быстро, а то я ботиночки свои замочу». Рене пообещал позвать уборщика. Албанец же заорал: «Быстро убрал! Может, ты со мной стресса хочешь?» Но тут подошел уборщик с тряпкой, и албанец, плюнув на пол, надменно отвернулся.

Я начал его пасти. И уже через пятнадцать минут увидел, как он под гогот дружков бьет по лбу какого-то подростка. Я велел албанцу немедленно уйти. Этот урод принялся ругаться, размахивая руками. Я повторил требование и в ответ услышал вопли, что он работает на местного авторитета и имел меня так и эдак.

Я стал загибать пальцы перед его физиономией:

— Во-первых, я не голубой. Во-вторых, ты и на это-то не способен.

Хрюкнув от возмущения, албанец попытался ударить меня в голову. Я успел уклониться, и тогда он плюнул в меня. Напрасно. Заревев по-русски: «Ах ты сука черножопая!» — я двинул ему кулаком под ребра так, что он опрокинулся навзничь, тут же всей тушей навалился на него и сомкнул пальцы на шее. Урод захрипел. Его дружки прыгнули на меня и оттащили в сторону.

Я орал, как раненный в жопу мамонт, махал кулаками и сыпал такими угрозами, что все трое, даже не попытавшись навалить мне, забились в сортир. Нажав на кнопку рации и вызвав охранников, я стал ждать, пока черти оттуда выберутся. Первым подоспел Куруш, и я вздохнул с облегчением. Вдвоем мы выперли длинного урода к выходу (его дружки не вмещивались, говорю же: главное, лидера поломать). Он выступал и перед кассой, но я велел ему убираться, пока живой.

— Скажи мне вежливо: «Уходите, пожалуйста, домой!»

— Убирайся.

— Скажи мне: «Уходите, пожалуйста, домой», и я уйду!

— Убирайся.

— Е... я тебя!

— К сожалению, ты не можешь е...

— А-а-а-а! Ну все, ты попал! Я с Идеримом работаю! Мы тебя найдем, хренов азиат!

Вот как? В голове у меня словно лопается колокол. В правой руке вдруг появляется необыкновенная легкость. Вложив всю массу тела в разворот, я концентрирую свой вес в

одной сладко зазудевшей точке на локте. Кажется даже, что локоть вот-вот засветится от жажды разрядки.

Этот удар был поставлен давно, еще в уличных подростковых стычках. Я тяжеловес и не могу позволить себе долгие схватки. Сердце-то у нас у всех величиной с кулак. А мои мышцы требуют кислорода примерно на треть больше, чем у обычного мужчины. Кроме того, большая мышечная масса оказывает скорее психологический эффект, в реальном бою она даже мешает. Для тяжеловесов хорош короткий, ближний бой. А там оружие твоё — колени да локти. Головой ещё, конечно, хорошо, но не умею, я ею как-то думаю больше. Удар локтем незаметен, быстр и имеет сокрушительную силу. Им можно убить. Особенно если вы весите за сто. Потому и применяю я его крайне редко и осторожно.

Но уже поздно. Локоть моей правой руки четко, словно поршень в паз, входит под скулу албанцу. Голова его резко запрокидывается назад, албанец закручивается винтом, как сбитый бомбардировщик. Все кончено. Он не боец больше, он уже далеко. Надеюсь, что вернется. Я перешагиваю через его тело и, ухватив за ногу, волоку к двери. Люди молча и быстро расступаются, никто даже не кричит. Я протаскиваю слегка подрагивающее тело по полу, прямо через пресловутую пивную лужу, и оставляю его на улице, у дверей. Дружки албанца, словно в похоронной процессии, безмолвно следуют за мной и остаются возле тела. Возвращаюсь в танцхаус, постепенно приходя в себя.

Куруш молча закрывает за мной дверь.

Выждав пару секунд, поправляю галстук — к такой-то матери, повесили нам этих удавок! — и ловлю в зале всех своих оторопевших турок на экстренное партсобрание. Как зовут? Кто такой, почему не знаю? С кем работает? Отмалчиваются, бараны...

Срываю рукав с рабочей куртки — так развернулся в ударе, что лопнул шов.

Нахожу Барбару. Да, знает. Некто Альмис. Часто бывал в веселом домике. Действительно работает с Идеримом. Сидел за поножовщину. Имеет связи. Осторожней. Макс, он этого так не оставит.

Вот еще новости мне на старости лет! Впрочем, пусть прочухается сперва, дней пять он у меня пластом полежит, проблюется, потом в себя придет, а там посмотрим. Время есть.

Буду щупать через своих албанцев. Если что, солью его Роланду, регионал-ляйтеру. Если успею.

Давно такого не было.

* * *

Я разными женщинами очаровываюсь. Отдельными представительницами прекрасного пола (банально, но лучше не скажешь) болею прямо, век бы любовался и даже не приставал. Смотрел бы, как она подносит чашку кофе к губам, как улыбается. И это счастье. Вот так видеть все это. А уж если прикоснуться... Хотя можно и без этого. Нет ничего на свете красивее женщины. В одной очаровывает волшебная пластика, в другой — припухшие губы, в третьей — стиль, в четвертой — грустная улыбка. И всё — прекрасно! Я не знаю, но у меня даже после такого общения с женщиной словно музыка в душе, и вот схватил бы землю за баобаб, а небо за месяц, да друг к другу играючи и притянул. И был бы рай земной.

Многие женщины не понимают этого. Я заметил, что в моей дискотеке девчонки в последнее время... ну-у... косяка на меня дают. Сперва глаза распахнуты, подпрыгивает аж,

а потом видит, что дальше взгляда дело не идет (меня на всех не хватит, да и не хочу я вот так, с каждой встречной), и начинает косяка давить. Игнорировать демонстративно. Ерунду всякую за спиной шептать. Не здороваться. Да мне-то, в общем, все равно, вон сколько красоты кругом. А она совсем перестает в танцхаус ходить. И смех и грех.

Я романтик, конечно. В моем возрасте это едва ли комплимент. Но... не знаю. По моему, я имею на это право: чего я только не видел в жизни. В цинизм не скатился.

Самое счастливое лицо у женщины, когда... После ночи любви выскочишь потихоньку на улицу — и на рынок, а там веселые морозоустойчивые кавказцы цветы продают. Возьмешь ведро роз сразу — и обратно с холода в тепло. А она спит. Крепко. Ну еще бы. Тихо разложишь сочно налитые багрянцем розы так, чтобы бутонами касались ее лица, — и снова под одеяло. И в щелочку подглядываешь. Не проснется, умаял если донельзя, поцелуешь. Не в губы, а в поддрагивающие в утренней дреме теплые веки, запахом волос ее затянешься. Откроет она глаза... Оп! И в сказке! И смеешься ее радости, и так хорошо жить. И конечно, снова потянешься к ней, а она зачарованно скажет, обязательно скажет: «Подожди немного...»

Не бывает некрасивых женщин. Если это настоящая женщина, она всегда красива. Увидь только. А особенно повезло тому, кто сумел встретить свою любовь на всю жизнь, если так бывает, конечно. Это счастье без конца. И в старости. Разгладишь, наверное, теплой рукой морщинки у ее глаз, и не просто любовь и нежность колыхнут душу, но и неведомое пока, но наверняка приходящее со временем чувство благодарности, которое и не выразишь словами. И так же принесешь ей утром свежие, юные розы. И проснется она так же, как и тридцать лет назад. Правда, наверное, уже ей придется немного подождать.

Когда настанет время расстаться — ненадолго, любящие люди не оставляют друг друга надолго, — в последний раз наклонишься к ней, спящей крепко, и положишь цветы так, чтобы они снова касались лепестками ее лица. В последний раз поцелуешь любимые веки и прошепчешь тихо, одними губами: «Подожди...»

А там... конечно, встретимся — как же иначе, а то зачем все это? И снова землю за баобаб, небо за месяц... И снова из-под теплого одеяла на мороз, а там... э-э-э... ну и кавказцы будут, конечно! И снова алые, живые розы в охапку и к ней. И можно будет не торопить ее и действительно подождать, пока любимая проснется, потому что времени будет для любви даже не то что много, а вечность.

* * *

Так. Мои албанцы рассказывают, что о драке говорит весь город. Еще бы. Чтобы на меня напали... Оказавшись на спине при всех, этот Альмис потерял репутацию. На сборище ему сказали: «Что ты выступаешь? Тобой в «Ангаре» Макс пол вымыл!» — и он при всех поклялся, что Макс не заживется. Ну-ну.

Придется, видимо, подключать «крышу». Ох... не хочется. Но надо. У этих отморожков ничего, кроме понтов, нет, и для них «потерять имя» значит потерять мир, в котором они живут. Пять лет пройдет, а в диаспоре не забудут и при каждом удобном случае Альмису с хохотом напомнят, что в известном всему городу танцхаусе им вытерли пол. Да и с наркотой он связан...

Я позвонил в Кёльн. Сообщил имя. В случае необходимости мне нужно будет только

дать знать. Оттуда приедет бригада в составе тридцати человек и поставит местную этническую диаспору на колени, как три года назад.

Оставлю как крайний вариант.

Жизнь, ребята, хороша.

* * *

Симпатичная, смешная, черноглазая девочка-полька лет восемнадцати. Уже давно она трется возле моей закуской, невзирая на получаемые от меня тычки и шлепки полотенцем по спине, чтобы работать не мешала. В прошлый раз долго смотрела издали, как я распаковываю пиццу, а потом снова подошла ко мне вплотную, неумело, по-детски, обняла за плечи (нахалка! правда, очень трогательно обняла) и сказала:

— Я видела, как ты с Альмисом схватился... Берегись, его в городе знают... Неужели тебе не страшно? Ну поговори же со мной!

Я усмехнулся, понюхал у нее макушку и легонько отпихнул от себя.

— Я тебе, Каролинка, все сказал уже. Приходи года через три.

— Это долго!!!

Смешно надулась, отошла. Ничего, подойдет опять. Ох... романтика... Где мои восемнадцать лет?..

И я задумался. Страшно ли мне?..

Конечно, страшно. Я живой человек из плоти и крови. Сколько ни набивай квадратки на животе, их легко вскрыет лезвие, а если тебе из-за угла накатят по голове, можно и не успеть отреагировать... Знакомое дело. Албанцы бывают просто животными. Я всегда думал, что свирепее турок людей нет. А они есть. И это албанцы. Вообще беспредельщики, без царя в голове и душе. Куруш мой — исключение. Правда, его старший брат отсидел за то, что пальнул в свою жену из пистолета (промазал), а двоюродный брат торговал наркотой, но в целом Куруш из вполне приличной албанской семьи. Зачастую же балканцы в Германии — отпетые уроды. Я опрокинул их авторитета на грязный пол, и это видели все. Вай-вай! Какой позор!

Начнет выступать — опять опрокину. Еще легко отделался.

Страшно ли мне?.. Конечно, страшно. Я хочу жить и радоваться жизни. Я не зверь и не боевик по сути. Я по одной из специальностей учитель пения вообще-то. Социальный педагог, могу диплом показать. Что ж, иногда уроки жизни в обществе можно вдолбить только башкой об пол.

Не заплатит бы за это по-крупному.

Да и хрен с ним.

На самом деле страх — кайфовое чувство. Нужно только добавить к нему холодного рассудка, внутренне подготовиться, и тогда страх из унижающего, порой парализующего яда превращается в слегка дурманящий манящий риск. Облагороженный, заставляет тебя ходить гордо, держать голову высоко. И самое важное — он дарит тебе ничем не затуманенное видение мгновения. Когда ценишь каждое прикосновение ветра к лицу, каждый глоток ароматного чая и готов любить каждую прелестную девушку всю жизнь (поскольку понимаешь, что, может быть, жизнь — это не так уж долго!).

Риск обостряет твоё восприятие мира. Наверное, славно живут звери! Им некогда спать

наяву.

Нужно иногда балансировать на краю пропасти, чтобы увидеть, услышать и наконец прочувствовать, как прекрасна жизнь. Друзья, если у вас сонные глаза, вялое тело и на душе кисло — проснитесь, проснитесь скорее! Успейте сделать это до того, как заснете навсегда.

* * *

Мир полон оттенков. В нем, как в морской раковине, закручиваются тысячи мимолетных шорохов, сливаясь в ровный, бесконечный гул невидимого моря. К нему привыкаешь. Зачем лишний раз подносить раковину к уху? И кажется, знаешь жизнь уже вдоль и поперек, все испытал, все перечувствовал — чем она может тебя удивить?

А на самом деле существуют тысячи вещей, которые открываешь для себя так же свежо и ново, как будто идешь в первый раз в первый класс. Помните, какими яркими и холодными от утренней влаги были принесенные в школу цветы? Как выхватывали глаза в галдящей толпе, состоящей из белых бантиков и разноцветных букетов, отдельные лица будущих одноклассников? С одними сразу хотелось дружить, чтобы не потеряться в этом шумном и незнакомом мире, похожем не то на ярмарку, не то на птичий двор. От других тянуло держаться подальше, и даже их чистенькая школьная форма и наличие нежно пахнувших цветов тебя не обманывало — как-то было понятно, что все это ненадолго.

Мне за тридцать. Чего я не видел в жизни? Даже то, что не испытал, уже ложится в общий алгоритм и вполне предсказуемо. Ничего нового. Я много жил, и мне не тридцать четыре, а триста сорок. Так рассуждают многие, так иногда думаю и я.

Как хорошо, что это не соответствует истине. И если держать глаза и уши открытыми и хоть иногда закрывать рот, мир опрокинет на тебя водопад свежих впечатлений, вырастит специально для тебя неведомый фрукт, который не напомнит вкусом ни землянику, ни огурец. И снова ты стоишь пораженным и оглушенным первоклассником под утренним сентябрьским солнцем, среди хора горланящих в толкучке голосов, и лицо твое время от времени утыкается в букет влажных астр и прохладных, тяжелых георгинов.

Сегодня я, весь такой взрослый и всезнающий дядька, гулял по улицам Кобленца, когда услышал счастливый, какой-то совершенно весенний смех. Обернулся и увидел женщину, с которой мы долго были близки, — мою бывшую жену. Она шла играющей походкой, чуть помахивая сумочкой, и разговаривала по телефону. Вернее, она не говорила почти ничего, только «да», «наверное» — и смеялась. Смех ее был такой залиvistый и свободный, каким я его не слышал никогда. Он был похож на теплый летний дождь, негромкий, радостный. Так смеется ребенок, которому родители наконец-то подарили щенка и тот лижет ему лицо. Так смеется человек, вдруг осознавший, что он свободен. Так смеялась и счастливая женщина, удивленная своим счастьем.

Я почувствовал, как в груди распускает большие бархатные лепестки горячий цветок.

Если любовь прошла, надо уходить. Надо уходить — пусть в никуда, без ничего, рвать связи и привычки. Потому что если больше нет взаимной любви, все нажитое ничего не стоит. Остается пустота. Вы хотите жить в пустоте, дышать пустотой, обнимать ее ночами? Я расстался с этой женщиной и для того, чтобы однажды услышать на улице ее свободный, юный смех. Смех, в котором звучали совершенно новые, прекрасные, переливчатые ноты и оттенки. Они были не для меня — от этого становилось и грустно, и светло одновременно. Я

ушел, чтобы счастливый новый смех родился в ее груди.

И может быть, чтобы когда-нибудь рассмеяться так самому.

* * *

Три типа мужчин всегда привлекают женщин: художник, поэт и веселый лоботряс.

«Я покажу тебе, как ты красива», — поманит женщину художник.

«Я расскажу тебе об этом», — пообещает поэт.

Но лучше всего быть веселым лоботрясом. Чтобы прошептать ей: «Я докажу...»

* * *

Приезжал человек от Бесмира. Вот уж не ожидал — двухметровый красавец с обложки глянцевого журнала. Точь-в-точь американский Кен, только без Барби. Интеллигентный парень со спокойным, приятным голосом. Волосы, как у меня, длинные, до плеч. Зовут Даниель.

Выяснилось, что с Бесмиром у танцхауса никаких проблем, а отморозки левые, не врубившиеся, куда лезут, однако подконтрольные. Что интересно, мы с ним понравились друг другу. Я рассказал, что меня заказали. Об этом предупредили в разное время знакомые турок и албанец, которые трутся в кругах своих диаспор и в курсе происходящего. Именно потому, что сообщили об этом два человека независимо друг от друга, я счел информацию объективной. В сущности, она меня не удивила.

— Если после нашего разговора не отвяжутся, скажи, что работаешь на Бесмира. Если это албанцы — как ветром сдует.

— Я не работаю на Бесмира. Я сам за себя. Даниель только усмехнулся:

— Не важно. Но постарайся с албанцами больше не ссориться. Народ мстительный и жестокий. Это у них в крови.

Ну что ж... Появилась надежда выйти сухим из воды. С волками жить — по-волчьи выть.

* * *

Устал. Окончательно. От работы, требующей ежедневного накала нервов и виртуозного владения собой. От визга развратных баб, для которых переспать с кем угодно легче, чем стрельнуть сигарету. От трусливо-агрессивных турецких, албанских, итальянских физиономий, готовых в любую секунду сменить угодливую паскудную улыбочку на оскал истеричной ненависти. От угроз, которые слышу в свой адрес почти каждый день. От липких полуголых девок, норвящих мимоходом прижаться к тебе всем телом и поцеловать обязательно в губы.

На последнем дежурстве сорвало крышу. Немецкий югендлиш лет восемнадцати и его ровесники — дружки упились пивом и устроили примитивный дебош: орали и бросались кружками. Дирк, сделавший им замечание, получил сразу два боковых удара и дал сигнал о

помощи. Я помчался в зал. Вокруг танцпола уже собралась толпа — не продерешься. Надрывалась музыка, но ее перекрывали торжествующие вопли четырех придурков. Дирк уже очухался и натягивал полицейские перчатки. Дирк-кикбоксер — тяжеловес с десятилетним опытом. «Сейчас он их будет убивать», — подумал я и развернулся в сторону хулиганья.

Один из парней, вдохновленный завалом Дирка, толкнул меня в грудь. Я с ревом сгреб всех четверых в охапку и попер, как бульдозер, к выходу. Выпучив глаза, они пытались вывернуться, наконец вцепились друг в друга и в мои плечи, чтобы не упасть, и уперлись всеми восемью ногами в пол. Я сжал руки. Что-то захрустело и жалобно взвизгнуло. Мы продолжили медленное, но неуклонное движение к дверям.

В «предбаннике» я разжал объятия. Смятые, задыхающиеся фигурки посыпались на пол, как листья из гербария. Оказалось, я передавил одному дебоширу дыхло, и он почти потерял сознание. Двое стали пытаться привести его в чувство, шлепая по щекам. Самый борзый из этой компании выхватил мобильник и начал звонить в полицию, заранее крича: «Нас избили секьюрити! Помогите!» Тут и подоспел рассвирепевший Дирк, похожий на льва, которому неуклюжий клоун нечаянно наступил на... в общем, возле хвоста наступил. Пацан еще не успел набрать номер, как буквально вылетел спиной вперед в направлении гардероба, посланный туда мощным ударом в подбородок.

— Получи, маленький ублюдок! — удовлетворенно прорычал Дирк.

— Дирк! Это было лишним... — только и успел пробормотать я.

В «предбанник» вошел и. о. Яна, бывший кельнер Ричи, парень лет двадцати пяти. Он оторопело посмотрел на нас, на забившихся в угол пацанов, на полузадушенную жертву, сидящую на полу и жадно хватаящую воздух губастым ртом, и на копошащегося в гардеробе везунчика, отхватившего плюху Дирка.

— Макс, что скажет Ян?.. — пробормотал Ричи.

— По фигу! — устало выдохнул я.

Силы внезапно оставили меня — все-таки бульдозерский ход длиной в двадцать метров сожрал все запасы креатина в мышцах, — и я, покачиваясь, ушел переодеваться.

Что мы имеем в результате? Пацан, щучкой влетевший в гардероб, написал заявление в полицию на Дирка за причинение телесных повреждений средней степени. И имеет неплохие шансы слупить с него деньги. Дирк снова отбил руку о его подбородок и, так как тоже является местным немцем, подал встречное заявление о причинении повреждений уже тяжелой степени. Шансов мало, свидетелей много. Дирка я снял со смены, пока дело не уладится.

Вернулся домой — на мобиле три звонка висят, два от шефа из Кёльна и один от Яна. Настучали уже. Пошли вы на фиг! Не буду перезванивать. Двенадцать часов ночи, а мне вставать в полседьмого.

Вот как долго может оставаться нормальным претендующий на интеллигентность, пишущий стихи человек с университетским образованием, живущий такой жизнью?

Бог хохочет сейчас, наверное.

И я тоже.

Шесть лет назад мой круг общения состоял из художников, успешных писателей, известных актеров, раскрученных фотомоделей. Я тет-а-тет пил чай с африканским принцем Анкиром и пиво с председателем российского ПЕН-клуба Александром Ткаченко.

Нам было о чем говорить. И я этим горжусь.

А теперь мои приятели — турецкие бандиты и польские проститутки. И пиво я пью с главарем банды «Шакалы», а кофе — с сутенершами. Мой приятель Али отсидел три года за тяжкие телесные повреждения и имеет запрет на вход во все дискотеки Вестервальда, включая мою.

Уважение их я ценю не меньше.

Смешной прогресс, право.

А я-то вроде тот же самый.

* * *

У меня середина недельного отпуска, я в Москве. Поздний вечер в «Шоколаднице» на Таганской. Докуриваю последнюю суперлегкую сигаретку. Кофе допит, девушка ушла, и ждет меня достаточно стандартное окончание дня: на раскладной тахте с томиком Гиляровского в руках. Гиляровский опять — грудь колесом — будет бродить по трущобам и значным местам. Все вокруг боятся, а ему хоть бы хны, то кружкой врагу по зубам, то знакомый шулер выручит... А френды его: «Ох, Владимир Алексеич... Ах, Владимир Алексеич». А он так метровым плечом пожмет, подмигнет, дескать, «та ж пустяки, право», — и дальше хвастать. Не иначе, мой стиль слизал. Короче, прикольный ЖЖ, надо зафрендить. Сейчас докурю и пойду домой. Трубку забыл, а табаку хочется. Самообман — супертонкая сигаретка, суперлегкая.

Дверь кафе открывается, и на пороге вместе с волной холодного свежего воздуха появляются три новых посетителя. Чем-то они привлекают мое внимание, хотя внешне не особо примечательны. Так, трое грузных мужчин слегка навеселе, двое из них немолоды, лет пятидесяти. Одеты в строгие дорогие костюмы, впрочем, чувствуют себя в них свободно. Пожалуй, отличает их от обычных посетителей явно военная выправка, которую никогда не скроешь. Ее нельзя перепутать с манерами спортсмена или бандита. К тому же они оглядывают зал с тем особым покровительственно-благожелательным выражением лица, какое, наверное, часто появляется у королей на пенсии или у генеральных секретарей кровожадных партий при посещении детского сада.

Один из них, самый высокий и массивный, в очках и с небольшой залысиной над крупным лбом, подходит ко мне.

— Молодой человек, вы разрешите присесть возле вашего столика? — чуть наклонившись, слегка иронично, но без тени издевки, низким приятным голосом говорит он.

Юмор, насмешка или добродушное чудачество подвыпившего серьезного человека в минуты расслабления? Ну что ж, работа ночного охранника научила меня быстро соображать и действовать в непривычных ситуациях. Немного удивленно поднимаю бровь, но принимаю игру и делаю широкий приглашающий жест:

— Конечно. Буду рад соседству.

Мужчины переглядываются. Самый молодой утвердительно кивает, и они, сняв пиджаки, садятся за ближайший столик. Высокий оказывается напротив меня, и мы

периодически встречаемся взглядами. У него приятное, немного уставшее лицо. Он чем-то неуловимо напоминает мне Юрия Сенкевича, любимого телеведущего, и, видимо, поэтому я проникаюсь к нему некоторой симпатией. Когда наши взгляды снова пересекаются, он с улыбкой встает и протягивает над столом руку:

— Саша.

— Максим.

— Дело в том, что мне исполнилось пятьдесят лет. Официально праздную завтра, а сегодня легкая разминка с коллегами. Мы слегка пьяные и можем не соблюсти приличия, но все-таки, может быть, сдвинем наши столы и выпьем вместе? Если, конечно, вам не противно пить с тремя старыми козлами.

И снова веселый, но в то же время быстрый взгляд из-под очков.

Ха! Не таких видал. Приставляю к соседнему столу свой.

— Конечно, буду рад поздравить и с вами выпить. А с козлами я не пью. Ни с молодыми, ни... со зрелыми.

Стены уютной «Шоколадницы» сотрясаются от дружного громового хохота. Становится легко. Официант приносит виски в маленьких стаканчиках и кофе. Нас четверо: я, Саша «Сенкевич», его товарищ, немного неприятный тип с высокомерно-обиженным выражением лица, и третий их спутник, молчаливый и незаметный молодой человек с черными усиками. Он хитро улыбается, благожелательно скромно, неразговорчив и, в отличие от нас, упорно пропуская тосты, пьет только кофе. Но внимание мое занимает «новорожденный».

Саша рассказывает. Как прилетел только что с Камчатки от друга, у которого сто гектаров охотничьих угодий. О том, как тот собирает мед и стреляет шестидесятикилограммовых волков. О том, как охотится на горностаев, оставляя медвежью тушу на ночь в лесу в качестве приманки. О том, что там можно жить и не болеть хворями ни тела, ни души, и пахнет там прохладной хвоей и чистыми, ломящими зубы родниками, и дети там рождаются здоровые, большие и сильные. О том, что ему уже пятьдесят лет...

— Тебе сколько лет, Максим?

— Тридцать четыре.

— Эх... мальчишка...

— Слегка.

— Дети есть?

— Нет.

— Заведи. Заведи обязательно!

Рассказывает о своих детях, о сыне, который майор, программист и хороший человек, а это самое главное. Голос его мягко рокошет, заполняя собой все пространство, и слушать его приятно. Чувствуется, что он сильный, спокойный, много чего повидавший на свете.

Неожиданно вступает в беседу Сашин спутник. Все-таки он неприятен. Ему, пожалуй, за пятьдесят, у него резкие интонации и лицо разорившегося графа, пропившего свою печень.

— А что ты делаешь у нас в Москве, Максим? Сам вроде не москвич.

— Приехал на десять дней из Германии.

— Ха! Так ты немец, что ли?

Все понятно. Я еще, с его точки зрения, молодой. У меня многое впереди. У него ничего этого нет, но есть какая-то власть над людьми. Интересно, это чиновничий пост или деньги? Ни то, ни другое не вернет молодости или упущенных возможностей, но такая суррогатная

подмена побуждает пободаться. Можно сразу дать по ментальным зубам, но уж больно мне симпатичен дядя Саша, не хочется рвать теплую, человеческую волну общения с ним.

— Приехал в кино сниматься.

— Хэх... Снимут?

— Откуда я знаю?

— Дурачок! А деньги ты с собой привез?

Добровольно подставляюсь:

— Да, двести евро.

Вот он — оргазм! Граф без печени разевает в немом хохоте свою коричневую пасть. Его никто не поддерживает. Тогда он, качая головой, напоказ достает свой бумажник. В нем ворохом мелькают русские пятитысячники. Искоса смотрит на меня, ловя впечатление. Я продолжаю добродушно улыбаться. Он немного удивленно разворачивает портмоне, видимо решив, что я не обратил внимания. Выпускаю тонкую струю дыма прямо в деньги. Все, кроме него, смеются.

Граф захлопнул портмоне. Надулся.

— А кем ты там, в своей Германии, работаешь?

— Шеф охраны в танцхаусе.

— Хмык! Шеф... охраны... В жизни бы не пошел на такую работу...

Всё. Надоел дровичла старый.

— А я бы тебя и не взял. Мне настоящие мужики нужны, а не... — Делаю легкую паузу, проглатывая слово — пусть сам домыслит чего похуже. — Вот Сашу взял бы с удовольствием.

Неожиданно фыркнув в чашку с кофе, рассмеялся его второй, дотоле молчаливый, спутник. Саша укоризненно смотрит на парня. Тот, подавившись смехом, делает серьезное, понимающее лицо. Саша устало снимает очки. Глядит на меня долго и пристально. У него добрые, умные, хорошие глаза. Говорит немного растерянно:

— Да... охранником... в дискотеку... Мне, с сегодняшнего утра, уже полтинник. Так-то, Максим.

Как он все-таки похож на Юрия Сенкевича! Тот же спокойный, тяжеловатый взгляд, та же неспешная пластика. Спрашиваю, не родственник ли.

— Нет, но я хорошо его знал. Нам многие говорили о том, что мы похожи. Он умер в шестьдесят шесть... Так вот, Максим... В Германии живешь...

Глаза Саши «Сенкевича» теплеют еще больше.

Он резко поворачивается к молодому усачу:

— Визитку.

Тот, слегка поперхнувшись кофе, отрицательно качает головой и выразительно смотрит.

— Дай ему визитку, я сказал.

Усатый нехотя лезет в сумку и протягивает мне белый кусочек картона. Н-да... Под гербом вытиснено: «Генеральный штаб Российской Федерации». И ниже, скромнее: «Начальник управления Александр...». Саша с легким любопытством смотрит на меня. Это уже не испытание, во взгляде его отеческая теплота. Но все равно. Надо держать хвост пистолетом до конца. Уважительно хмыкнув, кидаю визитку в карман куртки.

— Здорово! Так вы же и есть самый главный охранник Российской Федерации!

— Точно, Максим. Спасибо тебе.

— Да за что же?

— Вырастешь до моих лет — поймешь...

Официант приносит счет. Со вздохом, неспешно собирается Александр, суетится неприятный тип, проверяя наличие своего портмоне, третий спутник уже ждет их у двери.

Саша хлопает меня по плечу:

— Ну, если что, звони, Максим.

— Обязательно.

— И знаешь, — говорит он мне на ухо, — найди хорошую девушку, трахни ее, и пускай она родит тебе сына. Вот увидишь, я чувствую — у тебя будет сын.

Дверь за моими случайными собеседниками закрывается. Я переглядываюсь с официантом. Он пожимает плечами. Всякое бывает на свете.

Докурив последнюю сигарету, выхожу на морозный воздух. Иду по направлению к «Таганской», когда глаз вдруг ловит летящую сзади быструю тень. Резко оборачиваюсь и... спиной врезаюсь в другого нападающего. Чувствую легкий удар в бедро и вижу, как мой мобильный телефон, описав широкую дугу, падает и разваливается пополам. Разворачиваюсь к нему, готовясь отстаивать свои двести евро, но тут же слышу торопливый говорок:

— Извините, пожалуйста, мы сейчас все поправим, ваш телефон...

Двое молодых, спортивного вида парней подбирают вещи и суют мне в руки. Меня интересуют не столько деньги, сколько мобильник, куда забиты все московские адреса и телефоны. А вот и он, целый, собранный и даже заботливо вытертый платком. Парни, еще раз извинившись, продолжают неспешный бег. Ну ладно, бывает. Наслушался сказок о криминальной Москве, вот и мерещится теперь. Я оглядываю утопанный снег, проверяю карманы. Нет, всё на месте.

Мягко шурша, захлопываются двери поезда в метро. Я сижу, улыбаясь, в пустом вагоне и думаю о том, какие странные и удивительные перипетии вплетаются в мою жизнь. Решаю еще раз взглянуть на визитку Александра, лезу в карман... Визитки там нет. Обыскиваю все карманы: вот карточки, вот проездной на метро, вот пятьдесят рублей сдачи... Визитки нет.

И только по возвращении домой, за кружкой горячего кофе, я вдруг задумался — а куда, собственно, бежали, сшибая прохожих на своем пути, те два спортивных молодых человека? И нужен ли, с определенной точки зрения, случайному гражданину Германии прямой телефон начальника управления Генерального штаба Российской Федерации?

Да и с моей точки зрения не нужен. Разве что... не с ним, а с дядей Сашей, похожим на Сенкевича, я бы выпил еще раз с удовольствием.

* * *

Йозеф во время драки вцепился в рекламные буклеты двумя руками и стоял в сторонке!

«...Макс, он болтает чушь, все время дергает кассиршу вопросами, типа «А сколько людей еще внутри, а когда мы закроемся, а почему до сих пор свет не включили?»!»

«...Макс, с этим надо что-то делать, люди смеются над ним и называют его Винни-Пухом!»

«...Макс, не можешь ли ты меня с ним больше в пару не ставить?! Я его убью когда-нибудь: он постоянно пытается командовать, кричит, что работает дольше всех и поэтому он твой заместитель!»

Каждый раз, когда я приезжаю в танцхаус, на меня вываливается ворох таких жалоб. Йозеф — мальчишка. Йозеф — лентяй. Йозеф снова дразнил девчонок возле дверей. Йозефу на все наплевать.

Есть люди большие и толстые, сложения неуклюжего, но в то же время удивительно гармоничные в своей телесной нелепости. Словно аккуратно скатанные снеговики. Йозеф именно таков. Нижний шар в его основании настолько массивен, что его обладатель мог бы быть прекрасным вратарем в хоккее: однажды сев в ворота, он таскал бы их за собой. Средний шар несколько напозаывает на нижний, поскольку Йозеф любит поесть (привлекает сам процесс) и пиво (оно его веселит). Самый верхний шарик небольшой, увенчан агрессивной стрижкой а-ля викинг: бритые виски и небольшой гребень посередине. Физиономия Йозефа совсем мальчишеская, пухлая, озорная. По моему настоянию он отрастил бакенбарды, но, кажется, получилось еще хуже: на полудетском лице в сочетании с гордо вздернутым носиком и капризным ртом бакенбарды смотрятся так, будто он их украл. Такой вот двадцатилетний пацан-переросток.

Среда. Незаметно подъехав к клубу, я наблюдаю за входом. Там обширным пятном чернеет фигура Йозефа, на фоне которой быстро мелькают разноцветные блески крутящихся вокруг него разряженных девиц.

— ...Не-е-ет, без паспорта нельзя... А когда ты родилась? Быстро, не задумываясь говори... Не-е-ет... Принесешь паспорт, тогда пуцу...

Голоногие девицы, приехавшие в танцхаус из соседнего города, стоя на холодном ветру, обреченно переглядываются и как по команде начинают строить глазки:

— Ну, в виде исключения... один раз... мы недолго...

Йозеф сияет от удовольствия. Ему хочется растянуть эти сладкие мгновения.

— Не-е-ет... Не имею права...

Наконец рыжая девка, встав на цыпочки, целует Йозефа в круглую, по-детски розовую щеку. Йозеф снисходительно и словно ненароком прихватывает ее за талию и скользит ладонью по открытому животику.

— Не-е-ет... Не просите...

Чувства меры у Йозефа нет. Девки, обломившись и уже начиная сатанеть, отходят к перилам. Пора вмешиваться. Посмеиваясь, несколько раз жму на газ. «Коник» ревет на холостом ходу. Йозеф сдувается в размерах, а замерзшие полуголые девки подпрыгивают, как воробьи на жердочке: появилась возможность наябедничать. Я поднимаюсь к дверям. По физиономии Йозефа (чувствует уже, что нашкодил) и по выражению расширенных адреналином девичьих глаз понимаю, что снова прервал любительскую постановку классической пьесы «Неприступный Йозеф и его голодные рабыни». Девки в поисках справедливости кидаются ко мне, как оголодавшие курицы к разносчику корма. Йозеф несколько смущен.

— Слушай, Йозеф, надоело уже. Ты же знаешь, югендлиши до восемнадцати лет имеют право заходить в клуб и оставаться там до двенадцати часов.

— Да, но эти... они итальянки к тому же... от них всегда...

— А тебе какое дело, что мы итальянки?! — уперев одну руку в бок, а другой яростно размахивая, с чисто неаполитанским колоритом кричит рыжая, и ее национальная принадлежность уже не оставляет сомнений.

Девчонки гордо шествуют внутрь, не забывая по дороге скорчить рожицу в адрес Йозефа. Надувшись на меня (такую игру испортил!), он односложно отвечает на вопросы.

Через полчаса ко мне, складываясь пополам от смеха, подходит Ричи, заместитель

директора, и, отведя в сторону, сообщает, что в моей бригаде завелся стукачок. Йозеф, оскорбленный в лучших чувствах, потопал к директору ябедничать. Дескать, он, Йозеф, не запустил пять агрессивных итальянок, а Максим пришел и уронил его авторитет. Директор его выгнал. Та-а-ак...

— Йозеф, с каких это пор ты стал на меня стучать?

— Я?! Да ты что?! Мы же с тобой друзья!

— Йозеф, не ври.

— Никогда!!! Ты же мой шеф. Ты же мой друг!

— Мне Ричи рассказал.

Йозеф растерянно мнетя. Наконец его осеняет спасительная мысль:

— Ричи врет!

И он расплывается в облегченной улыбке. Ну ни дать ни взять блинчик со сковородки!

Но главный цирк начинается, когда Йозеф приходит в танцхаус в частном порядке. Пользуясь тем, что охранники имеют право на бесплатный вход и могут играть в начальников даже в гражданской одежде, в первый же визит Йозеф нарезался до положения риз. Дважды ко мне с круглыми от ужаса глазами подбегали официантки и шептали, что, конечно, они не вмешиваются в нашу работу и, может быть, так надо, но один из секьюрити сидит в углу кафе прямо на полу и безостановочно смеется. Схватившись за голову, я попросил Анри вытащить его к нам в коридор. Еще не хватало, чтобы я сам на глазах хохочущей толпы выволакивал за шкуру своего же охранника! Насупившись, Анри скрылся за дверями. Через три минуты он вернулся, крепко держа за обширную талию вдрабадан пьяного Йозефа. Тот безуспешно порывался ему что-то объяснить: мешали приступы смеха. Йозеф не обиделся, он явно принимал свою выволочку за продолжение забавной игры. Продолжая смеяться, кричал, что он трезв, что готов немедленно пройти пробу на алкоголь, какой сегодня чудесный вечер и пойдём выпьем, он угощает.

На следующий день весь персонал танцхауса рассказывал басню «Йозеф и бутылка рому», причем весьма своеобразно:

— Ты слышал? Ха-ха-ха! Йозеф!

— Да! Ха-ха-ха!

А меня вызвал директор Ян и, нахмурившись, поинтересовался, нельзя ли, чтобы такой охранник работал поменьше, а лучше всего — совсем не работал...

Но Йозеф работает до сих пор. Потому что при виде его покрытой юношеским пушком важной физиономии на фейс-контроле редко у кого не повышается настроение. Потому что, когда его вызывают на зарождающуюся драку, турки, увидев такого секьюрити, забывают про ссору, ржут и пытаются угостить его пивом. Потому что, когда становится скучно, кто-нибудь обязательно вспомнит, что учудил Йозеф в последнее дежурство. Более несовместимых понятий, чем секьюрити в ночном клубе и этот большой бритый ребенок, придумать невозможно.

Недавно Йозеф, снова явившись в качестве посетителя, долго сидел на скамеечке, помня мою последнюю нахлобучку, и был паинькой. Мы не могли на него нарадоваться. Пока у него не сорвало крышу, он не кинулся танцевать с какой-то да мочкой без ее на то согласия, а после, хохоча, не погнался за ней через весь зал. Когда его остановил дежурный охранник, Йозеф надулся и сказал, что бросит нас, раз с ним так обращаются, и вот тогда мы узнаем, какие без него безобразия начнутся.

Я зову его «наш питбуль». И Йозеф, услышав это, надувается от удовольствия, пытается

подтянуть круглый живот, делает каменное лицо и свирепо сверкает глазами. Окружающие же начинают поглядывать на него с легким ужасом... Кто ж его знает? Вдруг и вправду бросится. Как такое дитё бить-то?!

* * *

Я становлюсь профнепригодным. Нервы расшалились. А нервы охраннику на дискотеке нужнее всего, поскольку три-четыре раза в неделю приходится балансировать между немецкими законами и необходимой самообороной. Трижды в неделю выходишь как на ринг, причем противник твой неизвестен и может быть вооружен. И оружия у него в арсенале навалом: от острого ехидного языка, который в Германии не наказуем, потому держи себя в руках, до огнестрельного, а тут уж как повезет.

За смену перед тобой успевают пройти до полутора тысяч человек. Один желает пожать тебе руку, чтобы порисоваться перед своей подружкой — дескать, все секьюрити меня знают; другой ненавидит беспричинно, третий — вполне обоснованно, четвертую надо при встрече обязательно поцеловать в обе щеки, иначе обида на всю жизнь. И конечно, толпы турок, итальянцев и албанцев, с которыми нужно держаться особо, даже с приятелями, и помнить, что в любую секунду их подобострастный и даже дружеский оскал может превратиться в бешеный хлопок по плечу, а затем в удар по голове.

И так ночи напролет. Под бешено орущую музыку, в которой ни души, ни радости, а только долбящий ритм, направленный на то, чтобы непременно разбудить в человеке позвоночный столб. Наиболее сложное время — от половины второго до половины пятого. Народ уже выпил, растанцевался, алкоголь всосался, а танцхаус еще полон до тесноты. Руки ненароком зацепились — и всё, несись под воющую сирену в зал раскидывать петухов по углам. Притом вполне возможно, что не петухов, а кабанов, откуда тебе знать. А через пять минут пьяный вдрабадан парень, не пущенный тобой в дискотечный зал, с соответствующим жестом пожелает тебе поскорее покинуть этот тревожный мир. А еще через две нужно тащить через всю дискотеку поплохевшую от жары и алкогольных паров девицу на воздух, а она при этом нежно обнимает тебя руками за шею и пытается отвернуться, чтобы не заблевать. Потом возвращаешься привести себя в порядок и встречаешься с человеком, чье лицо вроде бы слегка знакомо, но он-то считает, что один у тебя такой и потому нужно обязательно рассказать, какая у него сука теща... И снова вой сирены.

— Ты чё, б... охранник, б..., мне по х...! Я с Украины! Еще раз назовешь меня быком — спущусь к своей машине, и тогда...

— Успокоить тебя? Ты — бык. Понял, бычьё?

— А это еще не факт...

Есть момент в работе, который я называю «состоянием сноса». Возникает ощущение нереальности происходящего, мир, созданный из моря шевелящихся тел, расцвеченных прожекторами и лазерами, чуть дернувшись, едет в сторону и начинает раскачиваться перед тобой, как огромный гудящий колокол. Момент бешеной агрессии и иллюзии всемогущества. Порву, завалю, растопчу всех.

Крышу сносит не только у меня. Практически все охранники переживают нечто подобное. Это нужно учитывать. Анри иногда начинает бормотать что-то угрожающее себе под нос, словно для невидимого собеседника, и однажды, не дожидаясь сигнала диджея,

врубил в зале свет. Алекс перед концом смены неожиданно влетел в зал и с криком «Вон! Пошли все вон!» стал выбрасывать оттуда загулявших посетителей. Да Грио, столкнувшись в коридоре лоб в лоб с официанткой, схватил ее за грудь и только от визга, в котором, впрочем, было больше восторга, чем возмущения, пришел в себя, покраснел и извинился. У меня же после года работы шефом секьюрити подскочило давление, изменились походка и выражение лица, стал ниже голос и обострилась интуиция, иногда доходящая до экстрасенсорики. Не добавить ли: «А еще я теперь дружу с инопланетянами и обязательно режу хлеб, повернувшись лицом на север, нейтрализуя тем самым действие стрихнина, которым его обсыпают, чтобы извести колорадского жука...»?

Но если серьезно, то я слишком часто стал терять выдержку. Это неправильно и глупо. Это опасно, в конце концов. Вчера пришло приглашение на сезонную работу, на курорт Майорка. Секьюрити считают за великое счастье и честь получить такое: курорт на халяву, все за счет приглашающей фирмы, зарплата запредельная — отработав там сезон, можно весь оставшийся год попивать пиво и ничего не делать. Я отказался. Во-первых, у меня здесь свое дело, которое я оставить не могу, а во-вторых... с Майорки я не вернусь. Либо сяду в испанскую тюрьму, либо хокером разобьют башку.

* * *

Мне за тридцать. Людей, которые меня не любят, набьется небольшой поезд. Любящие поместятся в мини-вэн. И то кто-нибудь, того и гляди, выйдет на полдороге.

Значит ли это, что я плох? Или, может, в поезде плохие люди едут?..

Скоро осень, мое любимое время. Но в Германии она какая-то пресная, без томящего запаха палой листвы, без солнечных золотых вечеров, без легких и светлых сожалений.

Она только подчеркивает одиночество и оттеняет уходящее время.

* * *

Позавчера заявлялся под коксом дружок побитого албанца Альмиса. Желал со мной разобраться. В ответ на вызов я произнес страшное заклинание, после которого нормальные мусульмане убивают. В приблизительном переводе: «Я состоял в интимных отношениях с некоторой пассивной частью твоего тела и ввиду некоторых обстоятельств поведения твоей матери мог бы быть твоим отцом».

Человека под кокаином завалить крайне сложно. Придурак расшвырял моих тюрштееров, как кегли. Трех нехилых мужиков, одним из которых был Куруш (!). За шаг до меня албанец остановился. Все-таки не решился напасть. Выкинули за дверь.

На следующий день мои албанцы вызвали его на ковер. Все оказалось не так просто. Парень был одним из тех, кто прятался тогда от меня в сортире вместе с Альмисом. После того случая — вот особенности менталитета! — он тоже потерял свое имя. Опустился в групповой иерархии. «Как же так, вы были втроем, а спрятались от одного Макса, и друга своего, прижатого к полу, ты бросил эротически стонать!» За человека его теперь не считают. Чтобы вернуть себе имя, он решил устроить проблемы мне. Нюхнул кокаина для смелости и пошел в атаку.

Лопнуло мое терпение. Если каждый урод будет мстить за каждого заваленного албанца и, нанюхавшись, переть, как матрос под танк, так это не жизнь начнется, а сплошной боевик, причем вовсе не с гарантированным счастливым концом. Только что разговаривал с Бесмиром. Пусть виновные будут наказаны. Он обещал специально приехать в дискотеку, чтобы выпить со мной и тем подчеркнуть мой статус в глазах местной шпаны в этом хаосе из группировок албанцев, боснийцев и цыган.

Боже мой... В кого я превращаюсь?.. А всего-то год назад решил подработать в дискотеке охранником.

* * *

В еде я неприхотлив совершенно. Будет мясо — съем мясо, будет булка — съем булку, будет неделю трижды в день яичница — съем и не охну. Но макароны... Но рожки... Но лапша... Белые черви. Иначе я их не называл. Все из-за того, что был в моей жизни период сюрреалистически жуткий... Хотя именно он оставил на моей психике столь глубокий отпечаток, что и по прошествии шести лет я все еще чувствую себя Бродягой, с которого спросу нет.

В течение года я жил без света. Без тепла. Без горячей воды. Без заработка. Все, что у меня было, — это старая неотопливаемая квартира в центре окоченевшей от постперестроечного ужаса Караганды, полная малолетних беспризорников, которых приютил мой друг Сашка Мельниченко (такой же бродяга, как и я), и подработка по разгрузке вагонов два раза в месяц. Правда, иногда приглашали рубить дрова. За это давали пообедать. Я был Бродяга, а не попрошайка или бомж. Почувствуйте разницу. Единственное, на что хватало наших с Сашкой средств, — это кое-как заплатить за холодную воду и газ (на свет не хватало, потому нам его и отключили) и купить раз в неделю две пачки рожков.

Ели мы с ним экономии ради только вечером. Серые осклизлые обрубки дешевого теста падали смятым комом в пустой желудок. На какое-то время желудок затыкался, переставая нудно скрипеть от голода. Ему нужно было разобраться с тем, что это такое в него свалилось и что теперь с этим делать. Так что рожки давали нездоровое, но достаточно долгое чувство сытости. Запивали мы эту снедь стаканом крутого кипятка.

И так шесть месяцев подряд. Предыдущие полгода тоже были достаточно трудны, но у нас хватало хотя бы на масло к рожкам, луковицу и иногда на кусочек сала (даже сейчас автоматически сглотнул слюну). А эти полгода... Дальше была бы только голодная смерть. Впрочем, что говорить, если тогда, каких-то неполных шесть лет назад, я весил шестьдесят семь килограммов?

В конце концов я тяжело заболел, простудившись на разгрузке вагонов. В течение трех дней, лежа в горячке, не ел вообще ничего. Помню только диалог одиннадцатилетнего Женьки с таким же уличным воробьем Фэттером (его настоящее имя я так и не узнал).

— Женька, смотри, а дядя Максим помирает.

— Ну, прикинь. Только ты, Фэттер, не думай, его куртку я себе возьму!

— Вот я вас, засранцы...

Остался ты, Женька, без куртки.

Сашка меня самоотверженно лечил, покупая на последние гроши аспирин и стрептоцид. На четвертые сутки, окончательно исхудавший, я вышел утром на кухню.

Занавесок не было, в окно било уже совсем мартовское солнце. И так стало легко на душе, так, как будто... вот над каждой зеленой травинкой, пробившейся из-под талого снега, сел бы и заплакал.

— Ожил? — буркнул Сашка и поставил передо мной нашу закопченную, потерявшую форму сковороду, на которой шкворчали... рожки! Рожки, мать их так!

— Ешь.

— Ох, Саша, я не могу на них смотреть даже...

— Ешь, не то сдохнешь.

— Я лучше сдохну.

— Макс, смотри, я лука купил! С луком, может, пойдет...

Так и ел я эти весенние рожки с луком, которыми меня потчевал заботливый Сашка: я их туда, а они у меня, сволочи, обратно...

С тех пор макаронные изделия я ни в каком виде — ни в масле, ни в томате, ни в сыре, ни с креветками, ни с белым вином — не выношу. Как увижу их, желудок собирается в тугую кулачок и подбирается к горлу с мольбой: «Не надо, пожалуйста, только не это...» Если приду к вам в гости, не кормите меня рожками, ладно? Жабонята в сахаре — вот это еда!

* * *

Вчера в дискотеку привалили бандюки. Снова албанцы. Они были после службы, оттрубили полный рабочий бандитский день и решили зарулить к нам выпить. Случилось это сразу после моей драки с двухметровым боксером. Из-за этого инцидента контроль на входе был усилен, и любого крупного иностранца вежливо разворачивали спиной к дверям.

Я находился в танцхаусе приватно и пил уже третье халявное пиво, когда прибежал посланный Яном кельнер с просьбой срочно идти на помощь: появились серьезные ребята, и новые секьюрити на контроле не справляются. Когда я подоспел, в холл уже входили бородатые плечистые башибузуки с ног до головы в бурой коже и золоте, с видом вернувшихся хозяев, которых слегка утомили приставучие мажордомы. Слоноподобный Анри растерянно бормотал: «Предъявите карточку постоянных посетителей...». Второй же охранник произвольно шагал спиной вперед, подпертый под горло крепкими кулаками албанцев. Кавалькада двигалась почти бесшумно, слышались только бормотание Анри, похожее на смиренную молитву, и испуганные всхлипывания кассирши. Албанцы же явно скучали, делая привычное дело.

Я сразу протрезвел. Плотно закрыл собой проход между кассой и стеной, застопорив дальнейшее продвижение внутрь, и вошел в единственно приемлемую в такой ситуации роль возмущенного полицейского. Изобразил на лице агрессивное удивление и, выявив среди бородатых рож лидера, стал орать: «Я начальник охраны! Что здесь происходит?!»

Тут возможны только два варианта: либо сразу в шар получишь, либо бандиты остановятся. Должен сработать рефлекс на полицейские интонации, вроде того как буйный псих, побывавший в сумасшедшем доме, при появлении крупного человека в белом халате автоматически усмиряется. Албанцы отпустили охранника; тот, отряхнувшись, отступил в сторону, и хотя они с Анри не ушли (еще бы, догоню — всех уволю!), стало понятно: я могу рассчитывать максимум на то, что нас попытаются разнять, если драка все-таки начнется. Эх!

В течение двадцати минут велись переговоры. Когда я делал шаг вперед, не двигались они, когда они пытались напереть на меня, не двигался я. Основное правило тюрштеера — ни шагу назад, иначе психологически ты уже проиграл. Призвав на помощь весь свой опыт, я все-таки ухитрился заставить их уйти.

Честно говоря, все эти полгода я подспудно ждал их возвращения. Мне известны нужные имена, от которых турок, цыган и албанцев бросает в дрожь, но... на всякого крутого авторитета есть свой отморозок. А именно такой вид был у того албанского лидера, с кем я рамсанулся в дверях. Надо сказать, он не лишен обаяния, хотя и несколько комического. Напоминает главаря банды из нашумевшего в свое время советского боевика «Не бойся, я с тобой» — не только внешне, но даже в манерах обращения со своими подчиненными; в этих манерах сквозят лукавство и чувство превосходства.

И вот пожалуйста. Вчера я мирно трудился в своей закуской над пиццей и вдруг краем глаза заметил, что по залу движется та самая гоп-компания. Их лидер все с тем же капризно-утомленным выражением лица задумчиво поглаживал бороду и меня пока не видел. Шестерки деловито раздвигали перед ним толпу. Блин, ведь сегодня суббота, клубный день, вход только по приглашениям! На дверях Анри и Томас, байкеры, блин... Судя по виду албанских братков, они прошли сквозь охрану, как горячий нож через масло. Тормозить их поздно, они уже в зале.

Если не знаешь, что делать — иди вперед. Я отложил рабочие инструменты, снял фартук, собрал волосы в пучок и снова перевоплотился в грозного Макса из «Ангара», «корейского полицейского», «бешеного японца», которого хотели порезать, да не порезали, с которым дружат Виргис и сам Али, и прочая, прочая, — так я себя накручивал. В зал я вошел уже другим человеком.

Воздействие на противника начинается с первого шага в его сторону. Шаг у меня вполне поставленный. Самое важное — первые полсекунды реакции. Вожак албанцев, равнодушно скользя взглядом по толпе, неожиданно увидел меня и... моргнул. Похоже, моя слава сделала свое дело. В Монберге нет ни одного турка и тем более албанца, который не уважал бы меня. Особенно после исторической осады танцхауса при переделе сфер влияния. Любая подобная история простыми средиземноморскими умами преувеличивается и романтизируется, и я дорос в масштабах городка до некой полумифической фигуры.

Впрочем, бандюк тут же собрался и насмешливо ослабил, но это не имело значения. Моргнул — уже маленькая победа. Ну всё, вперед.

— Привет.

— Привет.

— Как ты вошел без шамгаст-карты?^[1]

Здесь важно говорить «ты», психологически отсекая от разговора товарищей противника. Я их не вижу, не слышу, их нет. Такой прием эффективен, потому что быдло обычно поддается этому косвенному внушению. Если кто-то пытается активизироваться, нужно, слегка повернув голову, спокойно сказать: «Подожди. Я не с тобой разговариваю», — и снова продолжить беседу с лидером. Для «быков» собеседник их вожака иерархически равен ему.

Албанец расплывается в обаятельнейшей улыбке:

— Слушай, кто меня посмеет остановить? Какая такая карта-шмарта?..

— Я посмею, забыл?

Смеюсь, разряжая ситуацию эмоционально, но одновременно знаю, что смысл моих

слов доходит, оставаясь неизменным. Смеется и он, немного смущенно касаясь своей лысины.

— По субботам вход только для постоянных посетителей.

— Послушай... Мы стресс не делаем, отдыхаем, ты почему такой въедливый?

— Весь Монберг знает, что я въедливый.

— Меня тоже весь Монберг знает!

— Я с Бесмиром работаю.

— Коллега, значит.

Тут мы оба смеемся.

— Ладно, давай так, раз уж тебя запустили, ты теперь тоже шамгаст...

— Ага! — И он расплывается в самодовольной улыбке — сдал позиции китаец.

— ...но как только ты делаешь малейший стресс, получаешь хаусфербот навсегда, и твои ребята тоже.

Албанец насупился. В этот момент его подручный, не осознавая, каким образом, но понимая, что повел беседу я, пытается перехватить инициативу. Он не встречается в наш разговор, но, подзывая официанта, начинает подчеркнуто громко стучать кружкой об стол. Я разворачиваюсь к нему:

— Не стучи, ты мешаешь нам разговаривать.

Он, хоть и тише, но продолжает стучать.

— Эээй! Мах кайн штресс!^[2] — неожиданно зло шипит на него шеф, и парень смущенно затихает окончательно.

Официант приносит пиво, бандиты пьют за мое здоровье. Всё.

Выхожу к своим охранникам. Выкуриваю одну сигарету. Охранники улыбаются улыбками нашкодивших детсадовцев.

— Почему запустили, не спросив шамгаст-карты?

— Ну... Макс... если бы мы начали их останавливать, они бы сделали проблемы. Как тогда? Постоянные посетители увидят драку и не придут больше. Да они были вежливы...

— Кто стоял на контроле входа?

— Вместе стояли, — бормочет Томас.

Анри кипятится:

— Ничего подобного! Ты стоял! А я только рядом.

Формально ответственен тот, кто стоял первым от двери.

— Томас, я желаю тебе всего хорошего на новом рабочем месте.

— Что я должен был делать?! Драться с ними?

— Проверить наличие карты. Хотя бы дать понять, кто тут хозяин. Они бы не шли такой походкой по нашей территории.

Психанув, Томас сдирает с себя куртку секьюрити, швыряет ее в угол гардероба и уходит. Анри кивает. Так, мол, и надо. М-да... Двухметровый Анри из мотоклуба «Серые дьяволы»... Ты с удовольствием заламываешь руки вчерашним школьникам, но ни слова не сказал входящим албанцам. Даже карты не спросил, невзирая на то что секьюрити со стажем и гордишься этим... Еще и доброго вечера пожелал, наверное. Ладно, формально ответственен Томас, и мне не за что тебя наказывать. Но сам ты знаешь, что напустил в штаны. А ведь будешь и дальше ходить с видом, словно тебе море по колено. Будешь красиво клеить девиц. Не встанет ли в такие моменты перед твоим внутренним взором бородатое лицо ухмыляющегося албанца? Ухмыляющегося потому, что вы оба поняли: ты струсил и

прогнулся под него... Эх, раньше человек от стыда перед самим собой вспарывал себе живот. Стрелялся из-за того, что его позор видели другие. А теперь... Как ты, Анри, сам с собой-то договоришься? А ведь договоришься...

Я не герой. И я не вспорол себе живот, хотя тоже испытывал унижающее чувство страха и позора бесславного поражения. Но я его — помню. И может быть, именно потому я и не боюсь сейчас ни черта. Потому что знаю: хуже такого чувства ничего быть не может. Лучше умереть. Выбитые зубы, само собой, не в счет.

Хрен с тобой, Анри. Ты не мой заместитель. Куруш будет вторым человеком в нашей команде.

Возвращаюсь на свою кухню. У меня уже очередь стоит. Распускаю волосы, надеваю фартук и дежурную улыбку. «Пицца-салями, пицца «Маргарита», фрикадельки...» Жрите, заразы.

* * *

Тихо на душе. Спокойно. Отработал смену. Потерял голос. Хриплю.

Новый охранник сбежал со смены. Люблю этих людей, делают что хотят. Я позвонил ему на мобилу и услышал: «Лэк мишь!» В приблизительном переводе: «Пошел на!..» Ответа на эсэмэску «Ты соображаешь, с кем разговариваешь?» не получил.

А с кем он разговаривает? Я уже и сам не знаю, кто я такой. Поймал в зале его приятеля, отобрал кружку с пивом, напялил на него куртку секьюрити и велел стоять до конца смены, раз его друг такой говнюк. Тот, покачиваясь, отстоял — а куда деваться? Ян отказался платить. Я уперся рогом: «По договору я должен обеспечить двоих секьюрити, двое и отстояли, а кто именно — это мои проблемы». Приятель негодяя одобрительно кивнул и, покачнувшись, издал звук «ыыыыуак!» Я поскорее вытолкал его из бюро. И смех и грех.

Эдак резать от Альмиса придут, а тут позорище такое, стыдно перед парнями будет...

* * *

Я знаю, где буду работать в старости. Может, даже и денег за это брать не стану. Оденусь динозавром и буду в парке аттракционов или в супермаркетах с детьми играть. Шарик раздавать, просто общаться. У меня получится.

Друзья шутят:

— Макс, да от тебя все дети с криком разбегутся!

— Не разбегутся. Я же буду в костюме динозавра...

* * *

Есть женщины, на которых сразу обращаешь внимание. Вот зашел в зал ночного клуба, окинул его взглядом — и опа!

Так было и на этот раз.

Я снова в отпуске, в своем любимом Симферополе. Встретились в «Корабле» со старым приятелем Сержем, неплохо выпили и решили смотаться в «Эльбрус», знаменитый на весь город ночной клуб, б...юшник и кобелятник. Его плюс в том, что даже в будни в нем всегда полно народа. Ну, правильно, «любовь» такого рода обуревают не только по выходным.

Дело немного осложнялось тем, что Серж верующий. Это, впрочем, не мешает ему крутить романы одновременно с тремя дамами, одна из которых замужем. Но, прочистив мозги хорошей русской водкой, он вспомнил, что нынче пост и вроде как заводить четвертую не очень комильфо.

— Слушай, Серж, но мы же не девок снимать, а общаться туда едем.

— А почему именно туда?

— А куда же еще? Ночь воскресенья, все закрыто.

Доехали на такси до «Эльбруса». Оттуда уже доносились гортанные мужские крики (почему-то радостно орущие мужики приобретают кавказские интонации) и показной женский хохот — иногда думаю, как можно так смеяться, навыворот, зачем? Это что, демонстрация женского верхнего нёба, какой-то особый сексуальный манок?

Мы прошли внутрь, миновав горланящую компанию, и попали в большой, забитый женщинами на выданье танцзал.

По опыту знаю: хочешь хорошо проводить время в чужом городе — облюбуй себе постоянное место для безобразий и первым делом задружись там с администратором. Или хотя бы с барменом и охраной. С барменом, понятно, посредством щедрых чаевых, а с охраной... пожалуй, быстро задружиться с охраной получится не у всех, но мне здесь проще. Рыбак рыбака...

В общем, бармен тут же указал нам на свободный столик, а охранники заулыбались, увидев в дверях мою шкодливую рожу.

— Макс, водку будешь?

Серж выглядел как связанный маньяк, случайно высвободивший руки.

— Давай по пятьдесят, и хватит на сегодня.

Пиво в походах я не пью, уж очень трансковый напиток, не для приключений никак.

Хлопнули черного «Немирова», и Серж заскользил взглядом по залу.

— Эх, цветник...

— Скорее яблоневоый сад.

— Пост, Макс.

Я хотел сказать, что слово «пост» давно уже ассоциируется у меня с записью в блоге, но, взглянув на приятеля, передумал.

Лицо Сержа как-то подобралось. Мне показалось, что он даже осунулся.

Я хохотнул и все-таки не выдержал:

— Знаешь, Серж, ты либо крестними, либо трусы надень.

— Да как ты можешь! Вон, у самого же крестик на шее!

— А ты покажи мне хоть одно место в Евангелии, где Христос говорил о необходимости соблюдения поста...

Устраивать религиозный диспут, впрочем, да еще в таком злочном месте, не хотелось.

Я отвернулся и стал заниматься своим любимым делом — наблюдением за человекообразными, включая себя самого.

Возле стойки стояла высокая белокурая девушка. Она напомнила женщин, которых я видел в Норвегии: красивое, правильное, немного строгое лицо, тянущая, словно

гуттаперчевая, фигура. Она резко выделялась из толпы разряженных крымских девиц. Внешней привлекательностью... отчасти да, хотя девушки в Крыму все как на подбор, просто стройся в ряды и шагом марш на Запад — замуж за седых миллионеров. Но было в этой и что-то особенное. Она стояла в пол-оборота, пила что-то оранжевое, видимо апельсиновый сок, и немного насмешливо смотрела на окружающих. У нее была характерная пластика человека, долго занимавшегося спортом. Даже поза ее была свободной и собранной одновременно. И в то же время чувствовалось в ней какое-то напряжение.

Я прикрыл глаза.

Есть у меня такой трюк — я запускаю ассоциативный ряд, связанный с незнакомым человеком, пытаюсь увидеть зверя, на которого он похож. В мысленно созданном общении с этим зверем часто раскрывается алгоритм наших будущих отношений, если они, конечно, возникнут.

Я увидел реку, туман и на берегу красивую белую лошадь. Она была спокойна, но в ней чувствовалось что-то тревожное. Лошадь потряхивала длинной, чуть вьющейся гривой, иногда опуская ладно выточенную голову в туман, стелющийся над травой.

Зеленые травинки, видные под слоем белого дымка, чуть дрогнули от прикосновения ее губ. Я подошел и погладил ее между ушами. Лошадь слегка мотнула головой, но ей это понравилось.

Я открыл глаза. Незнакомка уже смотрела на меня. Встретившись со мной глазами, она быстро отвернулась.

Серж перехватил мой взгляд.

— Макс, не тот случай, разве не видишь? Она или работает здесь, или проститутка.

— Знаешь что, не мешай.

— О-о-о! Ну, желаю удачи.

Серж вскоре ушел, чтобы не поддаваться лишним соблазнам. А я встал из-за столика и подошел к стойке. Чуть улыбнулся:

— Тебе нравится наблюдать за людьми?

— Хм... Откуда ты знаешь?

— Видно. Меня зовут Максим.

— Римма.

Первый диалог наиболее интересен. И не смыслом слов, а ощущениями, переживаниями. Это как мяч друг другу кидать, наслаждаясь игрой, но и каждый раз испытующе поглаживая его пальцами — вдруг это не мяч, а просто грязный шар.

Хоп! — Гоп! Гоп! — БАЦ!!!

Бывает и так. Уронишь. А ты не роняй!

Но здесь мяч летал легко и все быстрее и быстрее, в конце рассыпавшись смехом. Не по поводу, а просто от того, что славно играть вместе.

— Чем в жизни занимаешься?

Девушка снова смеется. Секунду молчит, наконец озорно и с каким-то вызовом смотрит мне прямо в глаза:

— Работаю в охране генерального директора банка «Прибалт» в Феодосии.

— Вау! Ты...

— Я телохранитель. Была чемпионкой Крыма по тхеквондо. И вот два года уже работаю в «Прибалте» в сопровождении. Рядом с шефом наши шкафы идут, а я вроде так, ни при чем.

— Знаю эту систему.

Действительно, иногда возле бонз, окруженных декоративными терминаторами, все время крутится пара милых девушек, часто в легких брючных костюмах, не то фотографы, не то секретарши...

М-да. Интуиция меня никогда не обманывает. Эта белая лошадка как приголубит стройным копытцем, так и сам в тумане поплывешь...

— Мне твой приятель не понравился. Он меня шлюхой назвал.

Я удивленно поднимаю брови.

Она снова смеется:

— Я читаю по губам, сказала же, кем работаю. Да все нормально, я понимаю. Правда, что-то много говорю сегодня...

— А что ты делаешь здесь?

— Шеф в Симферополе, уехал в сауну, нас отпустил аж на два дня. А куда в этом городе себя деть? Стою, над вами, кобельками, смеюсь.

— Я не кобелек, Римма.

— Вижу. Ты знаешь кто? Ты медведь-пестун.

— Кто? Или я во втором слове пару букв неправильно расслышал?

— Нет. У меня дед был охотником, ходил на медведей. Есть у них такой возраст... Еще не зрелый медведь, но уже и не медвежонок. Присматривает за младшими братьями-медвежатами, пестует их. Вот это ты и есть!

— Хм, может быть. А ты — белая ло... То есть... Как ты думаешь, а где я в Германии работаю? У меня необычная работа... — И лукаво смотрю ей в глаза — догадается, нет?

— Ммм... ты детский врач.

Вот врачом, да еще детским, меня никто не называл!

— Я?! Издеваешься? Ищи по другую сторону. Ближе к ночной жизни.

Римма озорно подмигивает:

— Стриптизер небось?

— Фу, ты что! Да и возраст не тот.

— Охранник в клубах? По-моему, да.

— Точно.

— Максим, а пойдем уже из этого гадючника? Побродим по ночному Симферополю. Не боишься?

Какой у нее приятный смех. Приятный... Но словно ждущий, что его сейчас оборвут.

— Римма, если на нас нападут, нам надо будет только сказать, кто мы по профессии.

— А если не поверят?

— Ну что ж, тогда им не повезло.

— Ха-ха-ха! Ты мне нравишься, Макс...

Так и шли мы через весь город, залитый ночными огнями, близко-близко, тень в тень.

В такт шагам Римме в спину бьет тяжелая волна длинных светлых волос. Они касаются моей руки, лежащей на ее талии.

— Макс, у тебя есть мечта?

— Да. Слава.

— Глупыш ты.

— А у тебя?

Римма задумывается.

— Наверное, уже нет. Я же практик по жизни.

— Ну, а если подумать?

— Помню, маленькой была в ботаническом саду с папой. Там было очень красиво, и мне хотелось остаться там жить. Родители не очень ладили, потом развелись, а мне долго мечталось держать за руку отца и жить с ним в этом саду...

— Хорошая была мечта.

Я смеюсь, балагурю, и Римма смеется, но кажется, что ей немного грустно.

Озорная идея приходит мне в голову. Быстро перебираю в памяти крымских приятелей.

— Римма, подожди-ка, мне надо позвонить знакомому.

— А не знакомой? Ну что ж, иди...

Наконец мы останавливаемся.

— Вот мы и пришли. Левое окно — мое. — Она протягивает мне руку на прощанье.

— Римма, завтра увидимся?

— А...

— Что?

— Пестун ты, а не охранник! Хочешь остаться?

— Да. — И, глубоко вздохнув, невольно добавляю на выдохе: — Очень.

...Нежность. Настоящая нежность, которую берегут и отдают только иногда, может быть, даже невольно. Она цветет, как ночной цветок в темноте, и тебе заметно не осторожное движение лепестков, открывающихся навстречу, а только их легкое бархатное прикосновение к пальцам, почти невесомое. Раз — открылся один, два — другой...

И наконец вот он, во всей красе, вдохни его запах, согрей дыханием.

И будет тебе невиданная нежность женщины, чье тело звучит счастьем, неожиданным даже для нее самой...

Я всегда просыпаюсь первым. Не знаю почему. Долго лежу рядом, слушаю тишину и дыхание женщины.

За окном шуршат шины. Подъехал автомобиль. И почти сразу тихо запищал мой мобильник. Быстро отключаю его. Выскальзываю из кровати, осторожно переложив девичьи руки с моей груди на простыню. Она еще влажная.

Выйдя за дверь, щедро расплачиваюсь с заспанным водителем и заношу в комнату ведро, полное дурманяще пахнущих цветов. Я раскидываю их везде — на журнальном столике, на креслах, бросаю на пол. Только бы не проснулась раньше времени. Ей, может быть, все это и не нужно. Это было бы к месту ночью, когда она раскрылась, а сейчас она может снова одеться в себя дневную. Может быть. Но это нужно мне. И наверняка той девочке в саду, держащей за руку уходящего отца.

В спальне я снова ложусь рядом. От сбрызнутых водой свежих цветов поднимается сочный, торжественный аромат. Римма открывает глаза. Улыбается, целует меня в уголок губ и садится на постели, сразу собирая рассыпавшиеся по плечам густые длинные волосы.

Очень люблю этот момент. Женщина, сидящая на кровати, естественным движением закинувшая руки за голову... Это бывает ослепительно красиво — остановись, мгновение...

— Макс...

— Что?

— Ох... Зачем ты?.. Так можно делать только для любимой.

Я улыбаюсь:

— Так и есть. Любимой и дарю.

Римма смотрит на меня почти испуганно, но снова смеется:

— Любимой аж на целое сегодня?

Немного грустно улыбаюсь — надо быть честным до конца.

— Да, Римма.

* * *

Они были вместе уже несколько лет. Еще молодые, им не было и сорока. По утрам он собирался на работу, а она поливала цветы и готовила ему чай. По вечерам он смотрел, как она читает, сидя на диване и уютно подобрав под себя ноги, и ему было хорошо. А она любила засыпать, чувствуя, как он кончиками пальцев не спеша гладит ей спину. Он знал, что она боится мужчин определенного типа. Каждый раз, когда на улице встречались такие — в возрасте, с темными волосами и крепким подбородком, — он чувствовал, что она чуть сильнее сжимает его руку. Иногда сбивалось и дыхание. А она видела, что он хранит в своем столе маленький деревянный гребешок. Порой достает его, и гребешок легко скользит между его пальцами. На ее нежном лице был небольшой шрамик. Совсем маленький, незаметный, чуть выше брови. Он видел, как она пытается сделать его совсем незаметным, в который раз покрывая тональным кремом. Иногда он видел, как она, задумавшись, невольно касается шрамика пальцами. А она однажды видела, как в полуоткрытом ящике его стола мелькнула старая, немного помявшаяся фотография совсем юной смеющейся женщины.

Они были вместе уже несколько лет.

Когда они встречали на улице мужчин, которых она боялась, он гладил ее сжавшуюся руку теплой ладонью. Когда он снова доставал гребешок, она тихо и незаметно уходила готовить чай. Он никогда не замечал ее шрамик над бровью. Настолько не замечал, что даже не целовал его в минуты близости. А она отводила взгляд, когда он снова забывал закрыть свой ящик.

Она читала по вечерам книги и готовила ему чай, а он гладил ее по спине, чтобы она скорее уснула. Им было уже под сорок.

Они были мудры.

* * *

Весь город Кобленц — мои владения. Ни больше, ни меньше. Городские улицы — это только продолжение моего жилья. По какому праву? Да очень просто.

Приехав в Германию, я брался за любую работу, какая только подворачивалась. И всегда пытался осваивать ее в совершенстве. Это единственный способ не деградировать и не сойти с ума, если, обладая университетским дипломом, приходится взять в руки швабру. В результате я один из лучших мойщиков на юго-западе Германии. Я справлялся с работой, которую должны были выполнять двое. Имею шесть письменных благодарностей от офицерского корпуса за чистоту, наведенную в казармах. Знаю не понаслышке, что такое кухня в отеле. Нашу бригаду по обслуживанию поездов на стоянках до сих пор помнят на Кобленцском вокзале, потому что мы заняли первое место в округе по качеству работ. Славное было время. Мы практически жили на вокзале, работая по двенадцать часов в сутки. Холодно, тяжело, сыро... Зима, спецовка твердая от заиндевевшей сырости, а тебе нужно

паровоз водой под давлением из пожарного шланга заправить. Зато теперь я знаю поезд вдоль и поперек, с закрытыми глазами могу в нем работать.

И относились ко мне с уважением. До сих пор бывшая шефиня, милая девочка, вызывает меня потрудиться в горячем цеху бумажной фабрики, где температура зашкаливает за сорок пять, — с меня десять потов сходило, но дело я делал хорошо.

А теперь, стоит мне предъявить свой значок шефа секьюрити и назвать имя, я буду чувствовать себя как дома в любой дискотеке.

Весна, солнце, ветерок в лицо. Еду мимо казарм, смотрю, не мелькнут ли знакомые лица под фуражками, небось помнят мои сияющие умывальники. Еду мимо отеля — фак вам, эксплуататоры, знаю и вас. Под мостом догнал меня призывный паровозный гудок, и сердце снова дрогнуло. Поезда мои отправились в дальние страны, всех вас в железные морды помню и даже по голосу узнаю. На перекрестке машина остановилась рядом, а оттуда: «Хэлло, Макс!» Незнакомые молодые ребята — видно, в дискотеку к нам в Монберге заходят. Где мне их всех упомянуть! Махнул рукой — узнал, типа. В магазине бывшую шефиню встретил, хорошая такая, грустноглазая. «Может, вернешься к нам?» Да нет, девочка, не вернусь. Приходи лучше ты в «Ангар» со всей нашей слесарной бригадой. От площади выезжаю — навстречу несутся трое парней на черных мотоциклах и в куртках «Аутлоус», лица прикрыты забралами, не разглядеть. Первый посигналил мне, другие рукой махнули.

Как там?.. «Летят самолеты — привет Мальчищу!» Вот уж правда. И так бывает. Ничего не пропадает зря. Что бы ты ни делал, делай изо всех сил, а главное — с любовью. Зачем? Да вот за этим. Счастье, когда весь мир вокруг — твой дом.

* * *

В последнее время нервничаю на дежурствах. Это плохо. Очень плохо. Держу себя в руках, но агрессия прорывается. Лелики и болеки усмирились, Анри все понял и снова стал моим аккуратным, надежным (до поры до времени) помощником. В прошлую среду мы вытащили из танцхауса двенадцать (!) сопротивлявшихся человек. Как мы ухитрились при этом ни разу не получить по шее, для меня осталось загадкой. Продержались до приезда полиции.

В «Ангаре» новый шеф вместо Яна, Ганс. Отношения, слава богу, тоже в порядке однако чувствую себя гораздо менее уверенно, чем с Яном. С ним я всегда знал, что спина моя прикрыта. С новым шефом все наоборот. В мою работу он не вмешивается, но я уверен: если не дай бог что, вся ответственность полностью ляжет на мои плечи. Он меня прикрывать не станет. А Ян бы прикрыл, даже в ущерб танцхаусу.

В танцхаусе продолжается мышинная борьба за власть. Тут тоже надо учитывать немецкий менталитет: старый, долго проработавший сотрудник имеет зачастую не меньшее влияние на коллектив, чем непосредственный начальник. А Ганс-лайтер танцхауса, но новичок. С ним держатся уважительно, однако глава отдела обслуживания, тридцатипятилетний толстяк Курт, здесь с самого основания танцхауса, и после ухода Яна начал делать что хочет, забив на всех. Попытался даже залезть на мою делянку, учить моих парней, правда, тут же получил отпор и отступил. Передел сфер влияния, тем не менее, стал набирать обороты. Сначала Курт поругался с моим охранником. Я, в свою очередь, сорвался

на его подчиненных. Были переговоры, и теперь он — единственный, кого выпустят мои ребята из танцхауса в рабочее время, а я — единственный из коллектива администрации, кто имеет право во время рабочего дня заходить в любой из баров танцхауса и бесконтрольно наливать себе что вздумается. В частности, и потому, что все знают: ничего, кроме чашки кофе или какао, на службе я себе не налью. Обменялись то есть индульгенциями.

Правда, нервы у меня все так же напряжены. По городу ходят малоприятные слухи, турки острят: «Как, ты еще жив? Да ладно, ничего, может, еще обойдется».

В пятницу я сделал две непростительные последовательные глупости. В конце рабочего дня наша официантка Моника, закончив смену и расцеловавшись со всеми на прощание, внезапно вбежала обратно в танцхаус с криком, что у лестницы ее поджидают два турка. Вроде как пытались затолкать в машину, угрожая ножом. Я оставил Анри на выходе, быстро натянул свою косуху (от порезов она точно защитит) и спустился с девчонкой по лестнице. Турок у лестницы не наблюдалось. Моника лепетала, что боится идти домой, и попросила проводить, тем более что живет рядом. Я был в несколько измененном состоянии сознания и не задумываясь согласился. Когда мы через десять минут дошли до ее дома, она, заглянув в глаза, сказала: «Ну вот! Теперь ты знаешь, где я живу!» — и попыталась меня обнять. Я немного постоял с ней в темноте, слегка придерживая за плечи, чтобы не обидеть. Скомканно распрощался и вернулся на рабочее место. И только там понял, какой я осел.

В подобных случаях я ни в коем случае не должен вмешиваться. Во-первых, из соображений здравого смысла. Надо было не супермена из себя корчить (при том что я им не являюсь и с ходу вступать в схватку с двумя вооруженными неизвестными было бы, мягко говоря, несколько самоуверенно), а оставить Моника в танцхаусе и позвонить в полицию, как принято в цивилизованной стране. Это к тому же и надежнее. Сработал советский стереотип: родной милиции не верю, а девушка просит помощи. В результате вполне могло сложиться так, что мне немного глубже, чем следовало, прокололи бы ножом любимую косуху, а девчонку увезли. И кому нужен такой героизм? Но в тот момент мне это в голову не пришло. А все потому, что у меня депрессия и мозги соображают с запаздыванием.

Во-вторых, по причине служебного долга. Провожать до дома в рабочее время даже нашу сотрудницу я не имел никакого права.

А в-третьих, когда, вернувшись, я рассказал о турках и ножах Анри, кассирша Ники стала ржать, как конь: оказывается, Моника давно положила на меня глаз и вроде даже поспорила на меня с другой официанткой. Анри стал ржать, как второй конь.

Так что понятно, о чем они подумали.

Новый шеф тоже, похоже, не поверил в историю с турками. Уж очень по-мужски солидарно щурились его глаза. Но мне он ничего не сказал, дескать, пусть уж.

Все это, мягко говоря, мне не нужно. Не для того я столько времени и сил отдал работе, чтобы подпортить репутацию из-за таких глупостей.

Вот так и живем.

Снова в Симферополь хочу.

К маме.

* * *

Предстоят сплошные рабочие смены. Еще пять подряд, и все в ночь, естественно.

Вчера долго обсуждали с Гансом резко повысившуюся опасность дежурств. Крупнейшая дискотека «Фанпарк», куда я перенаправил весь сброд, ввела жесткий контроль на входе, такой же, как у нас. Там тоже надоели постоянные драки и напряжения. В итоге у наших дверей снова стали появляться известные мне зловредные рожи (которые в свое время я лично послал по понятному адресу). Иногда начинаю встречать их даже внутри — это только я, как дурак, фанатею на работе, а те же Анри и Йозеф жить хотят, и желательно без напрягов, чтобы стоять только в рабочее время, щекотать девчонкам животы и лясы точить. Выбора же у меня пока нет, походи найди путёвых тюршпееров, да еще со всеми документами, да еще и за такие деньги... Эти хоть перепивших бургеров за шкурки вытащат и у школьников паспорта спросят.

Однако от этого не легче. Уже месяц как в танцхаусе держится повышенное напряжение. Количество гостей, сочетающих средиземноморский менталитет с примитивным мусульманством, стремительно растет, уровень жизни в Германии падает, и весна приближается. Турки, албанцы и итальянцы, сбившись в косяки, начинают пощелкивать зубами друг на друга и на секьюрити в том числе. Близится большая свара. «К нам идут рыжие псы, мы принимаем бой!» — дрожащим голосом сказал волчонок и, запутавшись в собственных ногах, свалился на бок. Таково олицетворение охранных германских фирм последнего времени. А что прикажете делать? Танцхаусы экономят на всем, в том числе на охране. На сменах по два охранника, защитных курток не дождешься, а после введения идиотской формы — белая рубашка, черные брючки и галстучек — мне пришлось купить для секьюрити за свои деньги особые галстуки, соскакивающие с шеи при захвате, чтобы парней не передушили.

Ну что ж, в конце концов, у меня в бригаде есть несколько человек, на которых я могу положиться. Напряг лучше предотвратить до того, как в танцхаусе разгорится третья мировая война. Вот я и поднял вчера эту тему. Проговорили полночи. Есть только два пути: либо мы снова вводим драконовские правила и просто тормозим в дверях по нацпризнаку, либо реанимируем систему штамгаст-карт и всех турецко-албанских гопников, даже знакомых, заворачиваем до их получения, а это событие я буду отодвигать максимально долго, пока они не найдут другую дискотеку, чтобы втихаря торговать гашишем и задирать окружающих.

Оба варианта имеют свои положительные, проверенные на практике стороны. Есть и отрицательные, главная из которых надумана и меня лично бесит. Она болезненна для каждого честного немца и называется «расизм» и «дискриминация». Зацепив эти понятия, из современных немцев можно вить веревки. Самое обидное, что особенно они сильны в головах у наиболее цивилизованной и интеллигентной части немецкого общества. Именно поэтому толпы гопников и паразитов всего евросоюзного мира шпыняют толерантных немцев в хвост и гриву, и дальше будет только хуже. Хочешь избавиться от инфантильного либерализма и понять, что толерантность бывает преступна, а люди — не всегда братья? Поработай месяцком охранником на немецкой дискотеке.

Ганс мне нравится. Он умный мужик, бывший десантник, офицер, но, к сожалению, еще и хороший человек. Сразу же после того как бразды правления перешли в его руки, отменил дискриминирующую трудолюбивых (правда, немного непосредственных) турецких соотечественников систему штамгаст-карт. Затем провел со мной разъяснительную беседу. В ней он мягко внушал, что надо быть добрее, а порядок, установленный Яном, конечно, имел свои плюсы, но в начале XXI века мы должны быть терпимы... Короче, «в то время,

когда небесные корабли бороздят просторы космоса», вводить драконовские ограничения для албанских и прочих мусульманских гопников на современной немецкой дискотеке — это дикость и мракобесие.

Я покачал головой, промычал «ну-ну» и рассказал пару страшных сказок на ночь. Ганс вытер пот со лба («Ох уж эти вечные препирательства с начальством!») и предложил устроить пробный день германского либерализма и дружбы народов. Я злорадно согласился. День этот вошел в историю танцхауса как историческая драка двух секьюрити с двенадцатью турецкими повстанцами, которая завершилась в два этапа — сначала просто визитом полиции, а потом визитом полиции в бронезилетах. До сих пор мы с Анри не совсем понимаем, как остались тогда живы. После этого Ганс уже не заикался о XXI веке, видимо догадавшись, что в некоторых странах на Земле иное летосчисление: сейчас у них затянувшийся XII век.

Тем не менее дух либерализма пропитал танцхаус. Как я ни бился со своими секьюрити, они снова напустили полную дискотеку средиземноморской гопоты, которая быстро в ней закрепилась, и так просто ее уже не вышибешь. Дело еще и в том, что сейчас я редко сам стою на входе, поскольку работаю в своей закусочной и, по сути, только осуществляю контроль, даю ЦУ и растаскиваю драки в зале. Но принцип, сделанный мною основополагающим в нашей работе — «Напряги перед дверями, но не внутри», — стал хромать на обе ноги.

Среди турок прошел слух, что «бешеный японец» больше вроде как не охранник, а печет пиццу, и всякая шушера привалила в дискотеку снова. Кого-то ребята отсеяли, а кого-то и пропустили. Среди этих «кого-то» на прошлой неделе обнаружился и албанец с переломанным носом, тот, кто однажды ринулся на меня с двухметровым железным дрыном в руках. Пропустил его, кстати, профи — боксер Куруш, не от страха, а... Были, в общем, у отца три сына. Двое умных, а один боксер.

Вопрос остался открытым. Ганс больше озабочен снизившимися доходами танцхауса, а о проблеме безопасности говорит так: «На то ты, Макс, и тюршеф». Интуитивно чувствую, что, если не найти сейчас выход, начнутся глобальные битвы. Все-таки надо срочно вводить штабгаст-карты против новых потенциальных дебоширов, коими являются восемьдесят процентов турок и девяносто пять процентов албанцев (ох, черт, снова напрягов перед дверями будет... но тут уж...). Этим мы остановим приток новых носителей горячей восточной крови. А со старыми, которые теперь составляют не менее трети постоянных гостей танцхауса, придется держаться выжидательно. То есть ждать затеянных ими драк и выкидывать их и всех попавших рядом, раздавая хаусферботы направо и налево. Это закроет им вход в обжитую дискотеку. Другого варианта, видимо, нет.

* * *

Второй день подряд охранник находит следы кокаина в туалетной комнате танцхауса. Белый порошок, похожий на пудру. Не пробовать же! Впрочем, что еще это может быть? Я пощупал через свои каналы, потряс знакомых турок, переговорил с местными проститутками. Указали на одного немца, под мое слово не сдавать источник инфы.

Мы имеем полное право задержать посетителя, пойманного при продаже или употреблении наркотиков, обыскать и вызвать полицию. Но ты еще попробуй его поймай. Я

отслеживал гада весь вечер, благо наблюдательный пункт в закуской у меня хороший и покупателей было немного. Немец пил пиво, общался с нашими постоянными гостями, один раз тихонько запустил руку в карман (я напряжился), но вытащил оттуда носовой платок и звучно высморкался.

Сегодня доложили, что порошок снова рассыпан в туалете. И действительно, в той же кабинке я нашел следы той же странной пудры. Немца этого не было. Турок, которые у меня на подозрении, тоже. Это натолкнуло на мысль, что продажа внутри танцхауса все-таки не ведется. Сомнительно, чтобы продавец наркоты толкал порошок только одному клиенту. Но не могли же разные наркоманы нюхать кокс два дня подряд в одной и той же туалетной кабинке... В других следов порошка не было. Логичнее предположить, что это один и тот же человек. Не запалившись за этим занятием (да и как его, в сущности, можно запалить — не устраивать же засаду!) и удачно нюхнув, он вернулся на старое место.

Видимо, любитель острых ощущений приносит дозу с собой, чтобы кайфануть в дискотеке. Ну что ж, кокаин делает человека сверхбодрым и агрессивным. Проявит себя, значит.

А сегодня я разрешил знакомым проституткам, сливающим мне время от времени инфу, подработать в мужском туалете, затащив туда денежного клиента. Весна, блин... Подошли две польки, держась за руки, как девочки в детском саду, попросили, чтобы я закрыл временно глаза. Для вида только рыкнул: «Знаете, что это такое?.. Ну да... Быстро, только очень быстро!»

Через десять минут безбашенные девки с довольными физиономиями выскользнули из мужского туалета. Подмигнули. Я отвернулся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Без связей подобного рода работать нельзя. Никто лучше местной проститутки не знает реальную расстановку криминальных и полукриминальных сил в городе. Кто с кем враждует, кто поднимается и сейчас опасен особенно, а кто только хорохорится и, как говорят немцы, «гроссе мауль» — пустозвонит. Что действительно думают о тебе местные раздолбай и что планируют делать в ближайшее время. Опять же, всех продавцов наркоты и прочую нечисть они знают в лицо... и даже гораздо детальнее. Пять минут беседы за чашкой кофе с правнучками Таис Афинской нужнее тюрштееру для его повседневной работы, чем сорок часов обучения в Торговой палате — там ничего толкового не расскажут. Эти же оторванные заразы всё знают. И если относиться к ним по-человечески — только искренне, любой наигрыш раскусят на раз, — они всё тебе расскажут. И на шею не сядут, потому как биты и чувствуют меру. А свою агентуру надо подкармливать.

* * *

Центр Кобленца. Старинная узкая улочка, выложенная камнем. Проходя по ней, я ловлю себя на мысли, что чего-то не хватает. А где Бабетхен?

Еще не так давно возле входа в большое трехэтажное здание с красными огоньками в окнах стояла толстая, нелепая старуха в белом костюмчике и в огромном блондинистом парике. Искусственные волосы собраны в «бабетту», прическу а-ля Брижит Бардо.

Нелепая старуха степенна и полна чувства собственного достоинства. Она выхватывает из толпы одиноких мужчин и, кланяясь им, зовет скоротать вечерок.

— Эй, красавчик, заходи к нам!

— Да ну, я женат.

— Ну мне-то, старой женщине, не рассказывай...

— Да ладно, не холодно стоять сегодня?

— Мне не бывает холодно, нахал.

Стайка турецких мальчишек дергает толстую, раскрашенную старуху за дурацкий парик. Я цыкаю на них, и они с визгом разбегаются по соседним улочкам.

Бабетта осторожно поправляет парик.

— Будущие клиенты... А пока здесь работают их матери, ха-ха!

— Красивые волосы у вас.

— Ха, я Бабетта!

— Слышал, фрау Бабетхен...

— То-то. Эти волосы — единственное, что от меня осталось...

Старуха снова поправляет парик, уже с гордостью, и, переваливаясь как утка, направляется к очередному прохожему.

— Здравствуйте, молодой человек, — кланяется она. — Не найдется ли у вас часочка?..

Бабетта. Семидесятилетняя легенда Кобленца. Она умерла прошлой осенью, а я так и не нашел времени с ней поговорить. Ведь было о чем.

В шестидесятые годы это была дива, культовая личность, женщина умопомрачительной красоты, умело сыгравшая на своем сходстве с Брижит Бардо. Кобленцские старики говорят, что это была просто копия — та же идеальная фигура, огромные оленьи глаза и, конечно, роскошная грива: водопад светлых волос.

Она ездила на самом дорогом лимузине, на номерном знаке которого светились золотом три цифры — 500. Именно столько стоил проведенный с ней час любви. Пятьсот марок — бешеные деньги по тем временам. Для сравнения — обед в хорошем ресторане стоил тогда едва ли десятку. Не знаю, насколько такой знак был разрешен с точки зрения властей, но Бабетте было наплевать — имела она их всех, в разных позах. За счет красоты и еще кое-чего — а оно у нее несомненно было (мало ли красивых жриц любви, но не все Бабетты) — она накопила огромное состояние. Жизнь шла в гору, но случилась типичная история: Бабетта влюбилась. Бросила свое ремесло и вышла замуж. Избранником ее оказался не вор и не бандит, а приличный молодой человек. В наряде невесты Бабетта была великолепна. Говорят, в качестве свадебного подарка она перевела все свои средства, накопленные грешным трудом, на имя любимого. И я этому верю, потому что знаю, как щедро и самозабвенно могут любить такие женщины.

За несколько лет приличный молодой человек обчистил ее по всем статьям и выбросил без копейки на улицу.

Времена изменились, Бабетте было уже под тридцать — предпенсионный возраст для жрицы любви. Так или иначе, к ремеслу своему она возвращаться не захотела, и все еще роскошная красотка встала у конвейера на фабрике. На рабочие смены она приходила, как в элитный клуб. Все еще шикарно одетая, распустив свои знаменитые волосы по плечам. И ни в какую не соглашалась убрать их под платок. Это ее и погубило. Так как в жизни она не ударила до этого палец о палец, предпочитая другие части тела, рабочей сноровки у нее не было напрочь. В одну из смен машина затянула ее волосы. Бабетта рванулась, но машина сняла с нее полскальпа, навсегда лишив красоты.

С тех пор она носила этот парик под Брижит. Со временем он стал нелепым на грузной

артритной старухе. Над ним смеялось полгорода. Но это был памятник ее былой красоте, да и просто единственное сокровище.

В конце жизни Бабетта работала зазывалой в самом крупном кобленцком публичном доме «Максим» (все, кому не лень, ржут: «К Максиму пойдём?»). Зимой и летом на перекрестке у входа в заведение мелькал ее светлый парик.

Ходят слухи, на средства города и бывших любовников Бабетте будет установлен памятник.

Считаете, напрасно? А я думаю, что нет. Надо просто жить, будучи таким, каков ты есть. Только таким. В полную силу, в полный размах. Пусть иногда и глупо, пусть грешно. Мне кажется, достойнее жить своей глупостью, чем чужим умом.

Я даже знаю, каким должен быть этот памятник: простая каменная плита, а на ней небрежно брошены пара женских туфель и роскошный парик. Ушла...

* * *

Вот говорят мне некоторые умники: меняй работу, ищи другую, интеллектуальнее, достойнее. Меняй образ жизни, тебе скоро тридцать пять лет, определяйся, остепеняйся. Ханжи и дураки. И трусы, которые не осмеливаются жить так, как им хочется, и быть тем, кем быть нравится. Вот вам всем сразу по шапке и в глаз.

Мне нравится моя работа. Мне нравится моя жизнь. Мне вообще жизнь как таковая нравится. Иногда, правда, становится невыносимо грустно оттого, что когда-нибудь я буду вынужден покинуть свой танцхаус. Придет новый шеф охраны, что-то изменит, что-то оставит, а меня забудут. Может быть, это случится позже, может, и раньше, жизнь есть жизнь. Как я тогда?

Кажется, уже никогда я не смогу точно, минута в минуту, ранним утром приходить на службу, делать нудные, однообразные, бессмысленные вещи и в определенный срок возвращаться домой. Дома телевизор, пиво и женщина, которую не любишь, а привык, куда теперь. Если повезет и будешь хорошо зарабатывать — раз в год месяц отпуска в экзотической стране, и всю первую половину этого отпуска будешь отсыпаться. А на протяжении второй — переживать, что скоро опять придется вернуться в рутину и механический ритм. И катиться так из года в год... из года в год... а там... приехали. Зубы на полку.

Не смогу так жить. Без раздолбайского свободного графика тюрштеера, без сияющих девичьих глаз, чей зовущий взгляд чувствуешь даже спиной, без всего этого пиратского ореола, окружающего нашу маргинальную профессию. Нервную, грешную, опасную, но по — настоящему мужскую. Потому что деньги тебе платят за то, что ты мужчина. Звучит пафосно, но не более пафосен реализм сигнала тревоги. Только что ты думал о птичках и сплетничал с девицами, и вот уже, оставив кофе, несешься в зал, где тебя ждет... Да неизвестно, что ждет. Может, потасовка, а может, не дай бог, увечье или смерть. Бояться некогда. Профессия тюрштеера входит и будет входить в десятку самых опасных. Дальше, с этим гребаным Евросоюзом, будет только хуже.

Как я смогу без всего этого? Без постоянного адреналина в крови... Без профессионального братства тюрштееров со своими неписаными законами и ритуалами, без фраз других охранников в свой адрес: «Ого! Шеф охраны в «Ангаре»? Здорово!» Без

тормозящих с визгом, прямо на трассе, машин, из которых ревет турецкая музыка и скалятся свирепыми рожами знакомые турки, показывая тебе большой палец (большой, а не средний!): «Привет, Макс!» А ты так, мимоходом, в ответ на восхищенный взгляд идущей рядом немецкой девицы, считающей всех турок помесью тигра с бандитом, чуть улыбнешься в ответ, махнешь им рукой и буркнешь: «Уважают, черти...»

Хо-хо. Хи-хи. Гы-ы-ы! Согласен. Но как это важно. Эх, да за один такой девичий взгляд...

И без легких и почти невольных прикосновений к твоей рабочей куртке ладошек романтических девочек: «Так вот ты како-о-ой, северный олень...» — будет нелегко. Без свободного входа в дискотеки, находящиеся под охраной «наших», без... Да, и без власти тоже. Когда над тобой в рабочем коллективе никто не царь. Когда ты делаешь практически что хочешь, а что не хочешь — не делаешь. Это важно. Это очень важно. Для меня, по крайней мере.

Неужели я буду вынужден встать в длинную скучную очередь обыкновенных мужчин, которые, может, и были когда-то необыкновенными (от природы «обыкновенных» людей и вовсе нет), но рутина победит все, что угодно. Дом — работа. Работа — дом. Раз — два. Привычный скучный сон.

Я мальчишка. Им был, таким вырос, созрел, мальчишкой оставшись. Наверное, мальчишкой и состарюсь. И желание быть таким разделяют многие. Потому что это значит относиться к жизни как к бесконечной игре. Ведь огорчить мальчишку может только наступление вечера, когда его позовут домой — спать, а игра в самом разгаре... Став взрослым, мальчишка не озадачивается, не парится. Ему некогда, он играет с миром в сложные, порой опасные, но захватывающие игры.

И главное — мир тоже играет с ним.

* * *

Проснулся от ласкового прикосновения. Открыл глаза, тут же зажмурился, сморщил нос и засмеялся — по лицу, словно чисто вымытая в золотом ручье ладошка, гладил солнечный луч.

Я встал и распахнул окно. В комнату хлынула волна по-летнему горячего воздуха, наполненного запахом набирающих силу трав и полуденным присвистом птиц. Хорошо все-таки, что я живу практически в лесу, вдалеке от напряженного дыхания города.

Как маленький вертолет, перед окном повисла пчела. Я с удовольствием потянулся, намазал кусок ржаного хлеба медом и налил большой стакан холодного молока. Пчела продолжала висеть в знойном воздухе, и я позвал ее на завтрак, поставив на подоконник полную тарелку цветочного меда.

Сижу сейчас, и вся комната заполнена деловитым жужжанием. Десяток толстых пчел кружат вокруг моих волос, садятся на экран компьютера, оставляя на нем медовые следы. А на залитом солнцем окне копошится по краям тарелки, как дошколята в желтом песке, золотая стая мохнатых летних трудяг.

Солнце разлито в воздухе, сияет медвяно в тарелке, разбрызгалось золотистыми каплями пчел по чуть колыхающемуся горячему воздуху, где запах разогретой травы смешался с теплым дыханием растопленного меда на летнем окне...

Сегодня в танцхаусе дорогуший стриптиз. Пригласили танцовщиц, зарабатывающих за два часа по триста евро. Дивы, что и говорить. Черненькая, блондинка и рыженькая. Особенно хороша блондинка — копия Памелы Андерсон.

Куруш, специально отпросившийся на этот день со смены, увидев, как они танцуют, бил себя в грудь и рвал рубаху. В общем, у него случился гормональный криз, усугубившийся, когда мы поспорили, кто сумеет взять номера телефонов у девочек. У нас с ним идет конкурентная война за девиц танцхауса. Куруш не в пример красивее меня, у него суровое лицо греческого бога. К тому же он значительно моложе — только двадцать два года. Вот это его и подводит. Недавно спорили, кого на выходе из дискотеки поцелует красивая, не знакомая нам обоим сербка, кто сможет ее на это раскрутить. После того как она расцеловала меня, я закрепил победу, постучав Куруша по кудрявой голове, и сказал, что он еще молодой со мной тягаться.

И вот мы снова поспорили. На красавицу блондинку. Если бы знать, к чему все это приведет...

Стриптизерши выдернули меня на показательной массаж. Раздели, оставив лишь джинсы и обувь, намазали маслом, и блондинка, шепча на ухо комплименты, стала массировать мне мышцы. Две другие в это время танцевали. Когда одна из них под аплодисменты ревущей от восторга публики уселась ко мне на колени, делая недвусмысленные движения, я успел только крикнуть Курушу, уже воющему и улюлюкающему в толпе:

— Смотри, где Ганс! Отвлеки его!

Зал грохнул от хохота, но мне было не до шуток. Еще не хватало, чтобы директор засек, чем занимается шеф секьюрити, хотя бы и в свободное от работы время! В хорошеньком же виде я предстал перед посетителями... Впрочем, порадовался, что по возвращении из Москвы навалился на штангу и успел войти в форму, хоть перед турками не стыдно. Я пытался сперва сопротивляться, но не станешь же драться с девушками. Пришлось принять правила игры.

После того как меня обмазали пахучим маслом, мне уже стало все равно. Даже то, что полтанцхауса кричало «Кук! Наггер Макс!!!» («Смотрите! Голый Макс!!!») и народ сбегался отовсюду посмотреть на голого по пояс Максима, который старательно втягивал живот и делал страшные глаза. Наконец Памела, завершив номер, перестала разминать мне трапециевидные мышцы и трепать за волосы. Напоследок слегка поцеловала в шею, шепнув на ухо:

— Мне было приятно тебя касаться, индеец.

Вконец смутившись, под улюлюканье толпы я соскочил со стула и, наскоро натянув прямо на блестящее от масла тело футболку, поспешил ретироваться, пока в зале не появился Ганс. Турки хлопали меня по плечу, поздравляя, и сами с криком «Я тоже!» лезли на середину круга. Мне удалось быстро затеряться в толпе, но я нигде не мог найти свою куртку. Наконец нашел: рыженькая девица, зажав ее между ног, делала вид, что испытывает неземное блаженство. Ну это уже слишком! Не для того мне ее дарили. Куртку я, невзирая на хохот зрителей, решительно отобрал. А девица сообщила, что она ее немного согрела. Черт

знает что. Спалил вот две пиццы подряд.

Но все исправил конец вечера. Девушки танцевали по очереди соло, и было необыкновенно красиво: сияющие, точеные, холеные девичьи тела, золотисто — розовые в луче прожектора. Даже разгоряченный зал затаил дыхание. Особенно прекрасен был заключительный танец блондинки — в полной темноте, со свечами.

После танца она прямо с площадки, не обращая внимания на мужиков, размахивающих телефонами и обещающих, видимо, горы золотые, подошла и, еще тяжело дыша, спросила, понравился ли мне ее танец. Улыбалась совсем по-девчачьи. Стоявшие вокруг зрители с любопытством уставились на нас. Я сказал ей, что она необыкновенно красива. И это было правдой. Она негромко поинтересовалась, есть ли у меня с собой мобильник. Я дал ей телефон. Она быстро записала в него свой номер и имя — Верена, еще раз поцеловала меня и ушла, приняв вызывающий насмешливый вид, в гардеробную по коридору из тарачивших глаза мужиков. Я невозмутимо положил мобильник в карман.

Как только дверь за Вереной закрылась, турки завопили в голос и стали дергать меня за все части тела, восторженно поздравляя. Я пожал плечами — дескать, подумаешь, дело привычное, — лениво развернулся и удалился к себе в коктейль — бар. Самого же распирало от гордости.

Подошел улыбающийся, почесывающий затылок Куруш:

— Ну, Макс, ты даешь... вечно тебе счастье...

— Иди, Куруш, к мулаточке. Вон она уже оттанцевала.

— Она мне не так нравится.

Куруш, не ожидавший такого разгрома, выглядел смущенно, но мне и этого было мало — а пусть не лезет поперед батьки!

— Хочешь, я и у нее телефон возьму? Для тебя.

— Не хочу!!!

— То-то же! Да ладно, ты еще молодой совсем, а у меня времени не так много осталось.

Имей сочувствие к моему положению.

Мы расхохотались.

Я приехал домой и по горячим следам записал сегодняшние впечатления. Поесть да спать... А телефон... звонить или нет? И хочется, конечно, — девушка действительно необыкновенно красивая, но... неудобно. Перед другими.

Я не б...дун. Я бабник. Разница существенная. Первый думает не о женщине, а только о том, как бы поудачнее пристроить свой чувствительный орган. Женщины для него — станки для секса. Бабник — нечто другое. Бабник видит красоту, ценит ее и искренне ею любит. А остальное... не столь важно. Не ладонью, так взглядом приласкаю. И я уже счастлив. Весна! Девушки... Красота... Сколько красоты кругом!

Хочешь иметь журавля в небе?

Выпусти его.

* * *

Проснуться рано утром, не потому что нужно, а просто от избытка сил. Принять горячий душ и хорошо растереться жестким полотенцем. Представить, что взять на завтрак. Полкило фарша и приготовить его со специями? А может, полкруга кровяной колбасы? И

алчно жевать, запивая еду квасом. Сегодня у меня еще тренировка, пара приятных встреч и хороший фильм на вечер.

Такое вот земное счастье. И не спрашивайте, как я провел эту ночь.

* * *

Роди мне дочку.

Роди и уходи. Все равно тебя не удержать.

Я выращу ее сам. Она будет веселой хохотушкой. Я буду возиться с ней целыми днями. Ее ножки не коснутся земли, я буду носить ее всегда на плечах, буду покупать любые игрушки — отведу в магазин, и все, на что покажет маленький пальчик, будет ее.

Я буду возить ее на мотоцикле, в рюкзаке за спиной, а она — счастливо смеяться, подставляя ветру лицо, ведь это будет моя дочь, и ветер станет трепать ее золотистые волосы, смешивая с моими черными. А может, я и вовсе продам мотоцикл.

Я никогда не буду наказывать ее, избалую, ну и пусть. Уверен, худшим наказанием станет, если я откажусь с ней разговаривать хотя бы один день, ведь лет на пять я стану ее миром. Я буду читать ей на ночь сказки или, скорее всего, рассказывать свои, и ненастной осенней ночью она заснет у меня на руке, уткнувшись носиком в мою ладонь.

И будет целый мир для нас двоих.

Я отдам ей всего себя, никогда в жизни я не делал этого, не умел, и может быть, поэтому так и остался один. Отдавать себя надо уметь... Я научусь.

Потом, когда она вырастет, я буду сидеть старый, седой и смотреть на ее нежное лицо, на котором сияют твои глаза. Конечно, она вырастет, выйдет замуж, и я снова останусь один. Но я ведь всегда смогу купить мотоцикл, расчесать свой седой хайр, и опять понесусь по жизни, вспомнив ее щемящий, острый, безжалостный блеск, блеск разбитого тяжелым градом стекла, сияющего на срезе в солнечном луче.

А потом у меня появятся внуки. И я снова заброшу мотоцикл и снова начну сочинять сказки.

Роди мне дочку и уходи. Все равно мы расстанемся, да и кто меня вытерпит. Оставь мне только часть себя, сделай меня навсегда молодым.

Есть ли иное, более достойное предназначение у широких, сильных плеч, длинных волос и искры огня в душе? Широкие, сильные плечи нужны для того, чтобы удобно усадить на них маленькую дочку. Длинные волосы — чтобы она держалась за них своими пальчиками. А искра огня в душе — чтобы придумывать ей волшебные сказки.

* * *

Крепкий, смуглый, словно из мореного дуба вытесанный, мужик. Крупные черты лица. В глазах затаившееся что-то, но не злое — скорее, смирившееся со злом. Типичные глаза работяги эмигранта.

Много курит, хват сигареты — в кулак, так делают люди, часто курившие на морозе или вынужденные скрывать огонек. Но явно не сидел. Простой, сильный мужик, из первой волны эмигрантов, работает здесь экскаваторщиком. Женат на полноватой, еще привлекательной

русской женщине, с ней и приехал в Германию.

Сидим на кухне, пробуем беседовать за жизнь. На столе бутылка неплохого вина. Неожиданно открывается дверь и входит долговязый, какой-то весь нечистый мальчишка лет пятнадцати с выражением скрытой насмешки и даже покровительства на лице. Не поздоровавшись, спокойно берет со стола бутылку и, посмотрев на этикетку, пренебрежительно бросает моему собеседнику:

— Чего сидишь? Ко мне ребята придут...

Я, слегка оторопев, смотрю на своего случайного собеседника. Сергей (так зовут этого тяжелого смуглого богатыря) съезживается и, неловко, суетливо собирая со стола печенье, сыпет быстрым баритончиком:

— Вова, мы это... вот, человека встретил.

Пацан, глянув на меня исподлобья, чуть кивает и выходит, подчеркнуто плотно закрыв за собой дверь. Сергей продолжает суетиться — чувствуется, что ему крайне неловко, и нарочитой веселостью он пытается это скрыть.

— Это Вовка, Ленкин сын... ну, Ленка, жена моя.

Я молчу. А что тут скажешь? Взять бы этого Вовку за шкурку да в закуску носом. Но я в гостях. Становится душно, я расстегиваю воротник.

— Пойдем, Максим, походим, тут кафешка есть. А ты не суди! Не суди, говорю, слышишь? Пойдем.

В дюссельдорфском кафе стоит шум, сплетенный из разных диалектов немецкого языка, топота, скрипа стульев и звяканья сдвигаемых стаканов. Садимся за добротный, хоть и потерханый столик. Зачем я в это ввязался? Каждый второй эмигрант в Германии считает, что он затерянный бриллиант, уже утративший надежду найтись и потому снисходительно прощающий этот плебейский мир. Если мой собеседник из их числа, беседа станет бессмысленной.

— Девушка, два пива, пожалуйста! — нарочито вальяжно кричит Сергей.

Я сажусь напротив.

— Смотри, я в Казахстане родился, школа, армия, все как полагается. Под Сары-Шаганом часть стояла. Ну, вернулся, на заводе слесарить стал, а тут Горбача скинули и свин Борька влез. Сперва посмеивались с мужиками, а потом, как пошло все через пень, призадумались, как жить при новом порядке. Думай не думай, жить-то надо. Я и подженился как раз, с ребенком взял, ну дак молодой был, мне-то что, Вовка так Вовка. Два года ему было. Возился с ним по первой много. Я ведь на заводе-то зарабатывал неплохо по тем временам, хочешь игрушку какую — на! Хочешь велосипед — выбирай. Да и самому мне было всего двадцать три. Вовка довольный ходил, папкой звать стал. Мне-то что, папка и папка.

Тут еще теща, она из прибалтов, так сразу против меня была. Ленка-то хоть учительница и рисования, а все ж педагог. А я — вот он я! Слесарь второго разряда. Зато Ленка — пятьсот в месяц, и то через раз, а у меня тогда, как с куста, по восемь штук выходило. Директор на заводе у нас был еврей и жох, держись только, но молодец мужик — и сам жил, и другим давал. Быстро сориентировался в обстановке. Только ненадолго. Прижали его — сам помнишь, какие времена были. Не убили, но продал он и квартиру, и дачу, и в бега со всеми нашими деньгами.

Туго стало. На Ленкины-то пятьсот не проживешь. Я на рынке встал. Ну, сошелся с парнями, стали мы сумки шить. Не так чтобы большой доход был, но на хлеб хватало. А вот

на масло — уже нет. Теща меня поедом жрет, будто виноват я, что нас коммуняки продали. Я попить стал, Вовка меня сторонится — ну да, срывался, бывало, на нем. Не так чтобы бил, но не по — доброму, конечно... Ленка — она тихая, но видел: расстраивается иногда. А куда ей? С сумками дело накрылось, из Китая таких возами на рынок напривозили и красивее, и дешевле. Мне бы челноком в Китай, как подельники мои, а я запил, говорю ж. Не так чтоб вдрызг каждый день, но уже сделалось все трын-трава, катись оно, думаю.

И вот теща любимая через брата своего устроила меня на базу. Платили не шибко, а все ж теплее, да и подсуетиться всегда можно было, не деньгами, так товаром взять. В Казахстане тогда самое лютое время было, люди с крыши мелькомбината голубей палками били. Но все же посытнее опять зажили. Порой полтуши свиной домой принесешь. Пить правда, не бросил совсем, но так, в пределах.

С Вовкой, конечно, сложнее было. Раньше-то, в первые года два, я как с завода иду, так в ларек, и там... то Бэтмена, то... как его?.. в кармане, значит. А теперь он услышал, что папка Сергей работает снова. Я домой, а он, пятилеток, стоит возле меня — типа, что ты мне принес? Сам не просит, но вижу, что ждет пацан.

Так вот, самое главное. Я не то что добряк какой, но пацана-то зачем обижать? Раздобыл как-то зефира. Ну знаешь, типа крем сухой, вкусный, сволочь. Полный мешок набил и дома прямо на ковер-то и вывалил — смотри, жена, смотри, пацан, папка-то Серега не жадный. Ну, праздник был, все дела, Вовка по уши в зефире, жена смеется, на нас глядя.

А вскоре, веришь, накрыло. Базу нашу продали. А у хозяина свой персонал. Я туда, сюда, на завод опять. Только время-то другое уже, зарплаты по три месяца не видали, то сырки выдадут вместо денег, то детали, что сами и точим. А куда их? В суп не положишь. Совсем тяжело стало. Теща-то неплохо жила, брат у нее крутился, иногда и нам чего подкинет, ну а мы с Ленкой лохи лохами, то суп из кубиков, то макароны с хлебом. Ну, зефир еще оставался, мы-то не ели, все ж таки ребенок в доме. Зефир засох, а все вкусный, в молоко его и... До сих пор слюни текут. Вовка-то на этой сладости и не заметил тех времен.

Только стал я подмечать, что куда-то зефир пропадает. Ну, ты подумай: я его принес полный мешок. Не тот, что ты от Деда Мороза в школе получал, а в который картошку кладут. Полный. Ну, Вовка-то его ел, конечно, с хлебом и молоком на завтрак да на ужин, но много ли пацан пятилетний съест? Вот как-то на работу утром собираюсь, перед тем как Вовку в садик вести, и вижу — копошится он на кухне. Захожу, а он зефирины по карманам пихает! И в штанишки, и в куртку, и за пазуху! Я ему: «Куда?» Молчит. «Воруешь?!» Невыспавшийся был, да и жизнь еще какая... Врезал я ему леща по уху. Да с другой стороны. А тот только голову в плечи втянул, как воробей, и не отворачивается даже. «Я Витьке и Айше... друзьям... в садике...» А в меня как зверь вселился, ору: «Мы с мамкой скоро сапоги глодать начнем, всё тебе, а ты!..»

Зефир из Вовки посыпался, а я один розовый кругляш — хват! — и в рот себе. Вот оно, счастье. Знаешь, все как-то тогда... Ну, полуголодная жизнь... Я как мясо-то выглядит, забыл. Хлеб да макароны, и в телевизоре только свинья эта пьяная сидит и врет на всю страну, вот и все развлечение.

А через полгода вызов в Германию пришел. За копейки продали всё и как цыгане в края теплые. И вот знаешь, Макс, как вспомню... Первые месяцы отъедались только. И все хорошо, да вот... Здесь конфет-то этих завались. Как вспомню, Вовка тогда, словно воробей, голову в плечики прячет, а я его с размаха... за зефир. Пятилетний мальчишка, а хотел детей, друзей своих, подкормить. Не стал сам, втихаря, все жрать. Витька... Айша... А я его по уху.

Да еще раз! И себе в рот... Что он сказал детям в садике в то утро? Кто ж я после этого?.. Поэтому, сколько я здесь живу, ничего ему не запрещаю. Денег — на денег! Шмотки — на шмотки! И спасибо не говори, только не вспоминай, пожалуйста. Одна надежда: может, вырастет — простит. Как думаешь, Макс?..

Что я мог ему ответить? Вспомнить, как сам метался по трем работам, перехватывая то десять процентов от полочки там, то «мыло кусковое, хозяйственное» вместо зарплаты здесь? Моя юность так прошла. Что мне было рассказывать? О том, как я празднично принес домой десяток яиц, и мы глотали слюнки, готовясь пожарить огромную яичницу на троих, первую за последние полгода, а мальчишка, который жил тогда со мной — такой же, как Вовка, — подошел и сказал: «Дядя Максим, пожалуйста, дай мне четыре яичка в садик, нам воспитатели сказали, что кто не принесет яичек, тому на завтрак больше не дадут пирожков...»

Кто смог бы измерить ценность тех куриных яиц? Сволочь под видом президентов, кромсающее судьбы наивных, добрых, глупых людей в Беловежской Пуще? Жвавшее на их бедах в три горла и свору свою лакомыми кусочками кормившее...

— Девушка, счет, пожалуйста!

Я плачу германскими деньгами за германское пиво в германском кафе. И девушка, беленькая, милая, улыбается и рада двум евро, оставленным на чай. Из паспорта, больше похожего на бейджик, смотрит хмурый азиат. Под ним два слова: «Национальность — немец». Так что все в порядке. И все в шоколаде — Европа, пиво, друзья, ни слова не говорящие по-русски. Шесть лет.

«Дар-р-рагие рас-сияне...»

Я ничего не прощаю.

* * *

Получил люлей от большого начальства, регионал-ляйтера Роланда. Принесла его нелегкая сегодня охранников проверять.

Все-таки у меня интуиция, как у зверя. Упорно подсказывала, что новый тюрштеер Свен, невзирая на его опыт работы и все положенные бумаги, говно человек, и брать его на работу нельзя. Но выхода не было: один из нашей бригады ушел служить в армию, другого я сам уволил, а третий, Магтиас, сошел с ума. Не фигурально, а фактически, кладут мужика в психушку. В общем, охранники нужны позарез. Так вот свинья Свен, вместо того чтобы работать, все два часа смены точил лясы с девками и к дверному контролю даже не приблизился. При том что он у нас в танцхаусе не новичок и в курсе специфики. А оставшийся у входа Дмитрий начальство в лицо не знал и впустить отказался. Роланд был в бешенстве.

И снова благодарю свое чутье: поехал в танцхаус раньше обычного. Добравшись, попал в двенадцатибалльный шторм. Роланд орал, я отбивался. Услышав, что тот охранник, который должен был стоять по расписанию вместо Свена, заболел, Роланд взорвался окончательно. Можно подумать, люди болеют по своей воле. К счастью, у Дмитрия в танцхаусе хорошая репутация, и меня поддержал Ганс. Но Роланд не унимался:

— Странно, что ты даже не счел нужным показать меня своим коллегам! Я, наверное, такой маленький человек здесь, куда мне до Макса!

Я, закипая, тоже повысил голос и стал активно выступать. А если уж япопер, меня не остановить. Несусь, как бык на тряпку. Чуть не разосрался с главным шефом вусмерть. Остановил меня почти умоляющий взгляд Ганса. Я тут же понял, что, дерзя шефу, подставляю его. Сдержался. Остановился и Роланд.

В тишине раздался робкий голос Ганса:

— И кстати, Максим, как так получилось, что тебя в субботу стриптизерши раздели?

Донесли уже, суки. Оправдываться я не стал. Сказал, что, во-первых, я не был на службе, а во-вторых, не знал, что это запрещено. Помогло мало. Пожалуй, больше спасла уверенность, с которой я это говорил.

А-а, начхать. Сказал примирительно, что немедленно убираю Свена, закрываю закусочную и встаю сегодня сам. Закрылся (ох, убытки терпим, убытки), выгнал Свена и встал у входа.

И надо же такому случиться — именно сегодня разгорелась самая большая драка за последние полгода. Четверо на пятерых. В одиночку я с ревом все же выкинул всех, но прямо перед дверями драка продолжилась. Одному вдрызг разбили рожу; крови было столько, что я, между раундами переводя дыхание, трижды вызывал уборщицу замывать пол, поскольку площадка у дверей выглядела так, будто на ней овцу зарезали. Потом драчуны, передохнув, начинали заново и опять по кругу. «Вон отсюда!» — удар в грудь, противник мой отлетает, это воодушевляет его соперника, и тот в очередной раз переходит в активную атаку. Разворачиваюсь ему навстречу: «Стоять, я сказал!» — и снова толчок в плечи.

К счастью, наконец-то вернулся с обхода Анри. Еле разогнали толпу с помощью еще двоих тюршгееров. Они пришли частным образом, но помнили наш кодекс: на любой дискотеке ты тюршгеер и обязан помочь собратям по цеху.

Впрочем, эта драка меня успокоила, как ни странно. Выгонят — ну и хрен с ними, им же хуже будет. Пускай второго такого ненормального, как я, найдут.

* * *

...Единственная девочка, которую я стукнул по голове. В четвертом классе. Мне стыдно до сих пор. Звали ее Лиза Ицикович. Правда, на ней была толстая меховая шапка, да еще и с большим пушистым помпоном, а на моей руке — добротная вязаная варежка. Но стукнул я ее по макушке так, что она села прямо на пол, а потом пошла плакать.

Степенная, упитанная, не лишенная миловидности тихушница Лиза Ицикович. Ее десятилетнее лицо с выражением покоя и чувства собственного достоинства вполне могло принадлежать и взрослой женщине: круглые глаза с густыми ресницами, пухлые щеки, двойной подбородочек. Училась она средне, в классных побоищах и безобразиях не участвовала. Была аккуратной, чистенькой хорошисткой-троечницей по прозвищу... правильно, Цицка. А чего ждать с такой фамилией? Вот эту Цицку я и ударил. Прямо по голове.

Все началось с того, что я потерял книгу для чтения. Я был впечатлительный мальчик. Мне всегда было неудобно просить деньги у родителей даже на сладости, ну, как-то все время казалось, что у них денег нет. А тут меня стал преследовать прямо-таки левитановский голос: «В десятикратном размере!» Я узнал, сколько стоит эта книга для чтения, и ужаснулся, что за мое головотяпство родителям придется выложить больше десяти

рублей. Сумма по тем временам серьезная.

И вот этой бедой я поделился с Лизкой. Мы не дружили с ней, но сидели за одной партой — видимо, учительница решила, что степенная Лиза будет действовать на меня умиротворяюще. Больше всего я боялся, что учительница попросит меня прочитать абзац. Тут и выяснится, что книги у меня опять нет. «Максим! Где... твоя... книга?!» И всё. И придется родителям расплачиваться.

Лизка, услышав про мои страхи, отнеслась сочувственно. Она предложила пользоваться ее книгой. Правда, на определенных условиях. За каждое совместное чтение я должен был приносить ей две импортные конфеты. Дело в том, что однажды папа привез из Москвы чехословацкие конфеты, и я принес Лизе горсточку угоститься. Ну, горсть тогда у меня была еще маленькая, Лиза слопала сладости быстро, и похоже, у нее разыгрался аппетит.

Я стал таскать конфеты этой мелкой вымогательнице. Она честно выполняла свою часть договора и, подсаживаясь поближе, давала считать. Но в конце концов конфеты кончились. В тот день я их не принес. Сказал, что забыл. И Лизка не дала мне книгу. Весь урок я проерзал в ужасе, что вот-вот устроят «чтение по голосам» — и тогда арест, позор и бедные родители, вынужденные отдавать бешеные деньги за головотяпство сына.

То же повторилось и на следующий день. Лизка же, привыкнув к сладкому на переменках, да еще и в красивых фантиках, стала дуться. Но самое страшное... на третий раз, когда выяснилось, что карманы мои пусты, она заявила, что, если я не принесу ей конфет, она сдаст меня учительнице. И меня, растратчика, посадят за утерю казенной вещи. Я, разом вспотев, пообещал что-нибудь придумать. Лизка, важно фыркнув, отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Ночью я едва спал из-за кошмаров. И отправился в школу с мыслью, что лучше бы мне не родиться на свет, чем потерять эту драгоценную книгу, превратившую меня в раба. Перед школой, как всегда, стояла толпа учеников, спешащих попасть внутрь, в спасительное тепло. В этот день у дверей проверяли сменку. Без сменной обуви замерзшего на осеннем ветру бедолагу отправляли домой.

Запускали по пятеро. Я обреченно встал в очередь. Сменка-то у меня была. А вот книга... Подошла моя очередь. И тут я почувствовал, что кто-то вырывает мой холщовый мешочек со сменными туфлями. Я оглянулся и увидел Лизу! Забыв свою сменку, она решила воспользоваться моей. Больше всего меня возмутило спокойное выражение ее лица: она тянула к себе мою сумку так же небрежно и легко, как утром, наверное, отправляла в рот сделанный мамой бутерброд. А что такого? Кто там в темноватом тамбуре разберет, что в мешке, главное — его наличие.

Я рванул сумку к себе. Лизка придвинулась румяным круглым лицом и тихо, одними губами шепнула: «Расскажу про книгу Марине Алексеевне».

Вот так и случилось восстание Спартака. Неожиданно для проверяющих и прежде всего для себя, я истошным голосом заорал: «Рассказывай, сволочь!» — и с размаху, от души, врезал кулаком прямо по меховому Лизкиному помпону. Рука у меня уже тогда была тяжелая. Лизка села на задницу и, похлопав губами, зарыдала.

Последовало, конечно, долгое разбирательство у завуча. Мне было стыдно. Стыдно и одновременно... свободно. Рядом ныла Лизка, сдавая меня со всеми потрохами. А я не выдержал и тоже заплакал. Закричал, что зря я ей конфеты скормил, надо было сразу двинуть по шапке. Хочу отдать должное завучу — тетка оказалась с чувством юмора. Меня просто отругали, тем дело и кончилось.

И главное, выдали новую книгу для чтения! С мальчиком и девочкой в школьной форме, идущими через лес. А про старую, потерянную, никто и не вспомнил. Хотя чья-нибудь мама или уже даже бабушка Елизавета Ицикович помнит ее, наверное...

* * *

Наша служба и опасна и трудна.

Только что сообщили: арестован владелец крупнейшей дискотеки, по национальности цыган, за то что нанял тюршпееров для убийства совладельца, а заодно и регионал-ляйтера сети танцхаусов «Ангар» Роланда. Сегодня непременно узнаю, кто именно этот цыган и чем дышит. Весело, блин...

* * *

— Я принесу тебе диск со своими песнями.

Такие глаза у нее... Умные и детские одновременно. Необычные. Вероятно, потому, что не может быть у ребенка мудрых глаз. Но она не ребенок. Ох, нет... Проститутка. Настоящая, прожженная, циничная, прошедшая Крым и Рым. Чувствуется: чего там только не было. Первое время, когда она, только-только оставив свое ремесло, устроилась к нам в танцхаус официанткой, я шарахался — так от нее несло улицей. Крупная брюнетка, едва за тридцать, по-польски зло красивая. Единственная женщина в танцхаусе, с которой я не мог обменяться при встрече дежурными поцелуями, как у нас это принято. Я к ней даже прикоснуться не мог.

Она угадывала мое отношение и тоже сторонилась, на снисходительные мои усмешки отвечала колкостями. А потом встретились пару раз глазами во время смены — и окружавшее ее темное облако стало рассасываться. Засквозило в ней что-то другое. Беззащитное.

Да... Барбара и беззащитность на первый взгляд плохо совместимы. Уж кто-кто, а она может за себя постоять. Она может быть такой хлесткой на язык, какими бывают только польки, и язвительность ее еще более жгуча из-за природного чувства юмора и быстрого ума не раз битой уличной собачки.

Как-то она подошла и села рядом, профессиональным движением закинув ногу на ногу. Вытащила красивыми ухоженными пальцами сигарету из новой хрустящей пачки и, держа ее за фильтр, протянула мне. Я взял, совершенно машинально опалил фильтр на огне зажигалки там, где касались ее пальцы, и только после этого вставил сигарету в рот. Барбара молча усмехнулась. Мне стало отчаянно стыдно. Я сделал так не от брезгливости, а для того, чтобы огонь немного стянул кончик фильтра, уплотнив его. Но не станешь же ей объяснять, только хуже будет...

— Да я знаю, что обо мне тут в танцхаусе говорят, — сказала Барбара. — Шлюха, грязнуля... Ну что ж, так оно и есть. — И встала, чтобы уйти.

Я понял, что так нельзя. Взял ее за неожиданно тонкое запястье и усадил обратно:

— Посиди, чего ты? Покурим вместе.

Так она стала подходить ко мне в конце рабочего дня покурить и перебраться парой

слов. Лед растаял.

Я узнал ее простую и в то же время жуткую историю. Что у нее есть сын, веселый мальчишка, и живет она только для него, что хочет совсем уйти из своей кошмарной профессии и сейчас учится на парикмахера, подрабатывая официанткой. Я ей тоже почему-то рассказал о многом, о чем обычно не говорят.

Постепенно с Барбарой стали общаться и другие работники танцхауса. Пробивной характер и острый язык помогли ей поставить себя в женском коллективе. Правда, в первое время ее доставали молодые кельнеры — всем же было известно, чем она занималась. Они взяли моду после рабочего дня скользко шутить на эту тему, подначивая новую официантку. Барбара, снова превращаясь в оторву, срезала их как щенят, иногда подкрепляя слова увесистым тумакон. Но я видел, что эта смена ролей ей неприятна, да и кому понравится...

Однажды противный сопляк Фабиан, напившись, пристал к Барбаре, которая несла поднос со стаканами, — начал под хохот остальных кельнеров крутить перед ней тощей задницей. Преследовал по всему залу и наконец перекрыл дверной проем, не давая пройти. Хохот усилился, мальчишеский зад в дверном проеме закрутился еще быстрее, но невдомек ему было, что дружки смеются уже не над Барбарой, а над ним, потому что вместо Барбары, скрестив руки на груди, за ним встал я.

Наконец я подошел вплотную и наподдал ему под зад так, что он, теряя очки, вылетел в проход под торжествующий смех Барбары. Грохнул и народ вокруг. Я подошел к нащупывающему свои очки Фабиану, хлопнул его по спине и без тени улыбки сказал: «Ты мне понравился». Для других кельнеров наука. С тех пор дурацкие шутки со стороны официантов прекратились.

Барбара принесла мне фотографии своего хулиганистого пятилетнего Збышека. А вот и она сама в родной румынской деревне (Барбара на четверть румынка), еще совсем девчонка, в красивом пестром платье поет вместе с родными на деревенском празднике. Солнце заливает эту сцену, изумрудная трава тянется к чистым, веселым, добрым людям, играющим на скрипках.

Барбара прислонилась к дверному косяку, касаясь его тонкими пальцами, и на лице у нее такое выражение, что кажется, не то заплачет она сейчас, не то засмеется.

Ничего, Барбара. Будет еще все. И выучишься, и домой вернешься. Солнце взойдет снова. Для всех нас.

* * *

Костер догорает. Он был ярким, обжигающим. Но теперь похож на гаснущую пасть засыпающего дракона. Будут долго еще жарко дышать горячие угли, изредка вспыхивать светящиеся язычки пламени, но потом исчезнут и они.

Останется пепел. Светлый, теплый пепел. В него можно будет опустить ладонь, собирая остатки тепла. Он будет мягок и чист, ведь нет ничего в природе чище огня. И ладони станут сухими и теплыми, и ты отряхнешь руки над навсегда утихшим костром, и будет это похоже на негромкие, благодарные аплодисменты жаркой, щедрой жизни огня.

Так и с ушедшей любовью.

Дмитрий уже прославился как образцовый тюрштеер. Главное, когда принимаешь на работу охранников, — отследить, как они поведут себя в критической ситуации. Если у дверей стоят новенькие, я, работая в своей закуской, держу при себе рацию. Так что, как только начинается конфликт у дверей, получаю сигнал тревоги.

В среду турки и итальянцы как с цепи сорвались. Их привалило в танцхаус столько, что пришлось закрыть для следующих вход вообще. В тот день я в закуской практически не работал. Был такой напряг, что всю ночь я стоял внутри у входа, сразу за дверным проемом, на случай драки. Оборону держали Дмитрий и Михаэль. Дмитрием я искренне гордился особенно тем, что он мой друг и все это знают. Он отогнал от танцхауса в ту ночь в общей сложности не менее пятидесяти человек. Я оставался невидимым для посетителей, так что это был чистый эксперимент. Голоса у дверей периодически повышались, да так, что я уже отбрасывал сигарету (эх, закурил опять!) и собирался вот-вот...

— Нет. Сегодня вы не войдете. — Дмитрий перекрывает вход рукой.

— Почему? Ты кто такой?!

Вопящая пятерка итальянцев напирает на его руку. Рука Дмитрия каменеет. Подбородок поднимается. А вот Михаэль того и гляди даст слабинку. Ну не бывает среди современных немцев толковых тюрштееров! У меня в голове запускается знакомая заводная мелодия. Выплюваю сигарету. Сейчас начнется!

— Нет.

Голос Дмитрия спокоен и холоден, никаких признаков истерики. А ведь она заразительна, вон итальянцы ею так и брызжут. Эх... Но, видя, что этот русский парень скорее сдохнет, чем впустит их, итальянцы, матерясь и бормоча невнятные угрозы, отваливают. Дмитрий закрывает дверь.

Утро уже. Михаэль нервно хохмит. А ты как думал? Наша работа — это только выпендриваться и девок целовать? Нет, братец. Дмитрий закуривает сигарету, стоя ко мне в профиль. Утро. Конец смены. Какой он сейчас... Ничто так не красит мужчину, как только что перенесенная с достоинством опасность. Видимо, именно это и делает тюрштееров столь привлекательными для посетительниц.

В ту ночь Дмитрий завоевал себе прочную репутацию в танцхаусе и несколько изменил мою картину мира. Я понял, что некоторая пафосность в жизни — это не плохо само по себе. Просто человек должен иметь на нее право. А таких людей немного.

Знаете, какое прозвище дается особо уважаемым тюрштеерам? Тюртигер. Наверное, оно родилось после таких ночей.

Каждый отрезок времени надо проживать максимально полно, вглядываясь, вслушиваясь, пробуя на вкус каждое мгновение. Такие помехи, как обиды, сомнение и сожаление, надо от себя отпустить, мягко, чуть подтолкнув в спину.

Впитывайся в жизнь, вчувствуйся в нее полностью, ныряй в нее с головой.

Потому что кто знает, может быть, это самый счастливый период в твоей жизни. А ты

его промечтал, просомневался. Проспал.

Бог дает тебе счастье, каждый день у тебя есть возможность взять с солнечного блюда золотую грушу в меду. Но никто не может сделать это за тебя. Даже Бог. Не возьмешь — солнечное блюдо погаснет, и груша растворится в темнеющем воздухе. День кончился. Твой день. Сколько их у тебя? Завтра в утреннем тумане засветится золотое яблоко. Оно будет, обязательно будет. Увидь. Возьми его. Разреши себе.

Это так важно.

Нет ничего важнее.

* * *

Сегодня у моей бывшей жены день рождения.

Мы прожили вместе десять лет. Два года в одной стране, потом перерыв еще на два, в течение которых мы были все равно вместе, и почти шесть лет в Германии.

Расстались тяжело...

Она прекрасный человек, яркая, настоящая личность. К тому же одна из самых красивых женщин, встречавшихся мне. Мы были очень близки. Единственная женщина, кому я был верен много лет и не жалею об этом. Во всем необыкновенный человек. За несколько лет, с нуля, стала директором юношеского центра. В прошлом году поступила в Парижский университет на отделение искусств. Все делает безупречно и страстно. Водит машину, берет власть, любит...

Попробуйте с такой ужиться. Мне удавалось. Но не удалось.

Даже подрались однажды. Начала меня колотить (а надо сказать, она выше меня на полголовы, у нее ноги начинаются там, где у меня ребра), и я все-таки пропустил пару ударов в голову. Взбесился, кинулся на нее и быстро закатал в мохнатый индийский ковер. Сидел сверху, пока не успокоилась. Из ковра доносились угрожающие крики, ощущались толчки, и кажется, меня даже попытались укусить, но минут через пять все затихло. Я, философски вздохнув, развернул ковер.

Жена с достоинством встала, поправила платье и прическу и величественным шагом удалилась на кухню, не произнеся ни слова.

Через полчаса мы смеясь пили чай.

Господи, столько всего было, хорошего и плохого! Целая жизнь. Необыкновенная жизнь, надо сказать...

Мы не разговариваем. Она так и не сумела понять и принять, что я могу быть без нее, что ее исчезновение из моей жизни не повергнет меня в шок. Веселости своей я не утратил, стал только сильно терять волосы.

Но я ведь без всего могу. И без нее.

Потому, в связи с тем, что не имею возможности поздравить тебя с твоим днем рождения даже по телефону, поздравляю в самом ценном, что у меня есть, — в моем дневнике.

От всей души желаю счастья, удачи и здоровья. И пусть тебе встретится хороший человек. Как ты хотела, на всю жизнь — один.

Такой, каким, ты надеялась, стану для тебя я. Прости меня, пожалуйста, за самое тяжелое преступление, которое может совершить близкий человек, — за твою несбывшуюся

надежду. Надо будет за тебя умереть — только свистни. Или прошепчи. Одними губами. Выдохни. Я услышу!

Но умереть — не жить.

* * *

Свирепею.

Многое навалилось сразу и многое еще предстоит.

Первое. В танцхаусе борьба за власть окончилась моей победой. Надолго ли — не знаю, но теперь никто, включая директора, не имеет права вмешиваться в работу команды секьюрити. Все замечания, пожелания, претензии принимаю я, лично.

Только так и согласен работать дальше.

Второе. Выволоч за шкуру начавшего понтоваться перед моей закуской куклуксклановца из германского отделения. Кого только в танцхаусе не встретишь! Нацик потребовал извинений. Пригрозил вызвать свою бригаду для сноса дискотеки.

— Ну, попробуй.

— Все, индеец, война объявлена! — И он стал орать в мобилу наш адрес.

Я пыхтел, налегая на дверь:

— Война — это моя работа.

Приготовил охранников к возможному набегу.

У Михаэля вспотел лоб и брови встали домиком.

Я сунул ребятам рации, чтобы срочно вызвали меня, если что, из пиццерии. И уже через пятнадцать минут, сунув обратно деньги потенциальному покупателю, мчался ко входу в танцхаус. Оказалось, Михаэль проверил исправность устройства. Я наорал на него, отобрал рацию и отдал Енцу. Еще через полчаса рация задержалась снова. Уронив десять евро на пол (тут же исчезли), несусь к двери. Стоит смущенный Енц: нацист новой генерации, не дождавшись подкрепления, решил с ним подискутировать и снова стал ломиться в дверь. Енц послушал его немного, а потом так врезал под дых, что нацик заблевал весь порог. Удивляться не приходится — Енц в 2006 году занял второе место в Германии по бодибилдингу.

Гансов кельнер, который должен был убрать у дверей, не слишком-то торопился. Я нашел его в зале и наорал. Как оказалось позже, в темноте перепутал (хрен их разберет, все играют в унисекс и одинаково одеты). Рядом оказался зам ляйтера Ричи.

— Почему ты так с ним разговариваешь? Разве ты его начальник?

— Ганс сказал, что он должен сделать это немедленно. Мне нужно, чтобы у входа было чисто. И побыстрей.

В результате Ричи отправился стучать Гансу. Дружба дружбой, а настучать для немца — святое дело.

Озверел.

Устал.

Сегодня конкретно наквасился, в результате сплю один. Весной!

Сел с горя посмотреть «Последнюю дуэль», и настроение испортилось окончательно. Пушкин Безрукова — это тот же Есенин и тот же Саша Белый. Мимика, интонации, фишки и даже смех один в один. Безруков получает вечный хаусфербот за опошление образа

Пушкина.

Злой и неудовлетворенный во всех отношениях ушел спать.

* * *

Или всех грызи, или ляг в грязи. Если поддерживаешь слабого индивида в группе, и не покровительствуя с позиции силы, а стимулируя его волю и веру в себя, то первым, на кого он бросится, почувствовав себя сильнее, будешь именно ты.

Исключений не бывает.

На этом основано жесткое пацанское правило — угнетаемых в группе либо топтать, как все, либо организовывать, образуя оппозицию верховолящей группировке. Но второй путь, как правило, ведет к поражению: в девяноста процентах случаев человек попадает в группу угнетаемых в силу не обстоятельств, а личностных качеств — по слабости воли, отсутствию характера и наличию явных душевных изъянов. Только крепкая, сложившаяся оппозиционная группировка может позволить себе взять обузу в виде покровительства такому индивиду, в которого она будет кидать не ботинки, как все остальные, но фантики, развлечения ради.

И тот, кто этого делать не станет, рискует поменяться с угнетаемым ролями.

Если человек восхищается тобой — пусть восхищается. Не буди в нем веру в себя, не стимулируй в нем самооценку.

Иначе будь готов к тому, что он пойдет по классическому алгоритму: «Ты мой кумир, я твой поклонник, ты общаешься на равных со мной — значит, я стою того, я такой же, как ты, я лучше тебя». И здесь только два пути — либо показать зубы, лишив его иллюзий, либо прекратить общение. Лидер обязан время от времени показывать зубы. Даже вчерашнему задуманному собутыльнику при первых же его попытках поднять голову.

Умение быть лидером — это умение быть одиноким. Только дистанция рождает иллюзию недостижимости, а недостижимость — желание подчиниться. Умение быть лидером — это прежде всего умение создавать нужные иллюзии.

Я не подчиненный и не лидер. Первое — из-за личных свойств, второе — сознательно. Быть лидером — значит намеренно упрощать и уплощать подход к человеку, в том числе и к другу. Тот, кому интересен душевный мир ближнего, лидером быть не может по определению. А для меня нет ничего интереснее, чем другой взгляд на мир, другой отпечаток духа, еще одно чудо — одна из пяти миллиардов человеческих душ.

Я осознанно держусь этих правил.

Дружить со мной не у всякого получится. Но возможно, именно поэтому в друзьях у меня люди неординарные, сильные. Дружба с ними больше похожа на родственную связь. Они могут быть абсолютно непохожими — от вождя немецких байкеров старины Торстена до заместителя главврача крупнейшей баварской клиники Эрика Каца. Объединяет их одно: эти люди уверены в себе настолько, что не нуждаются в самовозвышении и унижении других. Но при попытке помахать у них перед носом распущенным хвостом один деликатно обрежет этот хвост под самый корень, а второй попросту даст обладателю хвоста пепельницей в рыло.

Они — мои друзья, моя семья, мой клан.

Моя нация, если хотите.

У меня есть ослик. Черно-желтый тайваньский ослик по кличке «Кимко».

Этот скутер стоит столько же, сколько вполне приличный и лишь слегка подержанный тяжелый мотоцикл, на который я сейчас коплю, после того как разбил свой «Кавасаки», и это огорчает меня еще больше. Я купил его, когда был богат. Пусть, думал, будет для езды по городу — маневренный, легкий, и бензина надо только чуть... Кто мог знать, что я усядусь на него на долгих два года, поскольку злобные полицаи конфискуют у меня права на коника! Да и сам коник погибнет, содрав мне кожу со спины на прощанье...

Теперь у меня только ослик. Дорогуший осел! Который жрет бензина не меньше, чем взрослый мотоцикл, неустойчив, как пластмассовая утка в ванной, и хрупок, как тайваньская девочка.

За два года аккуратной езды отлетело на фиг сиденье, оборвался блинкер и почти отвалился щиток на руле, порастерялась часть гаек и снеслось левое зеркало. Да, забыл о проржавевшей выхлопной трубе — мы теперь ревим, как небольшой самолет, и от этого мне еще тоскливее...

Но я его люблю. У тайца «Кимко», по сравнению с итальянцами «Пьячо» или «Априлией», очень хорошая тяга, он быстро разгоняется и прет в гору легко. А ведь я не юноша семидесяти пяти килограммов, на которые он рассчитан, а дядька ста десяти. К тому же могу сесть на скутер, пообедав. И ничего.

Пробки, заторы — для него пустяки. Перекрыла дорогу мусоросборочная машина — ха! Газу! На бордюры, резко тормозим, на тротуар и объехали. Пробка — фигня, сворачиваем на велосипедную дорожку и гордо мчимся мимо десятков разморенных ожиданием водителей автомобилей. Благодаря щели в немецком законодательстве для скутера нет специфической правовой базы. Это больше чем мопед, но меньше чем мотоцикл. Пойди разберись, что ему можно, а что нет, поэтому полиция чаще всего оставляет скутеристов в покое.

Скутер — позор байкера. А между тем скутер — мотороллер, этот ослик, — несравнимо более опасная игрушка, чем мотоцикл. Удивительно, но факт. В движении по городу он наравне с другими транспортными средствами прет на скорости 50 км. Зато опрокинуться может в любой момент — вес невелик, отцентрирован плохо, колесо маленькое, чуть гравий на трассе или сырое шоссе, без проскальзываний и хождения юзом — кувырк! — и он уже на боку. И ты вместе с ним.

Тоня, моя сестра, с удовольствием каталась на мотоцикле, обняв меня за толстые бока. Когда же я прокатил ее на своем ослике, она наотрез отказалась садиться на него вновь — страшно. «Такое ощущение, что не на технике едешь, а на ведре с моторчиком, не то провалишься в него, не то оно само из-под тебя выкатится!» Это да.

Я падал на ослике три раза. Один раз на гравии, второй на мокром шоссе и третий просто так, взбрыкнул «Кимко» — и готово.

Ну что ты смотришь на меня своими фарами, спрятанными под решетку? Типа внедорожник! Отдал ведь за тебя бешеные деньги. А ни виду, ни мощи. Позорище мое...

Но все равно мы с тобой сегодня сделали «Априлию». Сделали! Невзирая на ее спортивный выхлоп и на то, что седок был легче меня килограммов на сорок. Они

выскочили на подъеме, с шиком обогнав нас с правой стороны и вылетев на мост. Седок гордо обернулся и продолжил движение в тридцати метрах впереди меня.

Я принял вызов. Ты не знаешь моего «Кимко», пацан! Зато я знаю твою «Априлию». И себя. А ты меня не знаешь!

Дождавшись начала спуска с моста, я осторожно передвинулся на самый край сиденья, так что колени вылезли за щит скутера. Максимально освободил от нагрузки ведущее колесо, пригнулся к рулю, уменьшив сопротивление ветра, и дал полный газ.

Мой трудяга «Кимко» чуть подпрыгнул, влекомый силой инерции и резким форсажем, и стал неуклонно догонять уже торжествующе расслабленную «Априлию». Я поравнялся с ней, отсигналил обгон и с шиком (а как же иначе?) завершил обгоняющий маневр, выскочив прямо перед носом офигевшего соперника. Еще рукой ему помахал.

И не важно, что пришлось пропустить свой поворот и делать крюк в восемь километров. Пусть у меня не «Харлей» сейчас. И даже не «Кавасаки». Но ослик «Кимко»... он же мой. И «Априлия» у этого дерзкого пацана тоже, наверно, любимая... А мы их сделали!

Бог у бога портянки украл.

* * *

Любовь нельзя взвесить. Нельзя измерить. Я люблю солнце, дождь и ветер с моря. И много чего еще. А что же больше?

Всё я люблю больше всего. Люблю родителей, сестру, друзей. Это всё — одна любовь.

Если представить ее как большой медовый пирог — он ваш, друзья, любимые и родные, весь и целиком. И каждый возьмет кусок. Или два, если ты сладкоежка. Все будут его есть, и мне будет приятно. Потому что пирог-то принес я. Для вас.

Но главная любовь — это, конечно, любовь к женщине. Потому что она настолько поглощает тебя всего... что в стороне не остается и эгоизм. Как это возможно? Ведь это антипод любви. А на самом деле именно эгоизм и делает эту любовь особенной среди всех. Я хочу быть с этой женщиной. Только я. И только с ней. Ни с кем не хочу делить. И ни с кем не хочу делиться. Потому что она — моя. А я — ее. Только ее. У мужчины любовь без желания обладать — не любовь. Нет, мне тоже всегда льстит, когда на вечеринке рядом со мной самая красивая женщина, это на самом деле приятно. Особенно если женщина — любимая. Но это так, игра, киндершпиль... И это даже не эгоизм, нет, это... мир для двоих. Потому что я думаю, глядя на нее, как приведу сейчас ее к себе домой, смою косметику, вытру носик, заверну в простынку и утащу к себе, в свою постель.

А солнце я тоже люблю. Пусть светит всем, ярко. И ветер с моря пусть щекочет ноздри и зовет в путь не только меня. От него не убудет. С друзьями в пути даже лучше. Но моя женщина пусть светит только мне. Только. Мне. И зовет в путь меня одного. Не важно, я один на нее смотрю или смотрят на нее с восхищением многие. Самая красивая она или нет. Пускай и никто не смотрит, так даже лучше.

...Я вижу тебя. Твои волосы, лежащиеся на плечи черным свободным крылом. Я вижу твое лицо, нежное, как у ребенка, и печальное, как у женщины, прожившей три жизни. Снова тону в зеленом сиянии глаз. Я вижу тебя снова и счастлив так, что сердце начинает рваться из клетки ребер.

И сожалею в эти мгновения только об одном: чтобы увидеть тебя так ясно, мне нужно

Проснулся в шесть утра. В последнее время сплю урывками, режим скачущий. Взял еще и дневную работу, поэтому иногда поспать не удастся сутки напролет. Впрочем, сил много, и я этого не замечаю практически. Я люблю работать, только сам на себя, конечно, тогда это не утомляет.

Работать люблю, отдыхать люблю, спать люблю, дурака валять люблю...

А вот проснулся от холода. Леденящего, от которого не спасал шерстяной плед. Пустяк дело, если бы... Если бы холод не шел изнутри.

Холодно, очень холодно на душе. Сыплет мерзлая крошка, словно кто-то выскребает стальным ножом огромную, вполнеба, ледяную булку. Холодеют руки, грею их о кружку с кофе. В доме все дышит холодом, не хочется прикасаться к предметам — они жадно, как утопающие за спасителя, хватаются за твоё тепло, и оно уходит в них безвозвратно.

В аду, наверное, не жар, а вот такой мертвящий безнадежный холод. Вечный. Не боль страшно. Страшны отчаяние и безнадежность. Можешь повесить свои медали на стену и вдохновляться ими, они приободрят тебя, но не согреют. Можешь искать тепла в друзьях, но это все равно что подойти к дорожному костру, согреть ладони и снова уйти в морозную ночь.

Холод. Мертвящий, ледяной. Он приходит неожиданно и в последние годы — часто. Словно какое-то неведомое жуткое существо шлет мне приветы, дескать, я помню о тебе, и когда-нибудь...

Знаете, что я вам скажу? Природу не обманешь. Время заводить детей.

Сегодня сообщили, что в Ренебурге албанцы, положив тюрштееров, снесли дискотеку. Так. В совпадения я не верю. Практически одновременно в двух городах начинаются проблемы с албанцами. Бесмир с бригадой выехал в Ренебург. Должны наказать отморожков, и наказать страшно, чтобы неповадно было, иначе... В администрации говорят, что уродов, скорее всего, кончат. Поделом. Впрочем, не исключено и то, что под Бесмиром шатается трон. Если начался передел сфер влияния, это кранты.

Я не буду пешкой в их игре, не согласен быть и офицером. Но уйти не смогу. Это глупо и смешно, да только я привык считать танцхаус своим вторым домом. И с администрацией мы живем, как небольшая, вечно ссорящаяся, но семья. Уйти и бросить танцхаус сейчас — предательство. Ганс не найдет себе такого шефа охранников, как я, особенно теперь. Начхать на деньги. Начхать на положение. Единственное, что для меня значимо, — это самоуважение. Я не хочу его терять и не потеряю.

Еще и близким людям сны про меня снятся непонятные. Хотя они не в курсе практически. Вчера одной приснилось, что я живу в лесу и мне там хорошо. Звала она меня обратно, а я из леса вышел, с большим волком рядом, посмотрели оба на нее грустно и ушли обратно. Сегодня другая рассказала, что ей привиделся большой дом, из которого надо уйти,

но в нем мужики какие-то обо мне говорят и надо им на глаза не попасться; открывает она окно, а туда влетает ворон и садится на стол.

Видно, что-то происходит в астрале.

Турок Али, узнав о конфликте с Альмисом, нашел его телефон и предупредил, что если с моей головы упадет хоть волос, то он, Али, придет к албанцу в гости.

Да, кстати, благодаря этому напряженному времени я наконец-то совсем бросил баловаться пивом и курить. Пиво сменил на кофе, а сигареты — на жвачки. Не до того, нужно быть в форме.

* * *

Ну что ж, если не брать во внимание албанскую мстительность, то вроде бы пока все рассосалось. Слава богу, вторую неделю тишина. Да будет так и в дальнейшем. Наверное, помнит, собака, сто с лишним килограммов живого веса, придавившие его к полу, и мою руку на своем горле. Интересна реакция знакомых албанцев. Они все, как по команде, стали меня сторониться. Это не страх, нет. Это... Похожая реакция бывает у одноклассников, когда ты, старый приятель, вдруг взял и школу поджег. Вроде оно и не жалко, и здорово даже, но как-то неуютно теперь с тобой. Вот совершенно такое же выражение лица у албанской молодежи. Чинно здороваются и тут же исчезают на другом краю дискотеки. Ну и к лучшему. Дистанция тоже должна быть.

Бесмир навел в Ренебурге шороху. Без особого кровопролития, так как оказалось, что это был не снос танцхауса, а просто большая драка. Его вызвали только потому, что число дравшихся албанцев превысило критическое — их там оказалось более десяти человек. Тюрштеерам попало заодно с другими.

Бесмир нашел всех отмороzków. Те били себя в грудь и посыпали голову пеплом. Собрав это раскаянно воющее стадо, Бесмир держал речь, краткий смысл которой таков: «Если еще раз увижу кого-то из вас возле этого диско, у него останется самый важный выбор в жизни: либо он добровольно летит в Косово, либо... остается в Германии навечно». Профилактика всегда лучше хирургического вмешательства.

Ну что ж, из всего можно извлечь бонусы, если захотеть. Я действительно бросил курить и пить пиво. И не тянет даже. Зато с перепугу приналег на штангу и раскачался так, что уже не на битюга похож, а на небольшого уютного слона.

* * *

Сидя под утро с друзьями в ночном кафе, даже не понял, а как-то всем нутром ощутил, до боли, до скребущей тоски: если встретил единственную, именно свою женщину, бросай все ради нее, плюй на все — на карьеру, на деньги, на обстоятельства. Закрой глаза на здравый смысл, на ее прошлое, совместное будущее и логику жизни.

Вцепись в нее всей душой, руками, зубами, как волк овце в холку, за волосы ее за собой тащи. Пусть орет и кусается — потом забудет, станет целовать и плакать от счастья. Не слушай ее вопли и истерики, она дура. Не отдавай. Не теряй. Не жалея.

И будешь счастлив. Со временем, конечно, забудешь об этом, но все равно. А если нет,

жалок ты. Потому что жалкой будет жизнь — при карьере, при деньгах, при здравом смысле, — если с твоей женщиной кто-то другой.

* * *

Вот чего у мусульман не отнять, так это умения по — настоящему дружить.

Моему охраннику позвонил Альмис. Спрашивал, не сержусь ли я, и просил прощения за свое плохое поведение. Мол, был выпивши и не сознавал, что делает. Просил передать большой привет нашему общему другу Али.

А ведь всего месяц назад он клялся среди своих, что мне не жить! И тут такой поворот! От пафосных обещаний кровной мести до «прошу прощения, что вам пришлось меня отлупить...» — неделя времени. А с этим раздолбаем Али, похоже, шутки плохи... И это при том, что самому Али в мою дискотеку вход запрещен.

* * *

Прочел о небывалом экономическом подъеме в Германии... Ура! Я за. Осталось только его найти. В кармане у себя искал, по Кобленцу ходил... не нашел! Впрочем, в последнее время в Кобленце не то что экономического бума, лишней урны не найти. Количество их раза в три сократили, экономит город. Но к подъему это, понятно, отношения не имеет. Интересно, где он все-таки? Наверное, прочно застрял в СМИ.

В соседнем городе убили полицейских. Мужчину и женщину. Обоим прострелили головы, забрали оружие — и тю-тю. Власти закрыли город, не выехать, не въехать, и все равно убийц не нашли. Ну-ну... Может, поищите теперь под Таллином или Пловдивом?

Когда полгода назад в бегущей строке программы новостей я прочел о том, что некий турок, осужденный за сбыт наркоты, сбежал прямо из зала суда, — гомерически хохотал. Я этого «некоего» прекрасно знал. Салман уже отсидел два года за поножовщину. Теперь ему дали шесть. Смылся, несколько дней прятался у родственников, а потом дунул обратно в Турцию. Ищи-свищи. Недавно его двоюродный брат, придя в танцхаус, передал мне от него привет.

Эх... Германия. Страна оранжерейных лопухов.

* * *

— Пошел вон, Куруш! Хватит уже!

— Бу-га-га! Ваш паспорт! Сожалею, но сегодня вы в дискотеку не войдете.

— Куруш, достаточно, не смешно.

— Нет, смешно. Увы, Макс, твое время прошло! Я теперь!

Всё. Нашло котяру счастье. Куруш сегодня с самого начала смены хохочет и машет руками. В заключение от полноты чувств выпер меня за дверь танцхауса и не впускает обратно. Вчера на вечеринке «Ночь женщин» он вытянул три номера телефона у девиц, одна другой краше. С двумя уже встретился, третья должна вот-вот прийти в танцхаус.

Я же получил только один номер. Правда, у меня несомненное преимущество — я его не просил, сама дала. Это единственная причина, почему на светящемся счастьем лице Куруша время от времени появляется смущенная улыбка, и единственное основание, позволяющее мне ходить гоголем. Не меланхоличным писателем Гоголем, а толстой выёжистой птичкой-гоголем.

У Куруша гон. Его распирает от энергии, освобожденной взорвавшимися в крови под натиском горячих немецких девиц гормонами. Рядом с нами стоит его гопникоподобный четырнадцатилетний брат, который от него в восторге, а меня боготворит и — как бы сказать точнее? — мифологизирует. Мальчишка мечтает стать тюрштеером, так что Куруш выпендривается еще и перед ним.

— Да, Макс, теперь я самый привлекательный тюрштеер! Хо-хо!

— Чего это?

— Ты уже слишком стар для этого. Смотри, еще полгода назад ты говорил: «Все самые красивые девочки — мои». А теперь... Только один телефончик! А у меня три! Всего полгода прошло!

— Ни фигя, это ты постарел и научился кое-чему.

Ржем так, что в дверь просовывается голова директора Ганса.

— Ганс, скажи, что я гораздо красивей Макса!

Ганс смеется:

— Ну, глядя на Макса, я начинаю понимать, что красота понятие относительное...

Нет, сегодня действительно какой-то особенный день.

Пользуясь тем, что парочка на входе согнулась пополам от одобренного свыше хохота, проскальзываю внутрь. Куруш с шуточным возмущением наваливается на меня, пытаюсь снова выпереть на улицу. Он тоже тяжеловес, но все-таки боксер — не станет пускать в ход кулаки в приятельской возне, а я всю жизнь занимался борьбой, так что в этой дружеской потасовке у меня преимущество. Кельнеры с интересом смотрят на наше противоборство. Гости, касса — все побоку. У Куруша гон.

Неожиданно он отпускает меня, и на его раскрасневшемся от прилившей крови лице появляется умильная улыбка. Рослая белокурая немка в короткой джинсовой юбке решительным шагом подходит к нему и молча, обхватив за курчавую голову, целует в губы. Ну... немки имеют свою специфику. Куруш что-то шепчет ей на ушко, и она, милостиво кивнув мне, шествует внутрь дискотеки. Он самодовольно гладит бородку. Его брат восторженно смотрит вслед прекрасной Брунгильде.

— Ну да, Куруш. Ничего.

— Ха-ха! Нет, Макс, твое время прошло!

— Так. Куруш сегодня работает бесплатно. Я пишу его деньги на себя, за моральный ущерб. А ему и так радости хватит.

Мы смеемся... но на душе у меня осадок. Мне тридцать четыре...

Не хочу больше стоять с ними у дверей. Не хочу больше ржать с этими молодыми бычками. Пойду лучше к себе в закусокную, налью крепкий кофе и съем полпиццы. Сразу станет легче. Какие еще радости у пожилого тридцатичетырехлетнего мужика? Все когда-нибудь кончается...

Грустно дожевываю пирожок, запивая его отвратительным автоматным кофе, в котором нет ни малейшего аромата. Как лист перед травой, передо мной вырастает Курушев брат.

— Там... это... Куруш просил вам передать, что... это... актриса ваша пришла.

Кофе летит в раковину вместе с чашкой. На ходу сбрасываю крошки с бороды. И да, на пороге улыбается вернувшаяся из Мюнхена Жаклин.

— Жаклинка!

— Ты так давно не звонил... Можно войти?

— Вау! Скажи это погромче! Да нет, ерунда это, я безумно рад тебя видеть! Что тут скажешь?..

Нас не слышат, но энергетика разговора видна. Кельнеры смотрят на нас. Куруш немного посерьезнел. Молчит, опустив глаза, кассирша. И только брат Куруша продолжает зачарованно пялиться на Жаклин. Еще бы. По общему признанию мужской части персонала, это самая красивая девушка со времен существования танцхауса.

Телефоны... брунгильды... Фигня! Я настоящий теперь, только теперь, это так редко.

Целую ее, нежно-нежно, в тонкую невидимую линию между мочкой уха и шеей. Мое любимое место.

— Хочешь пиццу?

— Хочу...

— С грибами и двойным сыром?

— С грибами.

Отвожу ее в свою закусную. На секунду возвращаюсь к дверям. Серьезны кельнеры, задумалась кассирша, и только брат Куруша, смеясь, хлопает его по курчавой голове — дескать, видел, какие девушки на свете бывают? Подмигиваю им. Они смеются.

Эх... пацаны.

Мне уже скоро тридцать пять. Не к лицу мотыльком порхать. Так и в старика Козлодоева можно со временем превратиться. Дело нехитрое.

Время-то как летит...

* * *

Счастье. Почему-то с четырех утра на работе накрыло ясное теплое чувство тихого счастья... Полного. Без причины. Оно затопило меня медленным, ровным светом. Так обычно льется в стеклянный сосуд золотистый мед.

А ведь день был трудный. Выпер пьяного албанца «живот в живот». Удобно быть тяжелым — и бить не надо, иди на человека, даже рук не поднимая, и сноси его к выходу.

Поймал двух воров в танцхаусе. Большая удача. Сумку девушке вернули, выкинул обоих с вечным запретом на вход. Что ж, по последней статистике Монберг, где расположен наш танцхаус, — первый на федеральной земле по обороту наркотиков и количеству нелегального оружия, а мой родимый, небольшой даже по германским меркам Кобленц, под боком у Монберга, — на четвертом месте по уровню преступности во всей Германии.

Так что даже не знаю, откуда пришло это чувство. Но таким счастливым я не чувствовал себя уже давно. Это не пароксизм наслаждения и не нечаянная радость, а ровное, могучее дыхание счастья, которое заполнило меня настолько, что для других чувств даже места не осталось. Я почувствовал себя налитым энергией и гибкой, играющей легкостью. Задиристым нахальным воробьем. Кувыркающимся в траве леопардом. Скачущим над волнами дельфином.

Вот я и нахальничал, кувыркался и скакал перед дверями, а в закусную даже не зашел.

Не в деньгах счастье. Моя закусовая — сам продавец, сам и директор, вот директор и дал продавцу отпуск за свой, директора, счет.

Разрешил пожилому пакистанцу продавать в танцхаусе цветы. Предложенную мзду не взял. Пакистанец жутко забитый и все время стоит по стойке «смирно». Похож на школьного учителя, прошедшего через камеру строгого режима. Хотя на самом деле он бывший инженер.

Пришла Барбара, празднующая удачу с компанией своих старых коллег. Девки стали меня хороводить, как фламандские проститутки Ламме Гудзака в трактире, а я и не отбивался особенно. Хохотал только, и было мне счастье.

Купил большой букет роз у пакистанца и подарил его Барбаре. Она зарделась и спросила, можно ли ей говорить, что цветы подарил любимый. Жалко, что ли? Меняет человек роль — проституткам цветов не дарят, и любимые им не полагаются. Всю ночь Барбара победоносно ходила с букетом наперевес по танцхаусу. Много ли надо женщине!

А я вышел на улицу и под первыми лучами солнца исполнил, к радости новеньких тюршнее ров, нечто вроде ритуального танца счастья. Водил руками как крыльями, бил себя ладонями о колено и пел: «Ха! Кто несчастлив в этом мире — сам дурак!»

Так странно... Сижу сейчас после тяжелой смены и... не хочу идти спать. Чтобы счастье во сне не расплескалось.

Ловите! Делюсь!

* * *

Вчера наша команда тюрштееров чуть не устроила бойню в русской дискотеке «Декада».

Началось с того, что в девять вечера у входа в танцхаус опять собралась толпа курушевских младших братьев. Они ныли: «Брат, дай немножка-а-а!» — до тех пор, пока Куруш, матерясь, не разменял пятидесятиевровую купюру в кассе и не поделил между вымогателями. Довольные, с гиканьем разбежались.

В три часа ночи у Куруша зазвонил телефон. Из трубки раздалось завывание его пятнадцатилетнего брата. Пацана поймали в «Декаде», где он кутил с подружкой, и выперли как несовершеннолетнего, навалив по шее. Когда он начал грозить тем, что его брат — замначальника охраны в «Ангаре», декадовский вышибала еще и добавил.

Как легко сплотить разных по интеллектуальному и возрастному уровню мужиков под лозунгом «Наших бьют!»! Наши охранники ломанулись к машине. Я встал у них на пути поперек двери. Во-первых, смена не кончилась — кто будет охранять здесь, если все сорвутся сносить охрану в «Декаде»? А во-вторых, что там в реальности произошло, пока неизвестно. Братец Куруша еще тот кент, и нечего начинать войну из-за одного звонка этого разгильдяя. Поедем только я и Куруш.

На меня забурчали. Ну и пусть. Должен же быть на восемь дураков один умный. Но тут пришел Ганс и сказал, что до тех пор, пока он директор, никто из его работников никуда не поедет. Особенно воевать в русскую дискотеку под утро.

Красный Куруш снял с себя галстук и значок и сказал, что больше не работает в «Ангаре». Он едет сносить двери в «Декаде». Спасибо тебе, Макс, за все, но брат есть брат. Вызвонил по телефону машину, полную его племянников, кузенов и дядей, и они, разве что

не постреливая в воздух, исчезли в преддверии сумерек.

Я плюнул со злости и ушел к себе в закускую. Но как-то не торговалось. Заказанная пицца сгорела, не дождавшийся клиент, возмущенно бурча, ушел, а обуглившуюся пиццу тут же сжевал безденежный турок. Мне было не до того. Как там мой сыночек, жив ли?.. Позвонил Курушу на мобилу. Раздались длинные гудки и потом короткие — отключил телефон. Живой сыночек, значит.

Через два часа Куруш вернулся, очень смущенный. Когда до охранника «Декады» дошло, что по шее получил не обычный албанский мальчишка, а мужчина из фамилии Зорба, он, загрустив, исчез. Но и этого оказалось мало. Как я и предполагал, братец Куруша вполне заслужил пенделей. Он дерзил охранникам и отказался выходить самостоятельно. В результате разгневанный, потерявший работу Куруш ему еще и сам добавил.

До конца смены Куруш каялся и божился, что такого больше не повторится. Что он готов отстоять следующую смену бесплатно и больше никогда не слушается старших. И что в гневе он не может себя контролировать. Что его младшие братья — это самое дорогое, что у него есть. Что он был не в себе, а всё проклятые девки виноваты — довели его до такого душевного состояния...

Если бы Куруш был не албанцем, а японцем, наверняка отсек бы себе мизинец и подарил его мне, чтобы искупить позор.

Куруша можно понять. Его старший брат отсидел за то, что пальнул из пистолета в свою жену. Промазал, но это не помогло. Второй брат торговал наркотиками и отсидел за попытку ограбления банка. И только он, третий, мало того что стоит на правильной дороге, работая на стройке и занимаясь боксом, так еще и получил статус смотрящего за порядком. Гордость родителей и пример двум младшим братьям. Надо видеть, с каким благоговением Куруш относится к своим обязанностям и как гордится тем, что ему, мужчине из семьи Зорба, доверен контроль за порядком. А тут... из-за глупого брата! Где мой значок?! Где мой галстук?! Куруш растерянно трогал открытый воротник своей аккуратно и любовно наглаженной служебной рубашки и, казалось, готов был заплакать.

Я немного помучил его в воспитательных целях, но в конце смены с недовольным видом вернул знаки власти. Куруш бросился меня обнимать и скакать, как молодой ротвейлер при слове «гулять!». А я обещал, что, если еще раз повторится подобное, возьму его за ручку и отведу к хирургу. Устранять источник проблем. Не дрейфь, котяра, станешь толстым и ласковым.

* * *

Больно не оттого, что ты расстаешься с любимым человеком. Ты расстаешься с частью самого себя. Любящей частью. Душевные раны зарастают медленнее и тяжелее всего. Словно от души оторван кусок. Если же ты любил от всей души, то долго еще будешь ощущать внутри пустоту. Жить, работать, есть, пить, спать, функционировать более или менее успешно... как автомат.

Со временем душа зарубцуется. Станет грубее, но и уязвимее. И от нее тоже начнешь дарить... Но чем старше, чем больше накопится шрамов, тем осторожнее. И все равно: не вкладывать душу свою в любимых — не любить.

Может быть, поэтому люди и заводят детей. В надежде, что хоть эти хранители их душ

Заезжал к одной девятнадцатилетней знакомой в больницу. Свалилась с пиелонефритом. Привез ей яблок и цветов, напугал соседку своим скрипучим немецким, поцеловал девушке кончики пальцев и уехал. Вскоре должна была прийти ее мама, а так мы не договаривались. «Зачем нам кузнец? Кузнец нам не нужен». Через час получил от этой мамы эсмэску: «Оставьте в покое мою дочь, она любит знакомиться с интересными людьми, не более того». Посмеялся. Большая деревня, все знают друг друга.

Зашел в турецкое кафе попробовать новое блюдо. «Денэр фляйш мит помис» — баранье мясо с жареной картошкой и горчицей.

Продавец принял заказ, снял колпак, снова надел и куда-то убежал. Турки, сидевшие в кафе, чинно поздоровались со мной за руку. Вернулся продавец вместе с хозяином, большим аккуратным турком в костюме и галстуке, владельцем еще двух закусовых и магазина, где продаются мобильные телефоны.

Он сам накрыл на стол, зыркнув на своего официанта, и мы чинно проговорили полчаса. Турок постоянно печально округлял глаза и был осторожен в выборе слов. Мне было смешно, но виду я не показывал. В заключение хозяин кафе пожелал успехов мне и непосредственно Бесмиру, деньги за заказанные блюда брать отказался.

Роль местного мафиозо мне начинала нравиться. Я решил поозорничать. Деловито окинул помещение взглядом, дружески ткнул хозяина кулаком в толстый бок и сказал: «А я вижу, у тебя делото в последнее время хорошо идет...»

Он быстро и дробно засмеялся, забормотал: «Ох, что ты, что ты, у моих детей теперь хватает на хлеб».

Я был уже не в силах сдерживаться — расхохотался, и мы продолжили беседу за стойкой. Что ж, мне без этих понтов тоже нельзя. Пускай боятся.

Монберг — крошечный городок, в нем всего двенадцать с половиной тысяч жителей. Численность средиземноморских эмигрантов составляет никак не меньше пятнадцати процентов. У подавляющего большинства запрет на вход в танцхаус. Дискотека процветает за счет отсутствия конкуренции — в городе она единственная, ну и под боком Кобленц. Здесь меня знают все албанцы и большая часть турок, у половины из них в Кобленце родные и приятели. Если я не буду поддерживать свое реноме, танцхаус затопчут, как это случилось три года назад. Тогда Роланд и был вынужден пойти на договор с Бесмиром.

По слухам, бродящим среди турецкой тусни (инфу мне периодически сливают знакомые проститутки — нет вернее друзей, кстати), Макс выдержал попытку сноса диско год назад, ходит как ни в чем не бывало, да еще и недавно отметелил Альмиса так, что тот о мести не помышляет. Кроме того, Макса постоянно видят среди местных авторитетов, и со многими из них он в приятельских отношениях, при том что сам ни турком, ни албанцем не является. Отсюда делается вывод: Макс — смотрящий от Бесмира.

Я эту легенду не только не опровергаю, но и косвенно подтверждаю. Как долго продержится этот баланс сил, неизвестно. Главное, чтобы Бес мир не потерял корону, иначе местные группировки первым делом отыграются на нашем танцхаусе и, увы, на мне.

Я прекрасно это осознаю, поэтому времени зря не теряю и сколачиваю себе прикрытие

из местных знаковых фигур. Куруша я сохраняю и протаскиваю за собой не только из-за того, что он хороший работник и приятный парень, но и потому, что один из Зорга.

То есть что получается? Макс прижал албанца Альмиса. Звонок от Али, звонок от Зорга. Али обещает Альмиса убить, Зорга — перед тем еще и огорчить до невозможности. И вишенка на торте — звонок от Бесмира. В результате Альмис приходит просить прощения уже второй раз. Что ж, даже если албанский король Бесмир кончит как его брат, то есть его просто-напросто пристрелят отмороженные соотечественники, моему танцхаусу есть на чем стоять до коронации нового правителя.

Голова у меня еще варит.

А бесплатный ужин в турецком кафе, букеты от цветочника, пиццы от владельца пиццерии, присланные через знакомых турок (Барбара каждый раз шепчет: «Брать бери, но не ешь, знаю я их»), и безуспешные попытки местных барыг подарить мне то ворованный перстень, то мобильник — это, право, только побочные эффекты.

* * *

Как много времени человек тратит на химеры!

Я благодарен дискотеке за то, что каждый вечер мимо меня, так или иначе вступая в контакт, проходят не менее пятисот человек, которых по долгу службы надо внимательно рассматривать. Люди разных возрастов и профессий, и из этой хаотичной разношерстной массы отчетливо проступает портрет человека как такового, человека массового.

Ну, то, что я теперь абсолютно согласен с инопланетянами, не желающими вступать с этим человеком в контакт, — тема отдельная. Но странное при взгляде на него возникает чувство. Одновременно хочется и отлупить его, и ему посочувствовать.

Вот он идет, распираемый переизбытком гормонов. Смотрит фильм про себя, как он крут и небывал и какие вокруг скучные, ничтожные люди, а сам он, семнадцатилетний, уникален и нов. Царь жизни, всё на халяву. Он студент или практикант. Молодой половозрелый бездельник. Жизнью надо наслаждаться! И вообще, впереди еще гарем красавиц, мешок денег и приключения. Их пока еще нет, но они уже есть. В перспективе. И от этого еще кайфовей. Жизнь — его, а вы все дураки и неудачники. И он вам это докажет. Но он вас прощает, раз уж так выпала карта — вам ползать, ему летать.

Вот он же постарше. Получил профессию, зарабатывает неплохо (или плохо), но девушки не любят (или любят, но не те), а как насчет выпить вместе... Не от того, что плохо, а от того, что почему-то скучно. И вроде бы понятно, как можно все изменить, но и холодно, и боязно, и маменька не велит. Зато умный. Зато интеллигент. Или немец. Или боксер. Ну дак выпьем?..

А вот он идет обиженной походкой одутловатого пожилого человека. «Да, лысина, живот и никому я не нужен. И как бы... ну, стоит пока, но как-то... А давай на пальцах поборемся!» Грязненький, не от нечистоплотности, а от отчаянья душевного. Потому что... а зачем? Кому он, старый мешок, нужен? Зато при «мерседесе». И очень умный. Или очень богатый. Или старый мусорный мешок. Короче, жизнь — дерьмо, но он привык.

И еще человек массовый — торопится острой, суетливой поступью женщины бальзаковского возраста, спешащей удержаться на беговой дорожке мелькающих лет. Их показное «Ха-ха-ха!» звучит стервозно, но несколько истерично. «А можно нам, старым

женщинам, в дискотеку? Можно, да? Старым? Ну, то есть нам. Старым. Старым же? Или все-таки не очень старым?»

Так и смотришь, как перетекает толпа, а по сути, один и тот же человечек, от подростка к студенту, от студента к зрелому, от зрелого к увядающему. Редко встретишь не человека, а человека. Пусть не гения, не талант. Просто человека, который в юности любопытен, в зрелости щедр, в старости спокоен.

Я вижу его редко. Иногда он приходит в виде девчонки-панка или шустрого мальчишки в бейсболке. В виде огромного бородатого байкера или аккуратного интеллигентного мужчины с ироничным, но добрым выражением глаз. В виде недорого, но со вкусом одетой женщины, о чьем возрасте и не задумываешься, потому что голос ее мелодичен и дыхание легко. И люди эти — мои друзья. Они не знают об этом, но так и есть. И не потому, что я такой же, как они.

Но я хочу таким быть.

* * *

По улице ночью стало невозможно пройти. Меня знают все.

В темное время суток города Германии принадлежат мусульманам разных мастей, а я страсть как люблю шататься ночью по городу. Так что скоро, видимо, буду одной рукой собирать кружки поставленного мне пива, а другой отстреливаться. Нет, кроме шуток, мне постоянно приходится важно надуть щеки и начальственно посматривать из-под бровей, так что ночные прогулки становятся утомительны. Конечно, есть в этом и приятные моменты. Гулял ночью с подружкой, она посетовала, что никогда не пробовала турецкий айран. Мы дошли до первого же турецкого кафе, я откинул занавеску и... «Ой, дорого-о-ой... твоя девушка айран захотеть?!» Короче, подружке насовали полные руки разного айрана, от стаканчика до литровой пачки. Наотрез отказались брать деньги. Улыбающегося турка, хозяина кафе, я не знаю. Но он явно знает меня. Самое смешное, ему только кажется, что он меня знает...

Не нужна мне эта халява, да и лучше без нее, а то ведь могут и кирпич на голову надеть в конце концов. Не надо мне всего этого. Ни знаков почтения, которого лично я не заслужил, ни напрягов с отморожками.

Я хочу идти по улицам старого Кобленца, отдающего собранное за день тепло и гулко отзывающегося ночным эхом под моими шагами. Хочу, чтобы на волосы мне неожиданно закапал ночной дождь, крупный и свежий. Хочу бродить с подружкой до утра, держась за руки и, как в детстве, «качелить» ими.

И чтобы не пялились на меня в эти минуты восточные глаза разных разрезов, одни приветственно, другие угодливо, третьи с неприязнью и угрожающе, а кто и вовсе любопытства ради: «Га! Так это же Макс!!!»

Да... Как там?.. Беда актера — несоответствие внешних и внутренних данных.

* * *

Навестила комиссия из Кёльна.

Два высокомерных немца в черном отстояли со мной смену. Всё, слава богу, прошло без задоринки.

Наконец молодцы в черном заперлись в кабинете Ганса, проговорили с ним не менее часа, вышли, одобрительно покивали и открыли папки с бумагами. Я получил новое назначение. Теперь я нахожусь в должности «объект-лайтер». В рабочем договоре отдельной строкой стоит, что все работники фирмы обязаны обращаться ко мне на «вы». Именно обязаны. Чисто немецкий подход к делу: положено значит положено. Для сравнения, даже директору танцхауса Гансу все работники, от его зама до поломойки, «тыкают», и это нормально в Германии. А тут прямо в договоре с танцхаусом прописано. Более того, любое мое распоряжение, касающееся охраны объекта, должно выполняться сразу и безоговорочно всеми работниками танцхауса, за пререкания — автоматическое увольнение, так как человек, рискнувший спорить со мной, ставит под угрозу безопасность объекта. А вот это действительно необходимо.

И главное — я освобожден от гребаного экзамена по теории охраны в Торговой палате!

Мало того, теперь моя почасовая зарплата увеличена на пятьдесят процентов и достигла уровня зарплаты среднестатистического немецкого специалиста.

Слава Богу! А я был так несправедлив к Нему.

* * *

В дискотеке опять была бойня. Шесть человек сражались насмерть. Музыка задохнулась, посетители бросились к выходу. Началась паника. Я расшвыривал дерущихся. В памяти только мелькающие кулаки, перекошенные морды турок и залитые кровью лица немцев.

Хватаю за рукав рослого турка — ох и технично бьет, успеваю в долю секунды даже полюбоваться точностью и силой ударов... Перехватываю ему предплечье: «Ты меня знаешь, уходи...» На стойке обвис немец, весь в крови, второй турок бьет его по голове наотмашь, как рубят дрова... Обоих в охалку! «Вон!» Вытесняю массой двоих атакующих в коридор... Возле гардероба стоит окровавленный парень в синей футболке. Оглядывается беспомощно, словно потерялся, и падает. Мертво стучает голова о кафельный пол... Крик Ганса: «Держите его! «Скорую»!» Оглушительный лай собаки... Откуда? В дискотеку врываются восемь полицейских с огромной овчаркой... «Назад!» Третий турок бьет противника в голову — как на тренировке, прицельно, чуть с оттяжкой... Черт, да у него «звездочка»!!! Турок проводит осколком стакана по окровавленному лицу немца, тот верещит по-заячьи, разбрызгивая из порезанных губ кровавые ошметки...

Полицейский раскручивает «тофу». Повязали. «Макс, скажи, что я не виноват...»

«Вы кто?» — «Я шеф секьюрити». — «Ваш паспорт».

Овчарка ложится на живот, чуть поскуливая. Полицейский гладит ее между ушами. Периодически собака обводит всех умными глазами и каждому посылает по два официальных сердитых гавка, ни больше ни меньше. Дескать, и ты стой... и ты... и ты...

Хвост ее при этом стучит по полу... Автоматически протягиваю к ней руку, хочется тепла... «Гр-р-р-р-р-р... н-га-а...»

«Не дразните собаку!»

Смотрю в янтарные умные собачьи глаза, и мне невыносимо стыдно. Вот такие мы...

люди.

Чуть дрожат плечи. Рубашка вся в крови... теперь не отстирать... засохла. Барбара сует мне в губы сигарету...

Парня без сознания, с подергивающимися веками, увезли на «скорой». У второго сломан нос, порезано лицо. У третьего из уха течет сукровица.

Я... живой. И вроде целый. Выбито правое плечо, рубашка измызгана кровью. Мелочи. Ангел-хранитель... спасибо.

Такая драка стопроцентно попадет в газеты. Интересно, что напишут. Наверняка нашу дискотеку снова назовут «Диско Переживание». Черный юмор. «Скотобойня» лучше подходит.

Прошло шесть часов. До сих пор не сплю. Пью пиво, чтобы прийти в себя и заснуть. Главное — не начать курить.

* * *

Скандал в танцхаусе. Жара, драка последней недели, плюс куча идиотов. Поругался с Гансом. Довел его до слез. Эх... немцы. Не лупила вас жизнь по маковке. Видимо, придется искать другое место работы. Прощай, тюрштеерство, прощай, закусовая. Миллионера из меня не вышло, придется переквалифицироваться в управдомы. Ганс в общем-то не виноват. Он всего лишь часть системы, жестокой, бесчеловечной системы, но альтернативы ей, видимо, нет. Система эта называется — капитализм.

Отношение к работодателю в ней — минимум царь, максимум бог. Отношение к работнику... несешь один мешок быстро — молодец, вот тебе награда: неси два! Не можешь? Не верим, и ты больше не молодец. Не хочешь? Уволен, лодыря кусок! И еще. Никогда нельзя работать в капиталистической системе с коммунистическим усердием. В лучшем случае будут смотреть как на дурака, а в худшем... В первый раз тебе скажут спасибо, во второй ничего не скажут, на третий — вменяют в обязанности.

Со мной такое не прокатит. Значит, когда в танцхаусе драка, кто здесь главный — всем известно, галопом несутся, и лезет Максим под турецкие кулаки и битые бутылки. А когда идут шуры-муры с девками у дверей, слова никому не скажи. Отправляются ябедничать на превышение власти — ты не на службе сегодня.

Сколько я отработал на танцхаус бесплатно, и не сосчитать. После прошлой драки уже вторично стою у входа на общественных началах, для поддержки, третьим. На смене, как и положено, двое охранников, и я еще возле дверей добровольно кручусь. Не сплю летними ночами, копейки за это не получаю, с тоски в полночь двери пинаю, а мог бы ребенков делать. Сказали спасибо? Ага, сказали. Ганс предъявил претензии, что я стою без формы и позволяю себе на работе отжиматься. Да у меня времени на тренировки сейчас не хватает! И охранники, мол, на меня жалуются, что я «вмешиваюсь в работу». Не даю, видите ли, беднягам девок у входа мучить.

Когда драка была — не жаловались. Я зажал Ганса в углу и расстрелял логикой. Довел до слез. А сам, видимо, потерял закусовую и должность шефа охраны. Потерял свою проклятую, дерьмовую, опасную и гадскую работу. Но так любимую мной... За анархическую свободу. За адреналин. За ореол, который окружает эту профессию. Да и профессия ли это?..

Я чувствую себя, как актер в последний день съемок приключенческого фильма. Снимаю треуголку, сдаю на склад бутафорский пистолет, стираю с лица грим, сажусь в метро вместе с тысячами других бедолаг и растворяюсь среди них... Конец фильма. Но у него хоть есть надежда, что будет следующий фильм.

А у меня...

Прощай, неблагодарный танцхаус. Впрочем, на то и капитализм. Уйдет один — придет другой. Не за благодарность я был лучшим шефом службы секьюрити за всю историю твоего существования (последнего не могут отрицать даже мои недруги). А за что именно, ты и не поймешь.

Мне тридцать четыре. И у меня снова ничего нет. По фигу. Руки, ноги, голова — не так уж мало! Прошое надо отрезать по пятки. Тогда походка твоя будет легка до самой старости.

* * *

Вот состарюсь — и буду жить наконец как хочу. Ходить в длинном черном плаще с пелеринкой, помахивая тростью с костяным набалдашником. Уголки моих глаз совсем опустятся, придав лицу романтически — готическое выражение, а на длинные волосы навсегда ляжет серебряный иней. Наверное, я буду элегантный старик. Или считающий себя таковым. Буду галантен с девушками и снисходителен к ровесницам. Буду каждый день в театре или в концертном зале спорить с приятелями о нюансах игры актеров и музыкантов. Стучать от восторга тростью в опере, приветствуя юную голосистую диву, и с видом знатока переговариваться с соседом: «Ах, какой тембр! Впрочем, стоит ли удивляться, обратите внимание — прекрасные грудные резонаторы!»

И я знаю точно, что во мне не будет и следа зависти или желчи, когда, укрывшись от ночного дождя под черным зонтом, увижу, как после спектакля молодую певицу встречает стройный импозантный красавец. Улыбнусь им философски — всему свое время, и я когда-то знавал толк не только в музыке. Будьте теперь и вы счастливы, так сказать, дети мои... А я пошел пить горячий чай с травками и вспоминать, вспоминать... перебирать свои воспоминания — драгоценности до самого зябкого утра...

Хрена лысого.

Дома я, скорее всего, закину трость в угол, сдеру с себя плащ, а потом, нарядившись в козуху, оседлаю своего двухцилиндрового коня и умчусь в ночь, вопя от восторга, чувствуя, как мощь железного зверя передается и мне. И каски не надену — какому полицейскому я буду нужен, старый хрыч?! И всю ночь с друзьями стану пить коньяк с кока-колой, орать дикие песни, а домой вернусь с отпечатками ботинок на спине и разбитыми кулаками, пьяный, но довольный.

Интересно, найдется ли женщина, которая стащит с меня куртку и кожаные штаны, ворча: «Ох, старый дурак, когда ж это кончится?..»

А утром я проснусь и с невинным видом буду ходить за ней, приговаривая: «Что случилось, золотко? Почему ты не хочешь со мной разговаривать, у тебя болит что-нибудь?» — чтобы вечером снова смыться в театр...

И это будет счастье.

Был у меня период в жизни совершенно безденежный и свободный. Я ждал визы в Германию, оставалось около двух месяцев. Оформлял последние документы, увязывал концы.

Оформил. Увязал. И делать стало нечего. Паспорт и справки варились в посольстве. Денег было всего ничего.

Но я не унывал. Ничто так не бодрит, как трудное дело, близящееся к завершению, а там... Впрочем, я еще не знал, что меня ждет «там», кроме любимой женщины. Этого было достаточно.

Знакомый пустил меня пожить в его квартиру, выставленную на продажу — пустую, только в углу была свалена гора книг. Я притащил туда старое раскладное кресло и днями в нем курил, пил чай и спал. Ел я раз в день. Поздним вечером доставал снедь, всегда одну и ту же — покупал полбуханки хлеба и одну селедку. Лук и сало у меня были, каждый день я отрезал себе на ужин граммов сто. Заваривал крепкий чай и до утра читал книги.

Славное было время. Страшно подумать — шесть лет назад! Чего только не было за эти шесть лет... Я обжился в Германии, выучил немецкий язык, получил гражданство, открыл фирму, закрыл и снова открыл... Жив, здоров, крыша над головой. Мотоцикл, в отличие от живота, урчит. Пенковая трубка всегда наготове. По утрам разноцветная горсть витаминов и стакан протеинового коктейля. Сахар, о котором мечтал в Караганде, не ем теперь вовсе. Талия, знаете ли...

Вроде все путем. Но что-то я потерял. Что-то у меня было тогда, а теперь нет. Достать, что ли, луковку, селедочный хвост и кусок хлеба? И задремать в кресле.

Поздравляю вас, Максим Викторович, ваш шеф Ганс вас слил.

И чего ради я весь этот год лез под кулаки, портил себе нервы, работал сверхурочно?! Для этого болвана?

Договор на нашу дискотеку перехватила другая секьюрити-фирма. Весь старый персонал, кроме меня, заменили. Новый шеф рассыпался в комплиментах, повысил мне зарплату, выдал знак шефа секьюрити с другим гербом и прислал в помощники своего человека, бритого наголо кикбоксера Керима. Я уже вторую неделю натаскиваю его на нашу специфику, знакомлю с нужными людьми. Он мотает на ус. Куруша я отстоял — его не уволили, а только отправили в отпуск до августа. Всё пучком.

А вчера Керим заявляет, что одежда моя не соответствует регламенту и у него недостает моих таких-то и таких-то документов. В ответ на красноречивый взгляд немного смущенно объясняет, что новым распоряжением шефа объект-ляйтером назначен он.

Мне никаких звонков от работодателя не было. Керим переводит дыхание и говорит, что раз так, то позвольте-ка знак шефа охраны.

Больше всего я хотел лишить мир одного арабского кикбоксера. Но только жизнерадостно улыбнулся и сказал, что этот знак можно забрать в любой момент. Исключительно из моих остывших рук. Так что до тех пор, пока распоряжения не поступили

лично мне, пусть отправляется на свое рабочее место. Керим обиженно надулся, но подчинился.

Звоню работодателю. Гудки, не берет трубку. Захожу к Гансу. Тот сам ошарашен. И он не в курсе. Смена идет своим чередом. К середине ночи, уже светясь от бешенства ровным матовым светом, дозваниваюсь до шефа Марко.

— О-о-о! Макс! Ну наконец-то! Как дела?

— Говно.

— А что такое?

— Я больше не шеф секьюрити?

— Э-э-э... Ну, видишь ли, Керим работает с нами уже давно, и ты не обидишься, если я скажу, что фирма доверяет ему больше?

— Я работаю уже два года, у меня свои враги в городе, свои связи. Знаю в лицо всех, кто имеет запрет на вход. Большинство турок и албанцев даже не пытаются зайти на мою территорию, потому что понимают — это бесполезно. Со времен моего шефства количество массовых драк сократилось вполтину. Вытянет ваш человек все это?

— Мы уважаем твой опыт и будем благодарны, если ты поделишься им с новым шефом. Без тебя он не справится, мы это понимаем...

— А вы понимаете, что, как только пройдет слух, что Макс больше не контролирует охрану, все ублюдки города снова потянутся сюда? Такое уже было, когда я открыл закусочную, а они решили: Макс ушел из тюрштееров. Вам известно, что «Ангар» — это единственная дискотека в радиусе тридцати километров от Монберга?

— Так мы же тебя не увольняем...

— Я по-настоящему задет и ухожу. Об этом можно было сказать в самом начале, а не пудрить мне мозги. Я привык доверять своему шефу. Я не заслужил такого отношения.

— Мы не обманывали тебя. Дело в том... Выяснилось, что ты не прошел соответствующие курсы, необходимые для шефа охраны. Нам неловко было сообщить тебе об этом, так что неприятную обязанность сказать, что ты временно отстранен от должности, возложили на Керима. Но, раз так, обещаем, что восстановим тебя в должности в июле, как только ты пройдешь курсы. Мы их оплатим. А Керим будет шефом только на бумаге, один месяц, для вида. Вся власть над охранниками принадлежит тебе, и это я обязательно оговорю с Керимом.

— Знак остается у меня и на этот период.

— Э-э-э... хорошо.

— Посмотрим. Обманете — ищите другого такого же ненормального, как я.

— Хэй, Макс, довольно, у меня тоже есть яйца! Почему ты разговариваешь со мной в таком тоне?!

Кладу трубку.

Авторитет мой заработан потом и кровью. И чихал я на всех. Ганс не может не понимать, что уволюсь я, и ему через неделю двери снесут. Иду к Гансу. Все-таки без его поддержки мне будет сложно.

— Ганс, защити теперь ты меня. Надави на мое новое начальство. Ты их работодатель. Объясни им, как обстоят дела с охраной. Я тебе этого не забуду.

Ганс неуверенно улыбается, чуть кивает и снова таращится в компьютер.

Черт, мне жаль своей работы. Вход в «Ангар» — моя гордость. Известность «Ангара» как одного из самых спокойных и цивилизованных танцхаусов — моя заслуга. И все это...

сдать? Какому-то Кериму??? Да пропадите вы пропадом!

Через час Ганс вызывает меня к себе. Ох, у него уже болит голова от проблем с охраной... «Ах, какой ты, Макс, тщеславный... Ох, мне все равно, кто будет шефом, главное, чтобы в диско был порядок... Подожди, Макс, дай мне высказаться... Ох, да какая разница, вы ведь одна команда... а вы, как два быка, рогами уперлись... Это уже не мои проблемы... Я тебя не понимаю... Все-таки у немцев и иностранцев разный менталитет — вот я бы никогда не пошел просить помощи...»

Больше всего мне хотелось сказать: «Ну ты и сука после этого». Но я промолчал. Как-то жалко его стало. Урода. А может, я просто устал? Усмехнулся, успокоил его... Не надо никуда звонить, Ганс. Не надо ни с кем разговаривать. Все-таки, наверное, я добрый парень. Впрочем, я ему всегда покровительствовал. Как младшему брату-дебилу.

Что вот теперь делать? Буду думать. Картинка мира не устает меняться. А я устал. Спать пойду.

* * *

Слушал девочку, пытавшуюся петь блюз. Приятный голосок, правильно и вовремя попадает в ноты. Ну и всё.

Нет, подруга, ты сперва смени пару-тройку мужей, потерпи мужские попойки, отчаянье, вот тогда все получится. Что поделаться, требование жанра! А если серьезно, то сколько раз я замечал, что о «большой, но чистой любви» лучше всего поют женщины, прошедшие Крым и Рим. И голосок у них может быть средненький, и песенка так себе, но впечатление от их пения потрясающее. Женщины объективно во многом лучше нас, мужчин, и когда их отколошматит жизнь вдоль и поперек, тяга к чистому, светлому у них все равно остается. Если не надежда на это, то тоска по несбыточному. И когда такая женщина берет в руки микрофон, тогда и рождается чудо, потому что всю печаль, всю неостребованную трепетность и тоску она вложит в пение. В этом заключается очарование уличной девчонки Эдит Пиаф. Таков секрет успеха оторвы Мадонны. Так держалась на вершине вульгарная Пугачиха. Так пела алкоголичка Марлен Дитрих.

Жаль, что Барбара не разрешила выложить запись с ее диска в Интернет. Там есть пара песен, они душу переворачивают. Немудрено.

* * *

Напали у дверей танцхауса. Тот самый босниец-психопат, что год назад ринулся на меня с железной трубой. Пришел с дружками, протянул руку для рукопожатия и... нанес удар. Как я отреагировать успел, не знаю. Увернулся. Принял стойку. Длинный, черт. Но драться не умеет. Сносящие, но слишком очевидные удары, попадет — быка завалит, только не попал ни разу. Дважды я легко подныривал под его кулак, и он не сумел коснуться меня даже вскользь. Я втащил оказавшегося рядом и оцепеневшего от ужаса посетителя дискотеки внутрь, захлопнул железную дверь перед ломаным носом придурка — и выматерил Ганса, который именно сегодня отключил аварийный замок. Обычно достаточно резко хлопнуть дверью, и ее тараном не откроешь. А тут я дверь к себе, а придурок к себе. Оторвал

железную ручку! Хотел врезать этой полуметровой скобой мне по голове, но я снова успел прикрыться дверью. Народ с перепугу вызвал полицию, взяли показания у очевидцев. Нет, блин, если так дальше пойдет, разорюсь на бронезилет.

Сколько отморозков стало приходиться... И откуда берутся только?

* * *

Несколько слов о том, стоит ли так рисковать «за Германию».

Во-первых, руководить охраной — это моя работа, за которую платят, и платят хорошо. А риск — неотъемлемая часть этой работы. Пожарник тоже рискует, рискует и электрик. Не думаю, что их риск более оправдан, чем мой.

Во-вторых, мне нравится эта страна. Нравятся ее законы, отношение к человеку, люди — среди них много таких, кого редко где встретишь.

Ну, например, однажды ночью заглох за десять километров до дома мой мотоцикл. Помятая недобрым словом судьбу, посадившую меня на капризного коня, я поволок его в гору. Мимо на огромной скорости, буквально в полуметре, пронеслись машины, было темно, меня совершенно не видно, свернуть некуда. Неожиданно одна машина, взвизгнув покрывками, резко остановилась, и из нее вышел парень лет двадцати трех, с виду самый обыкновенный немецкий студент.

Он сказал, что меня совершенно не видно на дороге, а это опасно, и предложил свою помощь. Когда выяснилось, что тросом мотоцикл к его машине не привяжешь, он вместе со мной шел не меньше километра, сигналивая своей оранжевой, со специальными отражателями света курткой мчавшимся мимо автомобилям. Когда же я почти насильно отправил его обратно — парень явно ехал либо в ночной клуб, либо на дискотеку, и в его планы наверняка не входило десять километров топтать в ночи, размахивая курткой, — так вот, он ушел только после того, как я согласился... взять у него куртку с отражателями! Причем мы оба были в такой запарке, что даже не спросили друг у друга ни адрес, ни телефон. Знаю только, что зовут его Томас.

Надо ли говорить, что оставшиеся девять километров я не прошел, а пролетел как на крыльях, вдохновленный верой в человечество? И всю зиму потом ездил в куртке этого парня, написав маркером огромными буквами на спине «Данке, Томас!». Может, увидит.

Или вот еще. Однажды во время большой драки — дюжина турок против нас, двоих охранников, — была вызвана полиция. Явились два малорослых, мне по плечо, светловолосых мальчика-ботаника. Парадоксальным образом наличие дубинок с пистолетами только отодвигало их по возрасту еще дальше — от школьников к детсадовцам. К этому моменту мы уже выволокли турок на улицу и они каруселились между собой. Вид у полицейских был такой, что я невольно матюкнулся: «Еще и этих прикрывать придется!»

Да, спустившись к орущим туркам, я грубо нарушил технику безопасности. Но я был в таком бешенстве, что если бы вся Турция вдруг погрузилась в пучину морскую, вышил бы на радостях. Выскочив на автостоянку, чтобы показать, чье слово последнее, я стал тыкать пальцем в турок по очереди, вынося приговоры: «Тебе запрет на вход навсегда... И тебе... Ты придешь через три месяца... Ты тоже... А ты ищи другую дискотеку...» В ответ турки с воодушевленным ревом снова бросились на меня. Так, наверное, бросается стадо быков на тореадора, по пьяни зашедшего в загон.

Мелькнула мысль, что главное — устоять на ногах, но тут неожиданно, как из-под земли, прямо передо мной выросли фигурки «детсадовцев». Они закрыли меня собой, вытащили дубинки и детскими голосами, но достаточно громко закричали на турок: «Назад! Не приближаться к нему!» И своим уверенным видом, а прежде всего явной готовностью постоять за меня, совершенно незнакомого человека, до конца они заставили отхлынуть бешеную толпу.

В наступившей тишине я скользил взглядом по горящим ненавистью черным, как маслины, глазам, когда один из полицейских тихо сказал мне: «Вам лучше подняться обратно и запереть дверь. И если вас не затруднит, вызовите нам подкрепление...»

Да-ра-гой! Чтобы я да вас бросил!!! Впервые я готов был огрести, защищая ментовскую машину — с мигалками, с сиреной, все как положено. Взгляд мой упал на поднятую дубинку. И я заметил, что она нервно подрагивает в руке полицейского.

Но турки, как и все средиземноморцы, так же быстро гаснут, как и вспыхивают. Они уже, кто огрызаясь, а кто и подхихикивая, расходились... Полицейские вздохнули, убрали свои палочки и сели в машину. Один из них заговорил в оставленную там рацию, другой закурил. Я с чувством пожал ему руку. Что-то было в этом необыкновенное, что-то менялось и во мне. Наверное, с подобным чувством целуют руку священнику, не как человеку, зачастую и грешному, а как представителю «той» силы. Я пожал руку этому коротко стриженному мальчишке, показавшему, как бы это пафосно ни звучало, что мои права человека защищены и именно он как настоящий полицейский, представитель закона, готов и будет их отстаивать даже ценой собственного здоровья и жизни.

С тех пор, надо сказать, у меня резко изменилось отношение к полицейским вообще и к российским ментам в частности. Ничто так не прочищает мозги, как наглядный пример. Есть, конечно, и среди них сволочи, но настоящим ментам — поклон и уважуха. Спасибо, пацаны.

И таких «святочных» историй в Германии случается немало. Истинный современный немец — это человек, у которого многим представителям других народов можно поучиться. Внутренней культуре, деликатности, отношению к себе и окружающим. Причем эти качества распространяются на все слои населения, от профессоров до официантов. И слава богу, что это так.

Когда в танцхаусе нам удастся закрыть вход для отмороzków, когда мы не даем им испортить нормальным людям праздник, я чувствую, что по — настоящему нужен. И это тоже счастье. Может быть, даже большее, чем вся эта возня с девицами и прочая, прочая...

Есть у меня чувство, что, невзирая на все перекосы и выверты, строит некоторая часть человечества красивый чистый дом. Большой, светлый. Он называется Культура, а уже под его сенью расцветет и облагородится все. Процесс этот медленный, но, несмотря на все трудности, дело идет. Все-таки нельзя сравнить современные нравы, какими бы они нам ни казались, с нравами средневековыми, а ведь всего четыре сотни лет прошло — микрон в истории человечества. Так что я хотя бы кирпичики по ночам посторожу, чтобы уроды их не растащили, если уж не могу в самом строительстве этого дома поучаствовать.

Сядешь вот так после драки, когда пять минут назад мимо головы просвистела двухкилограммовая железная труба — недавно еще приваренная дверная рукоять, — закуришь... Что бы сделала эта троица внутри, да еще и выпив! А рядом смеется дискотечный молодняк, глупо, но добродушно улыбаются за кружкой пива бургеры постарше, компания студентов день рождения справляет...

И встают перед глазами и машущий курткой с чисто немецкой энергичностью и деловитостью Томас, и пара стриженных пацанов в форме, готовых биться за тебя с толпой уродов, и думаешь: «Ребята, смотрите — я тоже такой!» Ведь у Томаса есть друзья, может быть, есть братья и сестры, которые придут или уже ходят в дискотеки, может быть, даже в мою. И я прикрываю их от таких вот отморожков. Уроды не смогут оскорбить девушку Томаса, не ударят его брата по лицу в минуты отдыха и радости, когда он открыт миру.

В общем, пусть уж лучше труба полетит в меня. По крайней мере, я имею больше шансов от нее уклониться, чем обычный человек, пришедший в танцхаус. Потому что есть Германия, за которую я готов себя гнобить. В ней я и живу.

* * *

Сегодня приходил в дискотеку мой персонаж и дружок, дебошир Али. Сперва шум перед дверями: «Али идет!!!» Тюрштееры от него врассыпную.

Али, впрочем, не угрожал. Кричал только: «Папу, папу позовите моего!» Обнялись, полгода его не видел почти. Не далее как на прошлой неделе Али отметелил тюрштеера в «Фанпарке». Естественно, я его не впустил. Он отнесся к этому философски. Я обратил внимание на то, как он похудел.

— Макс, тебе скажу. В больнице был.

— Желудок, что ли?

— Да нет. СПИД у меня.

Эх, Али... Говорил тебе: нюхать нюхай, а колоться...

Поздно уже.

* * *

Позвонила Барбара, попросила о встрече. Подхватила на полдороге. В ее шикарном «мерседесе», набитом проститутками, как огурцами в банке, дышать нечем от дорогих духов. Под грохочущую музыку девки давай меня тискать, а я, слегка обалдевший от такого свидания, почти и не сопротивлялся. Нет, в жизни, даже состарившись, к услугам проституток обращаться не буду. Уж лучше вспомню юность и выпишу себе порножурнал... Кошмар какой-то...

Барбара развезла бывших коллег по домам, мы сели в итальянском кафе, и она начала рассказывать. Блин, всё знает!

Мои проблемы в танцхаусе начались с депортации Бесмира. Его полицейская крыша в Германии отдала концы, и пока неясно, сможет ли он когда-нибудь здесь появиться.

Крышевание танцхауса немедленно взяла на себя другая группировка. Естественно, сразу пошел прессинг и выдавливание работавших с Бесмиром людей. Меня как объект-лайтера им надо было убрать из танцхауса в первую очередь.

Прессинг танцхауса осуществлялся с двух сторон: и со стороны администрации (вот почему Ганс спасовал!), и со стороны нанятых бандитов, которым, правда, было дано указание — Макса не трогать. То-то я удивлялся, как так вышло, что во время предпоследней бойни мне удалось выкинуть троих огромных разъяренных турок, дравшихся вполне

профессионально, и ни разу не огрести по физиономии. Это при том, что двум посетителям они нанесли тяжелые увечья: одному почти отрезали ухо «звездочкой», а другому сломали нос. Я еще обратил тогда внимание, что бойцы совершенно трезвы. Думал, это у меня реакция такая хорошая. Попер на них, и вместо прямого в голову получил неожиданный вопрос: «Макс?» — «Да!» — «Всё-всё! Мы уходим, нет проблем».

Теперь ясно.

Барбару, открывшую при покровительстве Бесмира свой публичный дом (вот откуда подъем такой!), на прошлой неделе поставили под пистолет хорваты, за долги. Она со всем согласилась, вышла в туалет и вызвала людей из окружения Бесмира. Через три минуты к ресторану подъехали три «БМВ», полные албанцев. Их лидер разъярил главному хорвату, что адрес его жены с детьми вполне известен. Проблемы тут же решились.

О полиции даже не говорю. Нет в Германии полиции. Ну разве что на случай магазинных краж. Страна полна отморозков. Недавно только в соседних дискотеках одного тюрштеера подстрелили, а другому снесли полчерепа бейсбольной битой. Лежит, бедолага, в коме вторую неделю.

Словом, начался передел территорий. А я его своим безотказным (тьфу-тьфу-тьфу) чутьем угадал еще в марте. Иду работать в бюро прогнозов. Или в разведку.

Бог меня явно хранит. Спасибо, я постараюсь быть хорошим в этой жизни.

* * *

Что касается полицейских, то тут не все так просто. Есть формальности, которые они обязаны выполнять, и есть жизнь, которая позволяет, а иногда и вынуждает эти формальности обходить, подминать и даже игнорировать.

Рыба гниет с головы. Полиция расплачивается за бездарную и оторванную от реальности политику правительства и законодателей. Поздно уже. Этнических бандитов в Германии выше крыши, и они защищены немецкой конституцией, ведь многие из них формально такие же граждане, как все. Их нельзя просто так взять и выдворить. Уголовный кодекс Германии устарел, это признают и юристы. Сроки и меры наказания смехотворны и не рассчитаны на нынешнюю действительность. Знакомый турок на дискотеке забил насмерть парня. Тот был уже без сознания, а турок все бил его ногами в голову. Получил пять лет. Под следствием он до того ни разу не был, в турецкой дёнерной, где работал, выдали прекрасную характеристику, а главное — на момент убийства турок был пьян, что по нынешнему закону приравнено к убийству в состоянии аффекта (!). Недавно вот вышел. Сел в девятнадцать лет, откинулся в двадцать четыре. Вся жизнь впереди. Среди соотечественников в авторитете и будет ходить кум королю. А от того парня и костей не осталось.

Денежный штраф за увечья предполагает, что агрессору есть чем платить. А если он не имеет работы, то платить... не обязан. Нужно ли говорить, что девяносто процентов этих лоботрясов официальной работы не имеют и иметь не будут? Им будет выделено тридцать лет для погашения штрафа (и только на тот случай, если в течение этого срока они работу все-таки найдут). Ну, если пострадавший согласен столько ждать... Да, еще в полицию и в бундесвер такого нехорошего хулигана никогда не возьмут работать. Пусть идет плачет.

Немецкое уголовное законодательство рассчитано на то, что ответчику есть что терять.

Социальный статус, уровень жизни, семья... Короче, классические европейские ценности. А в Германии сейчас наличествует целая армия этнических отморожков, которым терять нечего, поскольку европейских ценностей они не разделяют. Более того, статус среди своих они как раз и приобретают, получив срок. В общем, даже если их находят и адвокат не разваливает дело, на последствия им тьфу и растереть. Ну отсидит такой пару лет в тюрьме, больше похожей на санаторий, потом выйдет, и весь молодняк будет смотреть ему в рот.

Эти группировки прочно здесь прижились. Полиция (я говорю о настоящих полицейских, а не о купленных, которых в Германии тоже навалом) исходит из реалий — вот уйдет условный Бесмир, и что дальше? Начнутся боины, хаос, ситуация выйдет из-под контроля — до тех пор, пока новый криминальный босс не увенчает себя короной. И все это, кстати, отразится на полицейской статистике... А так танцхаусы платят, Бесмир утихомирует своих соотечественников, всё тихо и все довольны.

Но даже если гипотетически найдется такой принципиальный полицейский чин, который ковырнет диаспору, чтобы навести хоть какой-то порядок, просто так преступность не сдастся. Этим ребятам наплевать, полицейский ты или кто. Нелегальная пушка у каждого пятого. Значит, придется делать это силовыми методами. И сразу найдется какой-нибудь говорун из партии «зеленых», например, и начнет трубить во все газеты: «В Германии возрождается нацизм!» И будут тысячи откликов на то, как нацисты в полицейской форме издеваются над бедными изгнанниками деспотического режима, и без того искалеченными войной в Косово. Глядишь, парой звезд на полицейских погонах станет меньше. А у их обладателя пенсия через пять лет...

Ладно, вернемся к конкретным примерам.

Вот парень, которому снесли полголовы. Дело заведено. Формальность выполнена. И всё. Найти отморожка поможет только случай. В день тюрштеер средней дискотеки отшвыривает от входа в среднем сорок человек. Пойди определи, который из них затаил злобу. Угрожают-то многие. А тот, кто врезал ему сзади по черепу, мог и не угрожать. Тем более, учитывая этнический менталитет, конфликт мог произойти и месяц назад... Сам тюрштеер сейчас показания дать, естественно, не способен. Еще вопрос, сможет ли он когда-нибудь нормально соображать. Свидетелей нет. Да и какие свидетели в четыре часа утра? Разве что сам отморожок в подпитии похвастается в кругу своих и кто-то его сольет. Ну, тогда может быть. Так ведь это еще и доказать надо будет.

Дело еще в том, что немецкий полицейский по большей части имеет психологию обычного бургера: я прихожу аккуратно на работу, минута в минуту ухожу, позвольте мои денежки. Пиво, семья и незатейливые радости, доступные на те три-четыре тысячи, что он получает. А совершенно лишняя поножовщина с албанцами и разбитая в качестве мести машина этими тысячами не оплачиваются. Так что зачем он будет искать себе проблемы? Если есть возможность их обойти — он их обойдет, лишь бы на бумаге все было чисто. А это при достаточном опыте — дело техники.

* * *

В Кобленц снова вернулась зима. Так странно видеть белый пушистый снег на зеленой траве.

Мой город. Я люблю его так же, как когда-то любил Симферополь. Люблю его улицы,

выложенные гладким камнем, люблю его чуждающую архитектуру, вредные памятники, его жителей — веселых, добродушных людей.

Иногда я беру мороженое в своем любимом магазинчике, сажусь на теплые ступеньки церкви, расположенной неподалеку, и долго смотрю на прохожих. Просто смотрю. Заглядываю в лица, улыбаюсь ответно.

А сейчас повсюду лежит снег. Взяв немного на ладонь, я подношу его к лицу — пахнет прошедшей зимой. Пробую на вкус, и он послушно тает на моих губах.

Для кого танцует в ночи падающий снег? Может быть, ты один сейчас видишь колыхание белых снежинок в темном воздухе. А если кто-то так же стоит и не спускает с него глаз — он твой брат. Словно сидишь у костра с другом: ты смотришь на огонь — и он смотрит.

А сейчас ты понимаешь, что единственный, кто смотрит на этот летящий снег вместе с тобой, — это Бог. Наверное, поэтому стоишь иногда под тихим ночным снегопадом, запрокидываешь лицо к мириадам сплетающихся в белые крылья снежинок и чувствуешь, что Бог тоже стоит неподалеку.

Постояли, улыбнулись друг другу и снова разошлись.

* * *

Красота... Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде? Смотря какой сосуд, смотря какой огонь... Лгут те, кто заверяет, что красота женщины не имеет значения — имеет, и чаще всего решающее. Но самое манящее в женщине — не форма тела и черты лица, а внутреннее свечение. Чем оно вызывается, я так и не понял до конца — умом ли, искренностью, внутренним чувством стиля, а может быть, всем сразу. Но говорю с полной ответственностью: это действует на мужчину гораздо сильнее, чем набор внешних качеств.

Когда-то с друзьями — афганцами мы держали на вокзале бригаду. И всегда в час дня, когда мы готовили к рейсу скоростной кельнский, по перрону стремительной походкой проходила Мисс Станция, как мы ее звали. Может, работница бюро при вокзале, а может, проводница. Был теплый май, и над ее коленями играл легкий колокольчик белой юбки. Мы бросались открывать окна поезда и хулигански улюлюкали ей вслед, а она, смеясь, махала нам рукой и посылала воздушные поцелуи. Несомненно, она знала, какое впечатление производит на мужчин — каждый носящий брюки субъект поворачивал ей вслед голову.

Хотя мы и были грубыми вокзальными рабочими, но у всех троих имелось высшее образование. И однажды в обеденный перерыв мы решили проанализировать, а что, собственно, в нашей Мисс Станции особенного. Откуда такой сногшибательный эффект. Решили докопаться до секрета ее привлекательности. Ведь, если разложить все по полочкам, в ней не было ничего от типичных красавиц. Круглолица, большерота, вдобавок носила большие очки. Да и никаких выдающихся форм — скорее худощава.

Но мы все-таки поняли, что именно делало ее неотразимо прекрасной. Да, наша дама сердца была, несомненно, теплым искренним человеком — это чувствовалось по ее солнечной живой улыбке и даже по пластике тела. Такие женщины привлекательны сами по себе. Но основной секрет привлекательности заключался в еще одном нюансе.

Мисс Станция была победительно, неодолимо уверена в своей красоте. Я до сих пор не знаю, каким образом она обрела эту уверенность. Была ли любимой дочерью у мудрого отца

или внушила себе, что привлекательна, самогипнозом. Но именно ее убежденность в том, что она необычайно красива — такая, какая есть, — делала ее сногшибательно, умопомрачительно прекрасной.

Прошло уже четыре года, а я до сих пор помню, как ровно в час дня мы, три здоровых обалдуя, бросали шланги и тряпки и, открыв окна в кельнском скоростном, ждали, когда по перрону пройдет удивительная, чудесная девушка, когда прозвучит в теплом воздухе ровный цокот ее каблучков. И вот она выходит из-за поворота — головокружительной походкой настоящей дивы, солнечно и милостиво улыбаясь нам, ее поклонникам. И восторженно заулюлюкает Хаммид, почти выпадет из окна страстный Ахмадшах — я поймаю его за брюки и сам немного смущенно улыбнусь ей и помашу рукой. Красавица идет. Королева.

В этом тайна привлекательности, делающая девушку больше чем красивой — очаровательной и прекрасной. И именно в этом случае совершенно теряет значение, каковы ее черты лица, пропорции тела и даже возраст.

Любуешься этим играющим пламенем победительной красоты, и сердце екает.

* * *

В субботу дежурил в танцхаусе. Дорабатываю сентябрь, как обещал Гансу, и ухожу. Блин, мы, мужики, как дети. Керим сейчас официальный шеф тюрштееров, собака. На моем горбу в рай въехал. Как стерню пахать, так я, а как урожай пожинать, прислали другого. Значок я ему так и не отдал, ибо не хрена, а он пытается утвердить свою власть путем постоянной смены нашей рабочей одежды.

Официантка Стелла, милая светленькая девочка, угостила дыней. Я доедал уже третий кусок, когда с автостоянки раздался истошный балаганный крик: «Ма-а-акс! Ма-а-акс! Мерзавец, ты обманул меня и теперь должен жениться!» Стелла вытаращилась изумленно.

Выронив желтую дольку дыни, я выскочил на балкон. Внизу, вокруг бежевого «мерседеса», крутилась карусель из голоногих девиц разного калибра, и при взгляде на их грудь не оставалось сомнений. Знаете, чем отличается грудь проститутки от груди обычной женщины, даже щедро одаренной природой? Во втором случае она может быть красивой, манящей, нежной, показывающей, что готова отдаться в мужские ладони. Грудь же проститутки не знает таких сантиментов, зато имеет собственный характер. И этот характер — стремительный! Такая грудь не ждет милости от природы, а истово рвется вперед, к заветной цели. Поэтому проститутки часто напоминают мне женские фигуры на носках средневековых парусников. Впрочем, кем еще мог вдохновиться корабельный плотник?

Девицы, увидев меня, замахали руками и, хохоча, стали хлопать в ладоши, а в центре этого полуголого хоровода загорелым лукавым блинчиком светилась... хитрая польская мордочка! Черт, не видел ее уже почти два месяца.

— Ты что орешь здесь, с ума сошла? Поднимайся ко мне.

— Я не могу-у-у... — пожаловалась Барбара и подняла в воздух два костыля.

Показав Кериму знаком, что я занят, сбегал вниз. Между тюрштеерами есть негласная договоренность: они могут волками друг друга грызть, но если один из них строит куры какой-либо девице, второй его обязательно прикроет. Мерно двигая челюстью — вечно жует жвачку, — Керим невозмутимо встал на мое место.

С Барбарой у меня отношения странные. Оба мы давно не дети и, следовательно, мало

верим в дружбу взрослых мужчины и женщины. Особенно если они свободны и лишены предрассудков, к тому же один из них вышибала, а вторая бывшая жрица любви. Тем не менее небывалое бывает. Я сразу пресек между нами все поползновения этого характера, и Барбара, человек умный и практичный, приняла правила игры такими, какие они есть. Мы прекрасно себя чувствуем в сформировавшихся отношениях — взаимное уважение, помноженное на взаимную благодарность. Мне тоже есть за что быть ей благодарным. Много раз я замечал, как в компании авторитетных албанцев Барбара под разными предлогами намекала им, что Макса прикрывает Бесмир. Причем делала это настолько тонко и ненавязчиво, что я только диву давался. Она же по моей просьбе, когда ездила в Ренебург на встречу с Бесмиром, поставила его в известность о том, как я выгляжу, чтобы не вышло прокола.

— Изменник, — с театральной страстью прохрипела Барбара, высвобождаясь из моих рук.

Я с удовольствием подыграл ей — статус женщины их профессии существенно возрастает, если у нее есть постоянный друг. Девчонки ее перестали хихикать и смотрели на нас с интересом.

— Так ты же пропала неизвестно куда...

— Машину разбила и колено заодно.

Барбара кивнула мне, и я понял, что нам есть о чем поговорить.

Мы отошли в сторону. Странно было видеть сильную необузданную Барбару, опирающуюся на костыли.

— Макс, будут перемены. Вернулся из Братиславы бывший шеф «Ангара», Ян, помнишь? Вернулся с деньгами. Мы с ним складываемся и хотим купить «Ангар».

— Ого! Тебе парикмахерской мало?

— Мало. Я женщина с запросами.

— Слушай, у танцхауса теперь долги — после прошлой запланированной бойни люди перестали ходить, и так уже четвертый месяц.

— Да знаю. Я, Макс, всегда все знаю. Я тебе даже больше скажу, «Ангар» еще не расплатился с Бесмиром за тот случай, когда он придавил албанскую диаспору, и до сих пор должен ему сорок шгук. Цыгана, который заказал Роланда, месяц назад посадили на три с половиной года. Бесмир вроде бы ни при чем, но кто может знать точно...

— Ну и? Покупая танцхаус, ты возьмешь на себя все долги.

— Ой, Макс, я похожа на дуру?

— Не понимаю, почему Роланд, зная, что танцхаус даже в худшее время делает по полторы тысячи евро чистой прибыли за вечер, до сих пор не расплатился с Бесмиром. Он же был в курсе, с кем имеет дело.

— Макс, ты действительно... охранник!

— От нехорошей женщины слышу.

— Регионал-лайтер — пешка, он работает на хозяина танцхауса. А хозяину, миллионеру, который, кстати, живет в Швейцарии, начхать, как он крутится между бандитами и законом. Не справится — миллионер его уволит, и все. Что, по-твоему, Роланд ему скажет по поводу этих денег? Бандитам отдал? Ха! Хозяин — швейцарец полагает, что в Германии, если поискать, найдутся нацисты, а вот бандитов точно нет. Роланд не только работу потеряет, но и сядет наверняка. И получит не три с половиной года, а побольше, уж поверь. Если я стану хозяйкой, с Бесмиром и его армией расплачусь легко. Да и другие

вопросы порешаю быстро — у меня и деньги, и своя армия есть... хи-хи. Вон, смотри, медсестры у меня какие, одними сиськами насмерть закидают...

— Бесстыжая ты все-таки, Барбара. Нехорошо.

— Ох, Макс, опять ты в моего папу играешь. В своем Люблине они занимались тем же самым за копейки, черт знает в каких условиях, и каждый польский уродец мог с ними сделать что захочет. А здесь они через пару лет освоятся, подучат язык, кто замуж за старика с баблом выскочит, а кто и работу нормальную найдет. Живут, между прочим, в моем доме. Я в свое время и мечтать не могла о таких условиях. Стояла как манекен в витрине. А эти балованные. Да и не держу ведь я никого насильно. В Польше очередь стоит, еще и не всякую возьму. Смотри, какие у меня девочки, найди-ка таких в Германии. Хочешь? В «мерсах» удобно, кстати...

— Барбара, закрой рот уже. Не могу тебя слушать.

— Хи-хи, Максимианен, мой девственник, мучиться осталось недолго, это я тебе как профессионал обещаю... Мррр... Ну, ладно, теперь серьезно: если мы с Роландом сойдемся в бабках, как ты думаешь, кто будет шефом охраны в моем танцхаусе? Подумай, на то ты и вышибала, чтобы думать... Хи-хи, пока, любовь моя!

И Барбара, многозначительно глянув на меня, поковыляла к своему «мерсу». Вот, блин, зверюга...

Поживем — увидим. Барбара, хоть и правильный человек, но склонна к некоторым демонстративным эффектам и выпендрежу. Пока это только слова. И все же...

Ну, Барбара, я буду очень дорогой шеф охраны.

* * *

Итак, я ушел из «Ангара». Наконец-то могу высвечивать свой телефон и выходить из подвозящей меня машины непосредственно у подъезда, а не за пару километров от дома.

Только теперь, месяц спустя, я почувствовал, какая тяжелая ноша упала с моих плеч вместе с обязанностями шефа охраны и в каком напряжении я был все эти два года...

Армия Бесмира существует до сих пор, но что-то мне подсказывает, что это ненадолго. Слишком сильна конкуренция. Подросло новое поколение албанцев, молодых и голодных до халявного куска.

Дядя его смещен с должности, к власти в Косово приходит другой клан. Бесмир тут же стал неинтересен германским спецслужбам, и они перестали его прикрывать. Он срочно уехал в Чехословакию. Оставил заместителя, но кто этот человек, чем силен, не знает пока никто. Барбара ездила к Бесмиру, говорит, что дела его идут не лучшим образом. Три дискотеки уже отказались от его крыши — год назад это было немыслимо.

Словом, времена царствования Бесмира проходят.

Но долго еще будут помнить владельцы германских дискотек, как тряслись у них колени, когда возле входа останавливался шикарный лимузин и из него в сопровождении пятерых телохранителей не спеша выходил высокий, грузный, коротко стриженный человек со шрамом на щеке и золотым гербом Албании на груди. И веяло восторженно-испуганным шепотом от дверей внутрь танцхауса: «Бесмир... Сам Бесмир приехал...»

Практически одновременно с моим уходом в танцхаусе начались бои. Самые настоящие бои с вызовом полиции, угрозами и сносом кассы. Весь Монберг мигом узнал, что Макс больше не охраняет вход «Ангара». И все гопники, все подонки города снова потянулись на штурм. А куда им еще идти, если вокруг на полсотни километров ни одной дискотеки, а им тоже надо и пива попить, и девок поснимать? Оголодали за два года моего правления.

Заезжал ненадолго в «Ангар». Керим был грустный, говорил тихим голосом. Знак шефа охраны оказался ему явно велик. М-да... Я не злорадный. Нет, правда, враг, попавший в беду, уже не вызывает во мне темных чувств.

Даже те, кто был занесен мною в список благонадежных албанцев и турок, теперь устраивают такой тарарам, что Керим думает о смене профессии. Албанец Ассаим, уже отсидевший за ограбление банка и не то что не обижавший никого внутри, но даже голоса не повышавший, на следующий же день после моего ухода обматерил кассиршу, выкинул нового охранника на улицу, а Кериму пообещал оторвать башку.

Второй же охранник, афганец по прозвищу Чик-Чак, приятель Керима, после пережитого жесткача попросту отказывается работать. Они-то небось посмеивались надо мной. Пользуясь близостью к новому шефу, захватили на халяву спокойную дискотеку. Лясы точить да мускулами играть перед девками, вот и вся работа. А Макса — в утиль, чтобы не мешался.

Видели бы они тогда свои нынешние лица. Стоят передо мной, в глаза не смотрят и гундосят, проклиная турок, албанцев, боснийцев, хорватов и весь этот хренов Монберг. Не удержавшись, я расхохотался прямо в лицо Кериму, который переминался с ноги на ногу, как нашкодивший школьник. Так-то, вот тебе копанье под меня, вот тебе детсадовские придирки, вот тебе пустое хвастовство. Вот тебе присваивание чужих славных дел. За что боролся, на то и напоролся.

Ганс хватается за голову: эти двое тюршгеев каждый раз со страху запускают толпы гопоты, которая почти два года не пыталась и нос сюда сунуть, а теперь бьет посуду и посылает персонал.

Одного жаль, искренне жаль. Та система, которую я создал и наладил, рухнула в наглых, но неумелых руках Керима, пришедшего на все готовенькое и кичившегося моими заслугами: «Все говорят, что раньше в «Ангаре» война шла, а я пришел — никакой войны, все стало спокойно». Все надо начинать сызнова. Но иначе и быть не могло. Я предупреждал шефа Керима, а он не поверил, видимо, считал, что я цену себе набиваю. Ну-ну...

Хлебни теперь по полной, как я хлебал. На чужом авторитете далеко не уедешь. Придется зарабатывать свой, а за это, Керим, платить надо. Не в моей крутости было дело. Я и драться-то хорошо не умею. Но у меня есть твердые принципы, и любой гопник, любой бандюган в Монберге знал, что если я сказал «нет», значит «нет», и без вариантов. А кому охота из-за закрытого входа в танцхаус биться насмерть, да еще и со стодесятикилограммовым дядькой? Хотя находились желающие, находились... Но последствия только повышали мой статус в глазах местной гопоты.

Меня не боялись, меня уважали. Простые дикие характеры ценят безрассудство. Так они понимали мое поведение. Скажи я, что, предав самого себя, не смог бы жить, — они бы все равно не поверили. А так решили, что Макс сумасшедший. Ну его, связываться еще...

А кто такой Керим для них? Пацан. Пешка. Ноль.

Ганс просил меня еще поработать, но нет, тем более уже поздно. Брат Тим нашел мне другой танцхаус, да еще какой — рок-н-ролльный! Бросили рыбу в воду, братца кролика в терновый куст, да и козла в огород вдобавок.

Не только Ганс, но и Керим просил. «Макс... я... это... может, иногда будешь чернить здесь?» Да на фиг надо! Мне и некогда теперь. «Тогда... это... можно я буду говорить албанцам, что ты не совсем ушел, а получил еще одно диско?..»

Это пожалуйста. Если поможет. Заврешься — еще на орехи получишь.

А сегодня вручили... именную благодарность от руководства танцхауса. И Роланд печать приложил. Случай для танцхаусов небывалый. Вот это да. Вот за это действительно спасибо. Мне ведь много не надо. За человеческое, от души, — горы сверну. Конечно, руководство «Ангара» немного лишку хватило, но документ есть документ! Был бы старше лет на пятнадцать, точно бы прослезился.

Прощай, «Ангар»! Хороших тюршгееров тебе.

* * *

Так нравился в детстве этот фильм... Особенно финал. Гости Мэри Поппинс садятся на карусель, а там их встречают дети, которыми они когда-то были... И я, десятилетний, круглоголовый, толстый мальчишка, хотел вот так сесть на карусель и встретить себя, взрослого, уже пожилого дядьку, лет тридцати пяти, например. Я хотел себя представить и не мог...

Теперь я и есть этот дядька.

Тот я был бы в восторге, конечно. Подъезжает на тяжелом мотоцикле здоровенный длинноволосый мужик с серьгой в ухе, садится на коняшку и давай рассказывать про головокружительные приключения, про друзей, врагов, опасности и победы. Про любовь прекрасных женщин. «Ты будешь главным вышибалой в немецком городке, и враги твои будут тебя уважать и бояться». — «В немецком?!!» — «А то». — «Ты женат?» — «Уже разведен...» — «А она была красивая?» — «Очень». — «Тогда почему...» — «У тебя красавиц будет столько...» — «Не может быть! Палеевской я совсем не нравлюсь... конечно, она самая красивая девочка в классе... и вообще я некрасивый... нос здоровый, глаза маленькие...» — «Когда-нибудь в тебя будут влюбляться женщины просто за несколько слов». И тут десятилетний Максим упал бы, наверное, со своей деревянной лошадки.

Он был бы счастлив. Ведь тридцатипятилетний Макс исполнил все самые несбыточные мечты десятилетнего... Вот только сам бы я горько вздохнул, наверное. Посадил бы маленького себя обратно на лошадку, погладил бы по голове и сказал: «Бедняга... не знаешь еще, что тебя ждет... Может, пойдешь по другой дороге? Учись хорошо, в университете сдавай экзамены не за счет харизмы и общей начитанности, а серьезно работай. Оставайся при кафедре, защити кандидатскую, начни преподавать. Женись на Свете Палеевской (она тебя будет ждать почти семь лет, как выяснится), народи трех веселых Максов, и все у тебя будет как у людей». — «Не хочу как у людей! Хочу как у тебя!»

О том, как у меня, можно в книжке прочитать и в кино посмотреть. А жить так... не надо.

Я завидую тебе, маленький Максим. Если бы у меня была возможность, я бы сделал все

по-другому.

Прошло двадцать пять лет. Четверть века. Снова смотрю этот фильм и разговариваю с самим собой. Я помню себя, того... Я маленький смотрел бы на себя большого с восторгом. А большой... Нет, я не стану огорчать мальчишку. Пусть мечтает.

Но перед тем как сесть на мотоцикл и, порывав им на прощание, уехать, я слышу последний вопрос, от себя маленького: «Скажи мне хотя бы самое важное!».

Я хочу погладить его по голове, ведь ему еще десять, но потом все-таки хлопаю по плечу, ведь ему уже десять.

«Расти мужчиной, Макс. А значит, готовься к такой драке, которая дай бог никогда не случится, и к встрече с такой женщиной, какую, может быть, никогда и не встретишь».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

ЛЮБИТЬ
ДРАТЬСЯ
МЕЧТАТЬ

МАКСИМ

ЦХАЙ

ВЫШИБАЯ
ДВЕРИ

ISBN 978-5-17-085643-5

9 785170 856435

ЖУ — РЫ
www.as1.ru

«Литература дневниковых записей — явление не новое, но набирающее популярность на фоне усталости читателей от предсказуемых сюжетов традиционной беллетристики. Чем ярче главный герой — тем интереснее чтение. "Вышибая двери", несомненно, писал человек яркий».

Павел Санаев

«Рассказы Макса можно перечитывать, ища ответы, которые не найти в жизни. Он похож на огромного и упрямого великана, хотя зная его близко, воспринимаю как ребёнка, пишущего свою правду — просто, легко и коротко. О работе и о любви. О близости и предательстве. О радости, которую можно найти во всём. Впрочем, прочтите сами...»

Елизавета Глинка (doctor-liza)

«Дневник бродяги Макса интересен честностью, непритесанным описанием ночной жизни и внутреннего мира одинокого мужчины.

Женщинам всегда было интересно, что в голове у красивых и опасных парней, и теперь у них есть хороший шанс это выяснить. А мужчинам и averняка понравится драйв и много-много драк».

Марта Кетро

ВЫШИБАЯ
ДВЕРИ

МАКСИМ

ЦХАЙ

ЖУ — РЫ

ЛЮБИТЬ ДРАТЬСЯ МЕЧТАТЬ

МАКСИМ

ЦХАЙ

ВЫШИБАЯ ДВЕРИ

«Прочитав эту книгу, вы получите хорошего приятеля с крайне непростой судьбой. Не более, но и не менее того».

Евгений Гришковец

ЖУ — РЫ

notes

Карта постоянного посетителя (нем.)

Не делай стресса! (нем.)